

Вестник
Московского
университета

Moscow
State University
Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY — FEBRUARY

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press
2013

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета
2013

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л. РЕМНЁВА, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **главный редактор**

О.А. СМИРНИЦКАЯ, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **зам. главного редактора по лингвистике**

Е.В. КЛОБУКОВ, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка — **отв. секретарь по лингвистике**

Н.А. СОЛОВЬЕВА, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы — **отв. секретарь по литературоведению**

Е.Г. ДОМОГАЦКАЯ, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности — **оргсекретарь**

Члены редколлегии:

Т.Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности

М.В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

И.М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Т.А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания

С.И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык *М.М. Филипповой*

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Корректор *И.В. Луканина*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7. Тел. 697-31-28.

119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет

Подписано в печать 22.03.2013. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,0.

Уч.-изд. л. 14,96. Тираж 600 экз. Изд. № 9798. Заказ №

Ордена «Знак Почета» Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Типография МГУ.

119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Ремнёва М.Л., Кузьмина Е.А.</i> Система норм грамматики Мелетия Смотрицкого: проблемы рецепции и императивности	7
<i>Кобозева И.М., Попова Д.П.</i> Факторы выбора изъяснительных союзов <i>как, что, чтобы</i> (опыт типологически ориентированного формального анализа)	21
<i>Кислова Е.И.</i> Древнееврейский язык в православных учебных заведениях в России XVIII в. (к истории лингвистической компетенции церковной среды)	35
<i>Федорова О.В., Потанина Ю.Д.</i> Рабочая память и язык: от речепонимания к речепорождению	51
<i>Дедова О.В., Купrienko М.С.</i> Заголовочный комплекс в электронной коммуникации	61
<i>Любжин А.И.</i> «РУССКИЙ ГОМЕР». Опыт о литературной репутации	71

Отечественная война 1812 года: вслед юбилею

<i>Недзвецкий В.А.</i> Информационная спецоперация русского командования в войне 1812 г. с Наполеоном: замысел и результат (по мемуарам Армана-Огюста де Коленкура)	87
<i>Полтавец Е.Ю.</i> Войны России с Наполеоном в зеркале толстовской мифопоэтики	100

Материалы и сообщения

<i>Сенина И.С.</i> Классификаторы как разновидность строевой лексики	126
<i>Багаудинова Н.А.</i> Особенности вокализма второго предупредного слога после твердых согласных в говорах Карачевского уезда первой половины XVII в.	139
<i>Полилова В.С.</i> Испанские народные песни в переводе К. Бальмонта	147
<i>Фетисова Е.Э.</i> Неоакмеизм как «ренессанс» акмеизма: Данте Алигьери, И. Лисянская, А. Тарковский, Д. Самойлов	162
<i>Назарова А.В.</i> Легенда об Антихристе в семейной хронике Е.Н. Чирикова «Отчий дом»	171
<i>Прозорова Н.А.</i> История зачеркнутых слов в двух стихотворениях Бориса Корнилова	178
<i>Бибикова А.М.</i> «Трагедии в две реплики» Акилле Кампаниле	185

Критика и библиография

<i>Михайлова М.В., Толкачева Е.В.</i> Русистика и компаративистика: Сборник научных статей. Вып. VII: В 2 кн. Кн. 2: Литературоведение / Отв. ред. М.Б. Лоскутникова. М.: МГПУ, 2012.	191
<i>Ившинский Д.П.</i> В а й с к о п ф М. Я. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012.	195
<i>Кормилов С.И.</i> Х а н я н К. С. Русская литература и армянская критическая мысль XIX–XX веков: Сборник статей. Ереван: Авторское издание, 2012	199
<i>Клементьев С.В.</i> Х о р е в В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). М.: Индрик, 2012	205
<i>Кульпина В.Г., Татаринцов В.А.</i> И з о т о в А . И . Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. М.: Дрофа, 2012. 1023 с.; И з о т о в А . И . Чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2012	210

Научная жизнь

<i>Золотова Г.А., Онитенко Н.К., Никитина Е.Н.</i> XLIV Виноградовские чтения в МГУ	216
<i>Галактионова И.В.</i> Чтения, посвященные 95-летию со дня рождения В.А. Белошапковой	221
<i>Пономарева М.Г.</i> X Васильевские чтения в Ярославле	224
В диссертационных советах филологического факультета	229

Юбилей

Ольга Федоровна Кривнова	236
------------------------------------	-----

Памяти...

Надежда Дмитриевна Октябрьская	239
--	-----

CONTENTS

Articles

<i>Remnyova M.L., Kuzminova E.A.</i> The System of Norms in Melety Smotrity's Grammar: The Problems of Reception and Imperativeness	7
<i>Kobozeva I.M., Popova D.P.</i> Factors for the Choice of Complementizers <i>как, что, чтобы</i> (an experiment in a typologically oriented formal analysis)	21
<i>Kislova E.I.</i> Classical Hebrew in the XVIII Century Russia's Orthodox Educational Establishments (towards the history of linguistic competence in ecclesiastical circles)	35
<i>Fedorova O.V., Potanina Yu.D.</i> Working Memory and Language: From Speech Comprehension to Speech Production.	51
<i>Dedova O.V., Kuprienko M.S.</i> The Headline Complex in Electronic Communication	61
<i>Lubzhin A.I.</i> The Russian Homer: An Experiment in Literary Reputation (continued from the previous issue)	71

1812-14 Patriotic War against Napoleon: Following the Jubilee

<i>Nedzvetsky V.A.</i> The Russian Army's Specialized Disinformation Operation in the 1812 Patriotic War against Napoleon: Design and Results (after Armand Augustin Louis de Caulaincourt's memoirs)	87
<i>Poltavets E.Yu.</i> Russia's Wars against Napoleon as Mirrored by Leo Tolstoy's Mythopoetics	100

Communications and Materials

<i>Senina I.S.</i> Classifiers as a Variety of Structural Vocabulary.	126
<i>Bagaudinova N.A.</i> Peculiarities of Vocalism in the Second Pretonic Syllable after a Hard Consonant in Karachev Uezd dialects in the First Half of the XVII Century	139
<i>Polilova V.S.</i> Spanish Folk Songs in K. Balmont's Translation.	147
<i>Fetisova E.E.</i> Neoacmeism as a 'Renaissance' of Acmeism: Dante Alighieri, I. Lisnyanskaya, A. Tarkovsky, D. Samoilov.	162
<i>Nazarova A.V.</i> The Legend of Antichrist in E.N. Chirikov's Family Chronicle 'Ancestral Home'.	171
<i>Prozorova V.A.</i> The History of Crossed Out Words in Two Poems of Boris Kornilov's.	178
<i>Bibikova A.V.</i> Achille Campanile's "Tragedies in Two Cues".	185

Critique and Bibliography

<i>Mikhailova M.V., Tolkacheva E.V.</i> Russian Studies and Comparative Studies. Collection of articles. Issue VII: in two volumes. Book 2: Literary Studies / Editor-in-chief M.B. Loskutnikova. M.: Moscow State Pedagogical University, 2012	191
<i>Ivinsky D.P.</i> <i>Veiskopf M. Ya.</i> A Demiurge in Love: Metaphysics and Erotica of Russian Romanticism. M.: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2012	195
<i>Kormilov S.I.</i> <i>Khania K. S.</i> Russian Literature and XIX — XX Century Armenian Critical Thought: Collection of Articles. Yerevan: the author's edition, 2012	199
<i>Klementiev S.V.</i> <i>Khorev V. A.</i> Perceptions of Russia and Russian Literature by Polish Writers (essays). M.: Indrik, 2012	205
<i>Kulpina V.G., Tatarinov V.A.</i> Linguocategorical Modernisation of Czech-Russian Dictionaries. <i>Izotov A. I.</i> A New Czech-Russian Dictionary: about 100 000 words and word-combinations. M.: Drofa, 2012; <i>Izotov A. I.</i> Czech-Russian and Russian-Czech Dictionary: about 40 000 words and word-combinations. 2 nd edition, revised and improved. M.: Filomatis, 2012	210

Scholarly Life

<i>Zolotova G.A., Onipenko N.K., Nikitina E.N.</i> XLIVth Vinogradov Readings at Moscow State University	216
<i>Galaktionova I.V.</i> Readings devoted to V.A. Beloshapkova's 95th anniversary	221
<i>Ponomaryova M.G.</i> Xth Vassiliev Readings in Yaroslavl	224
At Dissertation Councils of the Faculty.	229

Jubilees

Olga Fedorovna Krivnova	236
-----------------------------------	-----

In memory of...

Nadezhda Dmitrievna Oktyabr'skaya	239
---	-----

СТАТЬИ

М.Л. Ремнёва, Е.А. Кузьминова

СИСТЕМА НОРМ ГРАММАТИКИ МЕЛЕТΙΑ СМОТРИЦКОГО: ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ И ИМПЕРАТИВНОСТИ

Статья подводит итоги филологических разысканий, посвященных механизмам восприятия в социуме наиболее авторитетной грамматики церковнославянского языка и установлению степени ее императивности для великорусских книжников. Исходная кодификаторская установка М. Смотрицкого на вариативность, характер рецепции систематики и парадигматики его грамматики современниками свидетельствуют о том, что грамматика М. Смотрицкого не могла дать книжникам XVII в. строго регламентированных практических рекомендаций, не могла определять их нормативные представления и соответственно не имела императивного характера.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция, история литературного языка, церковнославянский язык, грамматическая норма, М. Смотрицкий.

The article sums up philological research devoted to mechanisms of perception in the social milieu of the most authoritative grammar of Old Church Slavonic and establishment of the degree to which it was imperative for the Russian scribes. M.Smotritsky's original codifying orientation at variability, the character in which systematics and paradigmatics of his grammar were perceived by his contemporaries testify to the fact that M.Smotritsky's grammar couldn't give the XVII century scribes strictly regulated practical recommendations, it couldn't determine their conceptions of the norm and, correspondingly, didn't have an imperative character.

Key words: Slavic grammatical tradition, the history of literary (standard) language, Old Church Slavonic, grammatical norm, M.Smotritsky.

1. Последнее столетие оценка места грамматики М. Смотрицкого «Грамматки Славѣнскихъ правилноѣ Фунтагма» (1619 г. — первое издание в Евье близ Вильны, далее ГС; 1648 г. — второе исправленное и дополненное издание в Москве, без имени автора; далее ГМ) в плане осознания ее места в культурно-языковой ситуации XVII в. оказалась весьма стабильной. Авторы конца XIX в. (Н. Засадкевич, П.И. Житецкий, С.К. Булич, А.И. Маркевич, Ф.И. Буслаев и др.) отмечали, что «еллино-славянские» стили русского литературного языка отличались «необыкновенною славянщиною». В них куль-

тивируются «высота словес» и «извитие словес», то есть преобладают торжественные, нередко искусственно составленные слова, риторически изолированные фразеологические обороты и запутанные синтаксические конструкции. Грамматические формы образуются и употребляются в точном соответствии с нормами, определенными «славенской грамматикой» Мелетия Смотрицкого. Соблюдается тот «грамматический чин», который сложился в грамматике в результате искусственной регламентации церковнославянского языка по позднейшим памятникам русской и украинской редакций. По мнению исследователей, грамматика М. Смотрицкого не успела приобрести у украинских книжников регулирующего авторитета, однако в Москве предписания грамматики, изданной в 1648 г., для сторонников византийской традиции стали непререкаемой нормой литературности. Позже В.В. Виноградов в работе «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков» отметит, что для московских книжников следование нормам «Славенской грамматики» Мелетия Смотрицкого в высоком церковном слоге становилось признаком «литературности» языка. И в этой стилистической оценке довольно близко сходились «восточники», т. е. сторонники «еллинославянских» стилей, с московскими «западниками» из высших слоев духовенства, отстаивавшими латинскую культуру и юго-западное просвещение [Виноградов, 1982: 20].

В 70–80-е годы XX в. исследователи вновь обращаются к проблеме императивности норм грамматики М. Смотрицкого в связи с историей русского литературного языка и восточнославянской письменной культуры.

Так, В.Г. Сиромеха в работе, посвященной проблеме книжной sprawy и вопросам нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в., анализирует склонение имен существительных. Выдвигая положение о том, что «книжным исправлением во второй половине XVII века занимались представители (...) грамматического подхода, который заключался в применении к книжно-литературному языку выработанных грамматических норм», он отмечает, что источником «правильной» грамматической нормы служила грамматика Мелетия Смотрицкого. Признавая возможность скептической точки зрения на роль этой грамматики в нормализаторской деятельности эпохи, В.Г. Сиромеха тем не менее склонен ее считать наиболее авторитетной для справщиков, поскольку и в сочинениях никониан можно обнаружить как прямые ссылки на нее, так и использование присущей только этой грамматике терминологии [Сиромеха, 1980: 45, 51].

Н.Н. Запольская в статье «Функционирование вариантов церковнославянского языка русского извода в конце XVII–XVIII вв.» [Запольская, 1988: 21], говоря о функционировании церковнославянского языка в двух вариантах в этот период — стандартном и русифицированном, замечает, что если тексты на стандартном церковнославянском языке отражали ориентацию на грамматику М. Смотрицкого 1648 г., то тексты на русифицированном (вульгарно-литературном, гибридном, смешанном, упрощенном, простом языке) были ориентированы не на грамматические нормы, а на набор маркированных церковнославянских элементов, воспринимавшихся в языковом сознании в качестве специфических книжных признаков.

Однако изучение материала как самой грамматики М. Смотрицкого, так и памятников XVII в., реализующих строгую норму церковнославянского языка, заставляет усомниться в справедливости высказанных выше положений.

2. М. Смотрицкий ставил перед собой задачу создания «прескриптивного максимума», демонстрирующего весь словоизменительный потенциал церковнославянского языка, его «**ѣзвѣнїѣ**» (ГС л. 42) [Кузьминова, Ремнёва, 2000: 15–16]. Эта исходная установка определила базовый принцип, которым М. Смотрицкий руководствовался в своих кодификаторских решениях, — *принцип вариативности*, состоящий в фиксации вариантных форм как в пределах одного словоизменительного типа (подтипа), так и в пределах парадигмы одного слова [Ремнёва, 1983; 2003: 194–195]. Почти каждая именная парадигма в ГС включает те или иные известные грамматисту варианты падежных форм. Так, например, у односложных существительных мужского рода и слова **Гдѣ** в грамматической позиции Д. п. ед. ч. как равноправные варианты в ГС зафиксированы флексии **-ѣ/-ю** и **-ови/-ѣви**: «**ѣзрѣнѣ ѣдиносложнаѣ растворяѣтисѣ мощи... сынѣ/ ѣли снови, жерцѣ/ ѣли жерцѣви, домѣ/ ѣли домови, врачю/ ѣли врачѣви**», «**Гдѣ/ ѣли Гдѣви**» (ГС л. 50, 50 об., 57 об., 72, 73). В грамматической позиции И. п. ед. ч. М. Смотрицкий предписывает «**сѣгдѣбѣ ѣкончѣнїѣ... на/ ѣ ѣ на И**» существительным женского рода с суффиксом **-ын-**: «**сѣтынѣ, ѣли сѣтыни, гордынѣ/ ѣли гордыни, рабынѣ/ ѣли рабыни, матынѣ/ ѣли матыни**» (ГС л. 41–41 об.). В этой же позиции двумя окончаниями (нулевая флексия и **-и/-ы**) наделены в ГС имена женского рода третьего склонения: «**жѣнскаѣ двѣбѣгѣ ѣкончѣнїѣ ѣмена... матьѣрѣ ѣли мати, любовьѣ/ ѣли любви, неплѣдѣвѣ/ ѣли неплѣды, дцѣрѣрѣ/ ѣли дци, цѣрковѣ/ ѣли цѣркви**» (ГС л. 60 об.– 61).

Признанная нормой свободная вариативность флексий в наибольшей степени присуща в ГС формам множественного числа. Ср.:

	II склонение			IV склонение	
	пáрёмъ дрѣгъ	снѣ дѣмъ	дрѣво	пáстырь матѣжь	врáчь
И.	и	ы / ове и	а	їе / е	їе / е / еве
Р.	ъ вѣъ / ѣ	ъ / вѣъ вѣъ / ѣ	ъ	ей / ъ	ъ / ѣвъ
Д.	ѡмъ	ѡмъ / ѡвѡмъ ѡмъ	ѡмъ	ѣмъ	ѣмъ
В.	ы и	ы / ѡвы ы	а	ѡ	ѡ
З.	и	ы / ове и	а	їе/е	їе / е / еве
Т.	амн / ы / и	ы / амн амн	амн / ы	мн / и	мн / и
М.	ѣхъ / ѣхъ	ѣхъ / ѡвѣхъ ѣхъ	ѣхъ / ѣхъ	ѣхъ	ѣхъ
	(л. 43об.–44, 46об.)	(л. 50об., 58)	(л. 45об.)	(л. 63об., 64об.)	(л. 72об.)

При этом, констатируя наличие допустимых вариантов, М. Смотрицкий не регулирует их употребления, не определяет сферу использования различных средств грамматического оформления одного значения. Предъявляя списки имен существительных, изменяющихся в соответствии с определенной парадигмой, М. Смотрицкий также не демонстрирует необходимой последовательности — эти списки зачастую перекрещиваются. Так, например, система формоизменения имен существительных **дѣтѣць** и **жрѣць** представлена в ГС в виде самостоятельных парадигм (л. 48–48 об., 50 об.–51). В примечании после парадигмы слова **дѣтѣць** М. Смотрицкий предписывает изменять по данной модели «вса̀ на/ жъ, цъ, чъ, шъ, цъ конча̀цаа̀са̀» (л. 48 об.), вместе с тем в примечании к парадигме **жрѣць** в перечне слов, изменяющихся аналогично, наряду с другими именами с исходом основы на **ц** он приводит существительное **дѣтѣць**: «снѣце, лѣтѣць/ чтѣць/ дѣтѣць/ твѣрѣць» (л. 51). К двум разным словоизменительным типам в ГС одновременно отнесены имена существительные среднего рода, восходящие к древним основам на *es, которые М. Смотрицкий перечисляет как после парадигмы **дрѣво** (без расширения основы: **дрѣво, дрѣва, дрѣвѣ...**): «нѣво/ тѣво/ чѣдо/ ѣко/ ѡѣхо» (л. 45 об.), так и после парадигмы **словесѣ** или **слово** («на со кѣчащѣса̀», т. е. с суффиксом -ес-): «нѣвесѣ/ чѣдесѣ/ тѣлесѣ/ ѡчѣсѣ/ ѡѣшесѣ/ колесѣ/ дрѣвесѣ» (л. 53). Приведенные факты свиде-

тельствуют, что наличие списков как попытка дифференцировать использование вариантных флексий не дает оснований говорить о закреплённости вариантных окончаний за определенными группами лексики.

Таким образом, фиксация нескольких вариантных окончаний, делая ГС достоверным свидетельством состояния литературного языка определенного периода, лишает предложенные грамматикой нормы императивной функции или, во всяком случае, в значительной мере мешает реализации этой функции.

3. Вывод об отсутствии у грамматики М. Смотрицкого императивной функции подтверждает анализ данных, содержащихся в ее втором, московском издании 1648 г., подготовленном ведущими справщиками Московского Печатного двора Михаилом Роговым и Иваном Наседкой (см. [Кузьминова, 2012: 243–256]). Московские редакторы включили в ГМ два новых грамматических раздела, разработанных ими самостоятельно: сводную таблицу именных окончаний (л. 92 об.–93 об.) и грамматический разбор «по *дѣсмочастному ъ разѹмѹ*» всех словоформ в молитвах «*Цр҃ю нѣбныи*» и «*Ѡче нашъ*» и в предложении «*Ѡплъ ст҃ын ѡма, молиг҃ мѡтнѡго б҃га, да грѣховъ ѡставленіе подастѣ дѹшамъ нашимъ*» (л. 375 об.–385 об.). Новые разделы ГМ содержат ценный материал, характеризующий восприятие предписаний грамматики Мелетия Смотрицкого, ее систематики и парадигматики московскими справщиками.

Обращает на себя внимание *несоответствие* сконструированной Михаилом Роговым и Иваном Наседкой таблицы реальному языковому и метаязыковому материалу издаваемой ими грамматики М. Смотрицкого.

В таблице не учитывается представленный в ГС состав членов *грамматической категории рода*. Московские редакторы включают в таблицу окончания существительных трех родов — мужского, женского и среднего рода. В то время как в ГС имена разделяются на семь родов: мужской, женский, средний, общий, всякий, недоуменный, преобщий, при этом парадигмы склонения даются для существительных пяти родов — мужского, женского, среднего, общего и всякого. Отражая в своей таблице именные флексии только трех родов, Михаил Рогов и Иван Наседка следуют традиционной систематике «грамматического канона» православия — трактата «*Ѡ ѡсмнѣхъ частѣхъ слова*», в котором задано тернарное родовое противопоставление: «*Има оубо дѣлїтсѡ на трое в мѹжеско и женьско и среднее*» (цит. по [Ягич, 1885–1895: 335]).

В таблице продемонстрировано иное, отличное от предложенного в ГС, понимание *флексии*. Для М. Смотрицкого флексия — это сло-

воизменительный аффикс. Эти словоизменительные аффиксы приводятся в ГС в предваряющих парадигмы описаниях типов склонений. Ср., например, «Пѣрвагѡ склонѣніа ѡко^нчѣніа сѣтъ три: а: ѡ: и: а: Мѡжески^х/ Жѣнски^х/ Общи^х/ и Всѣки^х имѣнъ: ѡ, и/ и: жѣнски^х: И^{же} Родителный на/ ы: Дателный и Сказателный на/ ѣ: Винителный на/ ѡ: Звателный на/ о: Творителный на/ ою: И мѡжески^х оубо Именителный Винителный и Звателный двойствѣ^ннагѡ числа на/ ѣ: дате^нный и творите^нный на/ ама» (л. 32). В отличие от М. Смотрицкого Михаил Рогов и Иван Наседка интерпретируют флексию как *конечную букву* в словоформе. Так, в качестве окончания Т ед.ч. имен первого склонения (а-склонения) они дают ю (не ою), Д и Т дв.ч. — а (не ама), Д мн.ч. — ѡ (не амѡ) и т. д. Такая трактовка падежных окончаний восходит к статье «Ѡ ѡсми^х чѣстѣ^х сло^{ва}», в которой падеж (паде^ніе) определяется по последней букве в слове: «разньствѣ^ют же паде^ніа именна ко^еждо дрѡгѣ къ дрѡгѣ и къ правѡи и^х по конечнемѡ писмени» (цит. по: [Ягич, 1885–1895: 341]).

Состав флексий таблицы не является адекватным отражением репертуара форм, предписанного грамматикой.

В таблицу включены «лишние» наборы флексий, которые не соответствуют *ни одной* из парадигм грамматики: для существительных мужского рода — И ѡ, Р а, Д ѡ, В а, З ѡ, Т ѡ, М ѣ (л. 92 об.), для существительных женского рода — И ѡ, Р ѡ, Д ѡ, В ѡ, З ѡ, Т ѡ, М ѡ (л. 93).

Наборы флексий некоторых парадигм в таблице отсутствуют, как, например, неодушевленных существительных мужского рода с исходом основы на мягкий согласный (типа знѡи) и на шипящий (типа мѡтѣжѡ), существительных женского рода с основой на -к-, -г-, -х (рѡка, вѡлга, сноха), на -ц (дѡвца), существительных среднего рода с суффиксом -ес- (слово); не отражены флексии множественного числа существительных на мягкий согласный (типа пѡстырьѡ, свѣдѣтельѡ), двойственного числа — существительных женского рода на -ѡа (типа лодѡа) и др.

В таблице представлены флексии, не совпадающие с кодифицированными в ГС и ГМ. Так, например, в наборе флексий, соответствующем парадигмам одушевленных существительных мужского рода с исходом основы на мягкий согласный (И ѡ, Р ѡ, Д ѡ, В ѡ, З ѡ, Т ѡ, М ѣ), в М ед.ч. фиксируется флексия -ѣ, в то время как в ГС и ГМ единственно нормативной является -и: пѡстыри (63 об., 123), свѣдѣтели (65, 124 об.), врачи (72, 131). В наборе окончаний множественного числа, соотносимом с парадигмами существительных

мужского рода с основой на твердый согласный, в позиции В мн.ч. приводится окончание **-и** вместо кодифицированного **-ы**: ср. **клеврѣты** (43, 105 об.), **пѣрмы** (44, 106 об.), **вѣнны** (44 об., 107).

Из 54 именных парадигм московского издания полное совпадение во всех числах с одним из наборов окончаний таблицы обнаруживается только в пяти (!) парадигмах (приблизительно 9%) — **ѣна**, **дѣва**, **воевода**, **захарѣа**, **сѣдѣа**. Характерно, что все они относятся к а-склонению (первому склонению в грамматике) — наиболее простому, где дистанция между книжным и некнижным языком сведена к минимуму. Если же не учитывать наличие вариантных форм, то можно говорить еще о трех совпадениях — парадигмы **мѣти**, **зѣповѣдь**, **сѣрдце**.

Неумение воспользоваться систематикой **ГС** (и **ГМ**) Михаил Рогов и Иван Наседка продемонстрировали и в составленном ими разборе молитв, допустив многочисленные ошибки при определении грамматических параметров словоформ.

В четырех случаях неверно определен *тип склонения*. Слово **ѡмѣ** редакторы относят ко второму склонению (л. 376), в то время как, согласно **ГС**, это слово принадлежит к первому склонению (а-склонению) и даже упомянуто М. Смотрицким в особом «увещении», посвященном заимствованным словам этого типа (**ГС** л. 34–34об., **ГМ** л. 95–95 об.). Как слова второго склонения охарактеризованы имена **црѣвѣ** и **искѣшенѣ** (л. 381 об., 385), в **ГС** же слова среднего рода на **-ѣ** относятся к четвертому склонению: «**Среднихъ славѣнскихъ ѣдинѡ, ѣе**» (л. 122 об.). Этот словоизменительный тип представлен в грамматике парадигмой слова **знѣменѣ** (л. 129 об.–130). Слово **црѣвѣ** приводится в перечне имен среднего рода на **-ѣ** после парадигмы (**ГС** л. 70 об., **ГМ** л. 130–130 об.). Форма Д мн.ч. **должникѡмъ** трактуется московскими редакторами как имя прилагательное и в соответствии с этим получает помету «**склонѣнѣа пѣтагѡ**» (л. 384 об.) — в пятое склонение в **ГС** сгруппированы все адъективные формы. Тогда как в **ГС** слова мужского рода с исходом основы на твердый согласный входят во второе склонение (л. 104 об.), при этом имена с основой на **-к** (равно как на **-г** и **-х**) выделяются в особый словоизменительный подтип, представленный отдельной парадигмой **прорѡкъ** (л. 109 об.–110).

Обнаруживаются в разборе ошибки, связанные с определением *падежа*. Серия таких ошибок была допущена московскими редакторами в случае омонимии падежных форм — **И=В=З**. Формы **В** и **З** существительных и согласованных с ними определений, совпадающие с формой **И**, квалифицируются как формы **И**, а формы **И** в свою очередь — как формы **В**. Так, форма вокатива **сокрѡвице** из

молитвы Св. Духу: «Црю нвѣныи... сокрѡвице бл҃гѣхъ» получает помету «падежа прѡвагъ» (л. 378 об.). Примечательно, что падеж форм 3 ед.ч. Црю и подателю, не совпадающих с И, указан верно. В молитве «Ѡче нашъ» форма местоимения нашъ, согласованного с Ѡче, названа формой «падежа прѡвагъ» (л. 381). Как формы И ед.ч. охарактеризованы формы В ед.ч. хлѣвъъ и насоуциныи («хлѣвъъ нашъ насоуциныи даждь намъ днесъ») (л. 383). Формы И ед.ч. существительного и согласованного с ним местоимения ѡма твоѡ («да свѡтитсѡ ѡма твоѡ») признаются формами «падежа винѡвагъ» (л. 381 об.).

Не всегда московским редакторам удается определить *вид* анализируемого слова. В первых грамматических описаниях церковнославянского языка вид — это категория, относящаяся к сфере словообразования: «Видъ есть первообразагъ реченїа ѡ произвѡднагъ раздѣленїе» (ГС л. 29 об., ГМ л. 89 об.). Первообразными, т. е. неизменными (в современной терминологии), названы в разборе такие производные слова, как милостивагъ (376), ѡставленїе (376 об.), оутѣшителю (377 об.), сокрѡвице (378), подателю (378 об.), црѣвїе (382). В соответствии с ГС слова ѡставленїе, оутѣшителю, сокрѡвице, подателю являются производными именами глагольного вида: «Глаголнагъ вида ѡма есть, еже ѡ глаголъ производитсѡ: ѡкъ, чтенїе, чтецъ, ѡ чтоѡ. слышанїе, || слышатель, ѡ слышо. ѡ прочее» (ГС л. 30 об., ГМ л. 90–90 об.); а слова милостивагъ, црѣвїе — производными именами отименного вида: «Отименнагъ вида ѡма есть еже ѡ ѡменъ начертаваетсѡ: ѡкъ, солнечныи, ѡ солнца. златыи, ѡ злата. ѡ проча» (ГС л. 30 об., ГМ л. 90 об.).

Засвидетельствованы некорректные характеристики *лица* (глагольные формы «да свѡтитсѡ ѡма твоѡ, да прїдетъ црѣвїе твоѡ, да воудетъ вола твоѡ») (л. 381–382 об.) отнесены ко второму лицу) и *числа* (в молитвенном обращении Ѡче нашъ число местоимения нашъ (л. 380 об.) определено как множественное).

Указанные несоответствия данных таблицы материалу грамматики М. Смотрицкого и ошибки в разборе молитв наглядно свидетельствуют о том, что издатели оказываются бессильными в своей попытке справиться с материалом. Впрочем, это «бессилие» вполне объяснимо. Грамматика Мелетия Смотрицкого пришла в Московскую Русь из Руси Юго-Западной, где в XVI–XVII вв. сформировалась иная лингвистическая идеология, обусловленная западной культурной ориентацией. Работая с текстом авторитетной юго-западнорусской грамматики, Михаил Рогов и Иван Наседка встречаются с новым

явлением в славянской филологической культуре, новым типом лингвистического описания — развернутой аналитической кодификацией церковнославянского языка. Во всех предшествующих грамматических сочинениях, в том числе и в грамматическом каноне православия — трактате «**Ѡ ѡсмѣхъ чѣстѣхъ слѡва**», которым руководствовались московские редакторы, отсутствовало описание системы словоизменения и правила образования и идентификации нормативных форм, составляющие основное содержание морфологического раздела **ГС**.

Михаилу Рогову и Ивану Наседке пришлось осваивать новый, аналитический способ осмысления языка (путем систематизации языковых элементов и правил их выбора), новый подход нормированию языка (путем кодификации языковых норм в грамматическом описании), в то время как их языковое сознание, определявшее их языковую практику, было сформировано в рамках совсем другого, традиционного текстологического, по терминологии Н.И. Толстого [Толстой, 1963: 259–261], подхода. До знакомства с **ГС** наглядного представления о парадигматике они, по всей вероятности, ниоткуда получить не могли. Поэтому, безусловно, неадекватные интерпретации, разного рода ошибки, погрешности и т. п. в этой ситуации неизбежны. Показательны ошибки, допущенные редакторами при «расшифровке» используемых **М**. Смотрицким сокращений грамматических терминов. Так, сокращенное обозначение множественного числа **М** (л. 166) интерпретируется в **ГМ** как обозначение мужского рода **моуж** (л. 242), а **ѣ** [единственное число] (л. 244 об.) заменяется глаголом **ѣсть** (л. 338 об.).

У московских редакторов не было сформировано умение пользоваться классификациями и рекомендациями издаваемой ими грамматики и применять ее правила при анализе конкретного языкового материала. Подчеркнем, что речь идет о законодателях книжной нормы своего времени, определявших облик церковнославянского языка, о людях, «в которых выразилось умственное движение Руси в течение всего XVII века» [Мансветов, 1883: 30]. Таким образом, адептам грамматического подхода, представителям ученой элиты, не удалось самым должным образом овладеть грамматической премудростью. Это обстоятельство может служить весомым аргументом в пользу того, что в Московской Руси середины XVII в. предписания грамматики **М**. Смотрицкого могли иметь лишь факультативный, а отнюдь не императивный характер.

4. Ключевое значение для решения вопроса о степени императивности грамматики **М**. Смотрицкого имеет сопоставление зафиксированной в ней системы норм с теми представлениями о правиль-

ности церковнославянского языка, которыми руководствовались его современники, «книжные люди» XVII в., создававшие произведения высоких жанров, соблюдавшие наиболее строгие установки в отношении языковых параметров. При сопоставлении мы не будем касаться характера грамматических норм, нашедших отражение в конфессиональной литературе, поскольку грамматические формы и конструкции, которые представлены в текстах Священного Писания, употребляются не только и не столько в соответствии с предписаниями первых грамматик церковнославянского языка, сколько в рассматриваемый момент сами являются основным источником знаний наших первых грамматистов о церковнославянском языке.

В интересующем нас отношении диагностическими являются только те нормы, которые были искусственно смоделированы, самостоятельно выработаны М. Смотрицким. Конструируя формы и парадигмы «в духе» системы, М. Смотрицкий использовал логические и математические комбинаторные методы, определяющие универсальную форму научных изысканий в XVII в. [Kosiuba, 1975: 248; Захарьин, 1995: 112–119]. Совершенно очевидно, что искусственная грамматикализация возможна в это время и в данной грамматике лишь на материале, который не связан с реальным функционированием форм и допустим лишь в том случае, если за формами, данными в парадигмах грамматики, нет речевых ассоциаций и отражения живых процессов. Результатом грамматического моделирования в ГС (и ГМ) явилась парадигма двойственного числа, не соответствующая той системе форм, которая сложилась в книжно-языковой практике. Дuality парадигма ГС (и ГМ) принципиально отличается от остальных своей тщательной строгостью и отсутствием вариантных окончаний (см. выше). Моделирование М. Смотрицкого было направлено на грамматическую дифференциацию по роду, так, в частности, в глагольной парадигме двойственного числа последовательно противопоставлены формы мужского и среднего / женского рода:

	ГС		ГМ	
	м. и с.р.	ж.р.	м. и с.р.	ж.р.
1 л.	-ва	-вѣ	-ма	-мѣ
2 л.	-та	-тѣ	-та	-тѣ
3 л.	-та	-тѣ	-та	-тѣ

Таким образом, не будучи связанным речевыми ассоциациями, М. Смотрицкий как бы «согласовывает» до полного соответствия и совпадения флексий формы имени, глагола и местоимения в словосочетании: **тѣ двѣ блазѣ дѣвѣ ѣстѣ**; **та два блага мужа ѣста**; **та два дрѣва ѣста**.

Фиксируя формы двойственного числа, М. Смотрицкий определяет и правила употребления этих форм в синтаксической части своей грамматики. Он отмечает, что «имъ имена двойственного числа глѡмъ тогѡжде числа в родѣ имъ и лица согласнѡ сочиняютсѧ. ѡкъ Члѡва два видѡста во Бѣгилице помолитисѧ; рѡцѣ твоѣ створиствѣ ма и создаствѣ ма... Два имена соѡзомъ сопряженнаѧ двойственнагѡ числа глѡмъ в родѣ и лица согласѡща сочиняютсѧ: ѡкъ Лѡка и Клѡпа бесѣдоваста... Мѡрѡа и Мѡрѡа сѣстрѣ вѣствѣ Лѡзарю» (л. 210 об.) Если формы существительных в двойственном числе сочетаются с существительными во множественном или/и в единственном числе, то глагол ставится в форме множественного числа: Оѡже ми гортань, рѡцѣ, нѡзѣ, ѡзыкѣ оѡванѡша или в единственном числе: Ницѣта, чистѡта и послѡшаніе спасаствѣ Иноки (л. 211). Если в сочетании двух существительных, соединенных союзом и, одно из них мужского (среднего) рода, а другое — женского, то глагол должен ставиться в форме мужского (среднего) рода: Отѣцъ мѡи и мѡти мѡа ѡстаѡвиста ма; Брѣце мѡе и плѡть мѡа возрадоваствѣса (л. 211). Таким образом, грамматика М. Смотрицкого четко зафиксировала формы словоизменения глаголов в двойственном числе и определила правила их использования, хотя и в ограниченном числе контекстов. Столь же непротиворечивы в ГС (и ГМ) парадигмы дуалиса имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений.

Рассмотрим, насколько соответствует данным предписаниям ГС (и ГМ) употребление форм двойственного числа современниками М. Смотрицкого, реализующими в своих произведениях строгую норму церковнославянского языка. Ценным источником для сопоставления грамматических параметров является один из наиболее престижных памятников агиографического жанра XVII в. — вторая редакция Повести о Петре и Февронии (житие муромских чудотворцев, канонизированных в 1547 г.). Первая редакция Повести, по мнению исследователей, выпадала из общего агиографического стиля середины XVI в, в связи с чем она и не была включена митрополитом Макарием в Успенский сборник Четвѣх Миней. Во второй же редакции, составленной не ранее XVII в., весь текст был подвергнут тщательной переработке, нацеленной на приведение в соответствие с требованиями житийного канона. Текст именно этой редакции читался во время богослужения [Повесть о Петре и Февронии: 117–118, 124–125]. Вторая редакция Повести о Петре и Февронии демонстрирует строгую норму церковнославянского языка («стандартный церковнославянский»), характеризующуюся тем, что грамматические отношения оформляются исключительно церковнославянскими языковыми средствами, в то время как черты

деловой и бытовой письменности, ориентированной на живой язык Московской Руси, отсутствуют (см. [Ремнёва, 2003: 193–194]).

Для выявления характера функционирования форм двойственно-го числа наиболее показательными являются согласуемые слова — прилагательные, местоимения, глаголы, поскольку имена существительные в форме двойственного числа в свободном употреблении и с числительными **дѣва** и **оба** могут использоваться как своего рода клише, и определить, имеем ли мы дело с формой двойственного числа (**двѣ женѣ**), со следованием традиции, с явлениями ли диалектного характера (**двѣ женѣ**, **три женѣ** и под.), фактически невозможно. В этих случаях релевантной является форма слова, согласующегося с именем существительным. Употребление согласуемых форм в контексте двойственности возможно: 1) при именах существительных, обозначающих парные части тела; 2) при подлежащем, выраженном сочетанием двух существительных, соединенных союзом **и**; 3) при сочетании двух существительных, соединенных предлогом **съ**; 4) при именах существительных, обозначающих парность живых существ или парные предметы; 5) при сочетании существительного с числительными **дѣва**, **оба**; 6) при анафорическом использовании форм двойственного числа.

Исследование языка второй редакции Повести о Петре и Февронии позволило установить следующие закономерности употребления согласуемых слов в контексте двойственности.

Глагольные формы при именах существительных, обозначающих парные части тела, не употребляются в форме двойственного числа: **то во естъ домѣ ѡши** (2, 255); **се во естъ очи храмѣ** (2, 255).

При сочетании двух имен существительных, соединенных союзом **и**, согласуемые слова могут последовательно использоваться в форме множественного числа: **Петръ и Павелъ... отъ того дни начаша искати подобна времени како кѡпно погѣвити змиа** (2, 253); **отець же и мати поидоша на погребение мертѣваго да тамо надъ нимъ плачѣтъ** (2, 255). Вместе с тем в аналогичном контексте допустимы и иные решения: **Блаженный же князь Петръ и блаженнаа княгиня Феврония возвратиста** (дв. ч.) **са въ градъ свои славаще** (мн. ч.) **бога...** и **бѣхѣ** (мн. ч.) **державствѣюще** (мн. ч.) **во градѣ томъ ходаше** (мн. ч.) **во милостыняхъ ко всемъ людемъ, същимъ подъ областью ихъ** (мн. ч.) **ако чадолюбивни** (мн. ч.) **отець и мати бѣста** (дв. ч.) **во своемъ градѣ истиннаа пастыря а не яко наймика** (2, 261). Можно предположить, что в случае, если глагольная форма находится в непосредственной постпозитивной близости с сочетанием двух имен существительных, соединенных союзом **и**, она ставится в форме двойственного числа,

в анафорическом же употреблении (новое предложение, отсутствие повторения конструкции с союзом **и**, а также подтверждения контекста двойственности) согласуемые слова стоят в форме множественного числа. Однако правилом наше предположение быть не может, поскольку в аналогичном контексте возможно и использование форм двойственного числа (см. выше). Очевидно, что в рассматриваемом контексте Повести могут использоваться как формы двойственного, так и множественного числа с преобладанием последних.

При именах существительных, обозначающих парность живых существ или парные предметы, доминируют плюральные формы: **не смѣхѹ прикоснѣтисѧ свѣтымъ телесемъ ихѹ** (2, 262); **свѣтти сами повелеша** (2, 262) и под.

При анафорическом употреблении согласуемых слов мы также обнаруживаем явное преобладание форм множественного числа: **егда же они** (отец и мать) **преставлѣтсѧ и надъ ними такожде оучнѣтъ плакати** (2, 255); **сотвориша** (Петр и Феврония) **бракъ честенъ** (2, 258); **прославлены есте на небесехъ** (2, 263) и под.

Таким образом, в результате анализа употребления форм в контексте двойственности в памятнике XVII в., относящемся к верхнему ярусу церковнославянской книжности, мы можем констатировать следующее: для этого периода нельзя назвать позицию обязательного использования форм двойственного числа, в подавляющем большинстве случаев предпочтение отдается плюральным формам согласуемых слов. Следовательно, образование форм двойственного числа, обязательность и регулярность их использования, характер употребления в тексте абсолютно не соответствуют предписаниям грамматики М. Смотрицкого. Только традиция, сформировавшаяся в книжно-языковой практике, в отличие от грамматики, обладает в XVI–XVII вв. реальной нормализующей силой.

По своим концептуальным основам и прагматическим параметрам грамматика М. Смотрицкого представляла собой наиболее значительное явление лингвистической мысли своего времени, знаменующее начало собственно восточнославянской грамматической теории. Однако первое осмысление специфики грамматической системы церковнославянского языка привело лишь к возможной для автора фиксации языковых явлений, но не к описанию системы норм, которым должны подчиняться книжники. Исходная программная установка М. Смотрицкого на вариативность, характер рецепции систематики и парадигматики его грамматики современниками свидетельствуют о том, что грамматика М. Смотрицкого не могла дать книжникам XVII в. строго регламентированных практических рекомендаций, не могла определять их нормативные представления и соответственно не имела императивного характера.

Список литературы

- Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
- Запольская Н.Н.* Проблемы языкового варьирования и нормирования // Материалы конференции молодых ученых. М., 1988.
- Захарьин Д.Б.* Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — сер. XVIII вв.). München, 1995 (Specimina philologiae slavicae. Supplementband 40).
- Кузьминова Е.А.* Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М., 2012.
- Кузьминова Е.А., Ремнёва М.Л.* Предисловие // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М., 2000.
- Мансветов И.* Как у нас правилась церковные книги. М., 1883.
- Повесть о Петре и Февронии — Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текста и исслед. Р.П. Дмитриевой. М.; Л., 1979.
- Ремнёва М.Л.* О степени императивности грамматики М. Смотрицкого 1648 г. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 3.
- Ремнёва М.Л.* Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
- Сиромеха В.Г.* «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Толстой Н.И.* Взаимодействие локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII в.) // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сент. 1963). М., 1963.
- Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895.
- Kociuba O.* The Grammatical Sources of Meletij Smotryč'kyj Church Slavonic Grammar of 1619: Diss. phil. Columbia University, 1975.

Сведения об авторах: *Ремнёва Марина Леонтьевна*, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dekan@philol.msu.ru; *Кузьминова Елена Александровна*, докт. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: elenk2002@mail.ru

И.М. Кобозева, Д.В. Попова

**ФАКТОРЫ ВЫБОРА ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ
СОЮЗОВ КАК, ЧТО, ЧТОБЫ
(опыт типологически ориентированного
формального анализа)**

Распределение союзов *как, что, чтобы* в предложениях с изъяснительными придаточными в русском языке описано, но его объяснение на общей типологической базе остается актуальной задачей. В статье анализируются три подхода ([Farkas, 2003; Kagan, 2007; Кобозева, 1988]), в центре внимания каждого из которых находится один из следующих факторов: или семантика пропозициональных глаголов, или семантика общего отрицания, или семантика изъяснительных союзов. Авторы статьи доказывают, что распределение союзов можно объяснить только в рамках анализа, учитывающего все три упомянутых фактора.

Ключевые слова: пропозициональные глаголы, общее отрицание, изъяснительные союзы, сослагательное наклонение, изъявительное наклонение, динамическая семантика.

The choice of Russian complementizers *как* ‘that’, *что* ‘that’, *чтобы* ‘that.subjunctive’ still has no typology oriented explanation. We analyzed three previous accounts ([Farkas, 2003; Kagan, 2007 and Кобозева, 1988]) that placed emphasis on one of the following factors: the semantics of propositional verbs, the semantics of sentential negation, the semantics of complementizers, and showed that only a unified account of those factors can successfully explain the variation.

Key words: propositional verbs, sentential negation, complementizers, subjunctive, indicative, dynamic semantics.

1. Дистрибуция изъяснительных союзов *как, что* и *чтобы*

В данной работе мы рассмотрим четыре группы глаголов (А — глаголы восприятия; В — глаголы мнения; С — деизидеративные глаголы; D — глаголы знания), каждая из которых демонстрирует определенное распределение союзов *как, что* и *чтобы*¹.

¹ Эти группы включают в свой состав подавляющее большинство предикатов, способных присоединять изъяснительные конструкции (далее — пропозициональных предикатов). Вне этих групп остаются одиночные глаголы с внутрилексемным отрицанием типа *сомневаться, отрицать*, имеющие иную дистрибуцию. Поскольку цель данной работы — показать необходимость учета по меньшей мере трех факторов для объяснения данных русского языка, а объяснение всей совокупности данных — задача будущего исследования, мы оставили такие случаи в стороне. Разумеется, для полноты охвата дистрибуции изъяснительных союзов потребуются привлечь к

Сразу же следует заметить, что разбиение пропозициональных предикатов по этому признаку не находится в прямом соответствии с их обычной семантической классификацией, хотя первые три группы имеют явное семантическое ядро, представленное глаголами одного семантического класса. Так, группа А, ядро которой составляют глаголы восприятия, может быть расширена, например, глаголом знания *помнить*². Однако в большинстве случаев можно найти объяснение таким несоответствиям, если принять во внимание тот факт, что многие пропозициональные предикаты имеют более одного значения или употребления, в которых должны относиться к разным семантическим классам (ср. перцептивное и путативное значение глагола *видеть*). В синтаксическом поведении глагола *помнить* можно аналогичным образом увидеть отражение того, что в одних контекстах он обозначает сохранение знания (соответственно проявляет свойства глаголов знания), а в других — сохранение образов прошлого опыта (и проявляет свойства глаголов восприятия). Глаголы речи попадают в группы С или D в зависимости от того, какой тип иллокутивного акта они обозначают. Из всех групп только группа D не имеет явного семантического ядра, так как включает глаголы как минимум трех семантических классов: знания, эмоциональной реакции и речевого акта.

В примерах ниже звездочка, как обычно, обозначает неграмматичность данного варианта заполнения позиции.

А. Глаголы восприятия (*видеть, чувствовать, слышать* и др.) в своем основном значении присоединяют придаточные с союзами *как* и *что* в утвердительных предложениях и с союзами *как, что, чтобы* — в отрицательных:

(1) *Я видел, как/что/*чтобы она плакала.*

(2) *Я не видел, как/что/чтобы она плакала.*

В. Глаголы мнения, например *думать, предполагать, надеяться, подозревать*, а также **путативные ЛСВ глаголов восприятия** (например, *видеть, чувствовать* в значении мнения, основанного на чувственных данных) сочетаются с союзом *что*, но не с союзом *как* в утвердительных предложениях, и с союзами *что* и *чтобы* — в отрицательных предложениях³:

рассмотрению и другие союзы (*будто, как бы не* и др.), а также изъяснительные конструкции с союзными словами и частицами.

² О глаголах знания см. [Падучева, 2004: 256–306].

³ Следует отметить, что глаголы мнения различаются по тому, насколько легко они в отрицательных предложениях присоединяют придаточное при помощи союза *чтобы*. Так, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) на сотни таких примеров с глаголом *думать* нам встретилось только два подобных примера с глаголом *считать*: *Я пишу — «так называемого», потому что я не считаю, чтобы в душе отца родилось что-то новое, не бывшее в нем раньше* [Т.Л. Сухотина-Толстая. О том, как мы с отцом решали земельный вопрос (1923)]; *На секретном заседании*

(3) Я думаю, *как/что/*чтобы он пришел.

(4) Я не думаю, *как/что/чтобы он пришел.

С. Деизидеративные глаголы, в частности *хотеть*, *стремиться*, некоторые деизидеративные ЛСВ многозначных глаголов (например, *ждать*), модальные предикаты (например, *надо*, *нужно*), глаголы речевого действия директивного типа (например, *требовать*) присоединяют зависимое предложение только с помощью союза *чтобы*⁴:

(5) Я хочу, *как/*что/чтобы они работали.

(6) Я не хочу, *как/*что/чтобы они работали.

Д. Глаголы знания, например *понимать*, *догадываться*, и **фактивные эмотивы**, такие как *сожалеть*, сочетаются только с союзом *что*:

(7) Я сожалею, *как/что/*чтобы он уехал.

(8) Я не сожалею, *как/что/*чтобы он уехал.

Сам факт того, что различные семантические классы пропозициональных глаголов (группы А, В, С, D) характеризуются разным набором союзов, допустимых в их придаточных предложениях, свидетельствует о том, что семантика пропозициональных глаголов влияет на выбор союза. Однако, как показывают примеры (1–8), это не единственный фактор, от которого зависит варьирование союзов *как*, *что* и *чтобы*.

Выбор союза в некоторых случаях чувствителен к наличию общего отрицания. Так, глаголы групп А и В сочетаются с союзом *чтобы* только под отрицанием (2, 4). В утвердительных предложениях с этими глаголами употребление союза *чтобы* невозможно (1, 3). Отметим, что если под влиянием примеров типа (1–4) мы считаем, что семантика отрицания влияет на выбор союза, то необходимо объяснить, почему в остальных случаях (5–8) наличие отрицания никак не отражается на варьировании союзов.

Последним фактором, влияющим на распределение союзов в придаточных предложениях пропозициональных глаголов, является, по нашему мнению, семантика самих союзов. Так, интерпретация примеров типа 2 и 4, несомненно, варьирует в зависимости от того, употребим ли мы союз *что* или *чтобы*. Подытожив результаты на-

*Думы, при обсуждении кредита в 39 миллионов рублей на пополнение запасов и материальной части армии, Гучков заявил, что «как раз в тех областях военного дела, которые находятся вне пределов нашей критики, мы не можем считать, чтобы дело обстояло благополучно» [А.Ф. Редигер. История моей жизни (1918)]. В предварительном порядке это различие может быть связано с таким аспектом семантики глаголов мнения, как степень уверенности субъекта в истинности вводимой ими пропозиции [Апресян, 1995: 392 и далее]: чем выше доля уверенности, тем менее естественным становится употребление союза *чтобы* в отрицательных предложениях с глаголом мнения.*

⁴Предположительно, эту группу составляют глаголы с изъяснительными придаточными целевого типа [Добрушина, 2012]; глаголы, присоединяющие изъяснительные придаточные эпистемического типа, выделенные в той же работе, входят в наши группы А и В.

ших наблюдений, можно утверждать, что на распределение союзов *как*, *что* и *чтобы* в предложениях с пропозициональными глаголами влияют как минимум три фактора: семантика пропозициональных глаголов, семантика отрицания и семантика самих союзов. Рассмотрим последовательно каждый из факторов.

2. Семантика пропозициональных предикатов

В этом разделе мы проанализируем, как семантика пропозициональных предикатов влияет на выбор союза в придаточном предложении. Для этого временно исключим из рассмотрения общеотрицательные предложения (2, 4, 6, 8) и проигнорируем случаи варьирования союзов *как* и *что* в утвердительных предложениях типа (1) (обратимся к этим примерам в последующих разделах). Таким образом, в этом разделе сосредоточимся на распределении союзов в примерах (1, 3, 5, 7).

Можно заметить, что различия в употреблении союзов *как* и *что*, с одной стороны, и союза *чтобы* — с другой, сводятся к различиям в употреблении индикатива (изъявительного наклонения, примеры 1, 3, 7) и субьюнктива (сослагательного наклонения, пример 5) соответственно.

Попытка анализа зависимости выбора в придаточном предложении индикатива или субьюнктива от семантики пропозиционального предиката была предпринята на материале румынского, французского и испанского языков в работе [Farkas, 2003]. Начнем с того, что кратко представим основные идеи подхода Д.Ф. Фаркаш к анализу распределения наклонений в придаточных предложениях при пропозициональных предикатах, а потом покажем, как этот подход соотносится с данными русского языка.

Анализ Фаркаш в целом находится в рамках динамической семантики⁵.

Согласно Фаркаш, распределение наклонений чувствительно к потенциалу изменения контекста клаузы (= предикативной конструкции). Контекст определяется как множество возможных миров, совместимых с убеждениями, разделяемыми участниками дискурса, и обозначается как W_c .

Изменение контекста считается ассертивным, если говорящий своим высказыванием предлагает поменять контекст c на c' , и получившийся контекст c' является пересечением исходного контекста c и добавленного к нему предложения (клаузы) ϕ , имеющего пропозициональное содержание p :

⁵ Динамическая семантика — это новое направление на стыке формальной семантики и формальной прагматики, которое исследует, какой вклад вносит семантика отдельных высказываний в изменение набора убеждений, разделяемых участниками разговора (см. в частности [Heim, 1982]).

(9) $s + \phi$ является ассертивным тогда и только тогда, когда $W_c = W_c \cap p$ ⁶.

Придаточные предложения имеют собственный потенциал изменения контекста, свойства которого определяются пропозициональным предикатом. Так, в соответствии с (9) придаточные при фактивных предикатах имеют неассертивный потенциал изменения контекста, так как их пропозициональное содержание составляет пресуппозицию, т. е. уже присутствует в W_c . Необходимо отметить, что с этим утверждением мы можем согласиться лишь отчасти. Во-первых, как мы покажем в следующем разделе, при некоторых фактивных предикатах, в частности при глаголах восприятия, придаточные могут иметь ассертивный потенциал изменения контекста, т. е. менять контекст W_c , вводя в него новые пропозиции. Кроме того, как уже отмечалось, мы считаем, что помимо пропозиционального предиката, на потенциал изменения контекста зависимой пропозиции влияют еще общее отрицание и семантика союзов.

Выбор наклонения определяется двумя семантическими признаками придаточного предложения, касающимися потенциала изменения контекста, которым оно характеризуется: [+/-ассертивность] и [+/-определенность] (соответственно [+/-Assert] и [+/-Decided] в терминах Фаркаш)⁷. Всякое предложение (клауза) имеет признак [+ассертивность], если его потенциал изменения контекста ассертивный (см. определение в 9).

Характеристика [+/-определенность] определяется следующим образом:

(10) Пусть W_i это множество миров и S предложение с пропозициональным содержанием p , тогда

(i) S положительно определено в W_i тогда и только тогда, когда $W_i < p$.

(ii) S отрицательно определено в W_i тогда и только тогда, когда $W_i \cap p = 0$.

(iii) S определено в W_i тогда и только тогда, когда либо (i), либо (ii); иначе S не определено в W_i .

Иными словами, предложению S приписывается признак [+определенность], если оно либо истинно, либо ложно на заданном множестве возможных миров. Предложение S не определено, если итоговый контекст не определяет ни его истинности, ни его ложности в рассматриваемых мирах. Из (9) и (10) вытекает, что если предложе-

⁶ Пропозициональное содержание p высказывания ϕ определяется как множество миров, в которых ϕ истинно.

⁷ Наш перевод признаков [+/-Decided] как [+/-определенность] не вполне удачен в силу возникающего совпадения с именной категорией определенности/неопределенности, чего нет у Фаркаш, поскольку граммема именной категории по-английски имеют иное обозначение — [+/-Definite]. Но иного подходящего перевода нам найти не удалось, ср. возможные варианты [+/-решенность], [+/-установленность].

ние имеет характеристику [+ассертивность], то оно автоматически имеет и характеристику [+определенность]. Если же предложению приписан признак [-ассертивность], то ему может быть приписан как признак [+определенность] (например, если истинность предложения не утверждается, но является пресуппозицией), так и признак [-определенность] (если истинность предложения и не утверждается, и не составляет пресуппозиции).

Индикатив связан прежде всего с утверждениями, выражаемыми при помощи независимых предложений, которые обладают признаками [+ассертивность] и [+определенность]. Что касается наклонений в придаточных, то для них Фаркаш предлагает два ограничения:

- (11) а. *сослагательное наклонение/[+определенность]
б. *индикатив/[-ассертивность]

Ограничение (11а) запрещает использование сослагательного наклонения в [+определенных] придаточных предложениях. Ограничение (11б) исключает использование индикатива в [-ассертивных] придаточных предложениях.

Из (11) следует, что если придаточное предложение находится в пресуппозиции и, следовательно, [- ассертивное, + определенное], то ни сослагательное наклонение, ни индикатив в нем невозможны. Это представляет проблему для анализа фактивных глаголов, в частности для эмотивов (группа D), таких как *сожалеть*. Более того, глаголы этой группы управляют разными наклонениями в разных языках: индикативом в румынском языке; как индикативом, так и сослагательным наклонением с преобладанием случаев употребления последнего во французском языке; сослагательным наклонением в испанском языке. Как показывают примеры типа 7 и 8, в русском языке эмотивы присоединяют клаузы, стоящие в индикативе.

Чтобы решить проблему [- ассертивных, + определенных] придаточных, а также объяснить варьирование наклонений в них, Фаркаш опирается на теорию оптимальности. Она вводит иерархию ограничений, которая является специфичной для каждого языка. Например, в румынском языке ограничение (11а) выше в иерархии, чем (11б) (*сослагательное наклонение/[+определенность] >> *индикатив/[-ассертивность]). Сама по себе иерархия ограничений ничего не дает, так как запрет на использование обоих наклонений по-прежнему сохраняется. На этом этапе именно теория оптимальности предсказывает выбор наиболее «оптимального» наклонения, т. е. того, запрет на которое ниже в иерархии. Поэтому в румынском языке придаточное предложение фактивного глагола эмоций с характеристиками [- ассертивность, + определенность] стоит в индикативе. Во французском и испанском языках, где иерархия обратна (*индикатив/[-ассертивность >> *сослагательное наклонение/[+определенность])

придаточное при фактивном глаголе эмоций стоит в сослагательном наклонении.

Теперь обратимся к данным русского языка и попробуем объяснить их с помощью анализа, обсуждавшегося выше. Вслед за многими русистами (см., в частности [Распопов, Ломов, 1984: 115–116; Брехт, 1985; Добрушина, 2011]) будем считать, что в придаточных с союзом *чтобы* и глаголом в форме прошедшего времени представлено сослагательное наклонение.

Глаголы восприятия (группа А) фактивны, т. е. имеют пресуппозицию истинности своего придаточного предложения. Следовательно, их придаточные предложения могут быть охарактеризованы по потенциалу изменения контекста как [–ассертивные, +определенные]. Это означает, что согласно ограничениям в (11) зависимое предложение не может стоять ни в индикативе, ни в сослагательном наклонении. Примеры с фактивными предикатами (пример 1 с глаголом восприятия и пример 7 с эмотивом) демонстрируют использование изъявительного наклонения в придаточном предложении. Этот факт свидетельствует о том, что в русском языке ограничение (11а) стоит выше в иерархии, чем (11б):

(12) *сослагательное наклонение/[+определенность] >> *индикатив/[–ассертивность]

Таким образом, иерархия ограничений в русском языке такая же, как в румынском языке, и противоположна иерархии во французском и испанском языках. Такое ранжирование позволяет выбрать индикатив как «оптимальное», т. е. нарушающее наименее существенное ограничение, наклонение.

Глаголы мнения (группа В) подчиняют придаточное с признаком [+ассертивность], потому что пропозиция, вводимая подчиненной клаузой, утверждается как истинная в мире субъекта⁸. Положительное значение признака «ассертивность», согласно определениям (9) и (10), автоматически влечет за собой положительное значение признака «определенность». Получившаяся комбинация значений [+ассертивность, +определенность] исключает появление в зависимой клаузе сослагательного наклонения (*сослагательное наклонение/[+определенность]). Использование же индикатива не запрещается ни одним из ограничений в (11). И действительно, в утвердительном предложении глаголы мнения управляют только индикативом (пример 3).

Вложенные клаузы дезидеративов (группа С) характеризуются признаком [–ассертивность], так как изменение контекста, вызываемое ими, не ассертивно, а оценочно. Это означает, что для любого мира w' , который принадлежит контексту вложенной клаузы, миры, максимально похожие на w' , в которых вложенная пропозиция истин-

⁸ Это не относится к путативам с внутрисклексным отрицанием типа *сомневаться*, которые остаются за рамками данного анализа (см. сноску 1).

на, ранжированы относительно пропозиционального глагола выше, чем те миры, максимально похожие на *w'*, в которых она ложна. Например, для (5): *Я хочу, чтобы они работали*, миры, в которых вложенная пропозиция 'они работают' истинна, более желательны, чем миры, в которых пропозиция 'они работают' ложна. Поскольку матричный предикат и не влечет, и не пресуппонирует истинность или ложность своей подчиненной пропозиции в контексте (множестве возможных миров), значение второго признака есть [–определенность]. Ограничение в (11б): *индикатив/[–ассертивность] — запрещает использование индикатива во вложенной клаузе, употребление сослагательного наклонения, как в (5), напротив, не нарушает ни одного из ограничений.

Глаголы знания и эмотивы группы D являются фактивными и, следовательно, обладают пресуппозицией истинности пропозиции, выражаемой придаточным. Поэтому их придаточные характеризуются парой признаков [–ассертивность, +определенность]. Иерархия в (12) (*сослагательное наклонение/+определенность >> *индикатив/[–ассертивность]) гарантирует, что хотя употребление как сослагательного наклонения, так и индикатива исключается ограничениями в (11), в придаточных эмотивов (пример 7) используется индикатив как «оптимальное» наклонение, запрещенное менее важным ограничением.

Итак, анализ, предложенный в [Farkas, 2003] для романских языков, успешно объясняет распределение сослагательного наклонения и индикатива в утвердительных предложениях русского языка для подавляющего большинства пропозициональных предикатов: из рассматриваемых предикатов только относящиеся к группе С подчиняют придаточное с субъюнктивом⁹. Этот анализ, однако, в его первоначальном виде не может ответить на ряд вопросов, которые мы поставили в разделе 1. Во-первых, он не решает проблемы возможности использования союза *чтобы* в отрицательных предложениях с глаголами восприятия и с глаголами мнения, которые в утвердительных предложениях управляют исключительно индикативом, т. е. не допускают использования союза *чтобы*. Из этого естественным образом вытекает вторая проблема: мы не можем с помощью данного анализа объяснить разницу в употреблении союзов *что* и *чтобы* в отрицательных предложениях с глаголами восприятия и с глаголами мнения. И наконец, в-третьих, изложенный анализ не проводит семан-

⁹ Включение предикатов с внутрилексемным отрицанием типа *сомневаться* потребовало бы внесения в этот анализ определенных корректив, поскольку в утвердительных предложениях они, в отличие от всех прочих рассматриваемых нами предикатов, допускают как индикатив, так и субъюнктив в придаточном (ср.: *Я сомневаюсь, что им выплатили компенсацию* и *Я сомневаюсь, чтобы им выплатили компенсацию*) при том, что потенциал изменения контекста в обоих случаях один и тот же: [+ ассертивность, — определенность].

тических различий между изъяснительными придаточными с союзом *что* и с союзом *как*. Для того чтобы наметить решение этих проблем в рамках динамической семантики, мы обратимся к рассмотрению двух других факторов, выделенных нами в разделе 1 (семантика общего отрицания и семантика союзов *как*, *что* и *чтобы*).

3. Семантика общего отрицания

Данный раздел посвящен рассмотрению семантики общего отрицания. Сама по себе эта тема крайне сложна. Мы затронем ее лишь в объеме, необходимом для анализа данных типа (2, 4, 6, 8).

Попытка расширить формальный анализ, предложенный в [Farkas, 2003] таким образом, чтобы он объяснял в том числе и случаи появления сослагательного наклонения и соответственно союза *чтобы* в общеотрицательных предложениях с глаголами восприятия и с глаголами мнения в русском языке, была предпринята в [Kagan, 2007].

О. Каган предлагает следующий анализ, нацеленный на объяснение того, почему некоторые глаголы разрешают сослагательное наклонение в отрицательных предложениях, например (2, 4), но не в утвердительных, например (1, 3).

В утвердительных предложениях с глаголами мнения (группа В), как мы видели выше, придаточное имеет признаки [+ассертивность] и [+определенность], так как предложение в целом влечет истинность вложенной пропозиции в возможных мирах, которые согласуются с убеждениями субъекта. Признак [+определенность] исключает использование в придаточном сослагательного наклонения (*сослагательное наклонение/[+определенность]), таким образом, союз *чтобы* невозможен в предложениях типа (1, 3).

Каган предлагает считать, что общее отрицание влияет на имеющийся у придаточного предложения потенциал изменения контекста. Согласно Каган, общее отрицание меняет признак [+ассертивность] на признак [-ассертивность]. Это приводит к тому, что наряду с мирами, в которых истинна пропозиция придаточного **р** (например, «он пришел» в (4)), миры, в которых истинна пропозиция **не р** («он не пришел»), становятся совместимыми с представлением субъекта о реальности. Таким образом, придаточное получает признак [-определенность], а это позволяет использовать сослагательное наклонение.

Мы предлагаем модифицировать подход Каган, чтобы он объяснял также, почему союз *чтобы* становится возможен в общеотрицательных предложениях с глаголами восприятия и почему в остальных случаях отрицание никак не влияет на выбор союза. Для этого достаточно дополнить этот подход двумя положениями:

1) отрицание не меняет семантические характеристики придаточного, которое уже имеет [-ассертивный] потенциал изменения

контекста; 2) придаточные при глаголах восприятия могут иметь не только [–ассертивный], но и [+ассертивный] потенциал изменения контекста.

Начнем со второго положения. Если исходить из определения (9), то придаточное в примерах типа (13) имеет [–ассертивный] потенциал, поскольку его пропозициональное содержание никак не меняет контекст W_c разделяемых коммуникантами убеждений (иными словами, составляет как семантическую, так и прагматическую пресуппозицию):

(13) [*— Иван уехал с последним автобусом и сейчас уже должен быть дома*] — *Я видел, как он садился в последний автобус [–ассерт.], но вот дома он или вышел на ближайшей остановке, я не знаю.*

В примерах же типа (14) придаточное имеет [+ассертивный] потенциал, поскольку меняет контекст W_c , внося в него новую пропозицию (это уже не прагматическая, но только семантическая пресуппозиция)¹⁰.

(14) *Слушайте все! Я сейчас видел, как Таня подошла к Васе и дала ему пощечину [+ ассерт.]* .

Теперь покажем, что при принятии второго положения первое положение (отрицание не меняет признак [–ассертивность]) обеспечит нужный результат. Вспомним, что признак [–ассертивность] появлялся у нас в двух случаях: 1) когда пропозиция, выражаемая придаточным, находилась в прагматической пресуппозиции, как это возможно у предикатов группы А и обязательно для предикатов группы D; 2) когда изменение контекста было оценочным, как у предикатов группы С.

Первый случай тривиален: по каноническому определению пресуппозиции это та часть информации в предложении, на которую не действует общее отрицание, и, значит, признак [–ассертивность], соответствующий понятию прагматической пресуппозиции, не должен меняться под его действием. Корректировка общего положения о взаимодействии отрицания с пресуппозициями требуется для случаев, когда семантическая пресуппозиция не является одновременно прагматической, а именно, когда придаточное при фактивном предикате восприятия меняет контекст W_c . Такая пресуппозиция соответствует [+ассертивному] потенциалу придаточного, который, как показывают данные русского языка, отрицание меняет на [–ассертивный].

Во втором случае (предикаты группы С) отрицание не влияет на то, является ли контекст оценочным. Для примера (6) с общим отрицанием в главной части (*Я не хочу, чтобы они работали*) миры,

¹⁰ Данное семантическое различие отражается просодическими средствами: если придаточное [– ассерт.], то главное фразовое ударение (ГФУ) падает на матричный предикат восприятия, а если [+ассерт.], то ГФУ находится в составе придаточного.

в которых вложенная пропозиция ‘они работают’ ложна, более желательны, чем миры, в которых пропозиция ‘они работают’ истинна. Как мы уже говорили, анализируя (5): *Я хочу, чтобы он пришел* — миры, в которых вложенная пропозиция ‘они работают’ истинна, более желательны, чем миры, в которых пропозиция ‘они работают’ ложна. Таким образом, отрицание меняет ранжирование миров, но не меняет того факта, что контекст остается оценочным с характеристикой [–ассертивность].

Из сказанного следует, что примеры, маркированные как [–ассертивные], должны сохранять в придаточных частях общепридаточных предложений то же наклонение (и соответственно изъяснительный союз), что и в соответствующих утвердительных предложениях.

Однако данный анализ не объясняет, почему в предложениях типа (2) и (4) может быть использован как союз *что*, так и союз *чтобы*. Возможным решением этой проблемы было бы считать, что после того, как отрицание меняет признак [+ассертивность] на признак [–ассертивность], союз *что* берет вложенные клаузы с [+определенным] статусом, а союз *чтобы* — с [–определенным]. Мы вернемся к этому вопросу в следующем разделе в связи с рассмотрением семантики союзов *что* и *чтобы*¹¹.

4. Семантика союзов

Теперь настало время обратиться к различиям в употреблении союзов *как* и *что* в индикативе и союзов *что* и *чтобы* в отрицательных предложениях. Мы считаем, что решение этих вопросов кроется в семантике самих союзов¹².

Семантика союзов *как*, *что* и *чтобы* обсуждалась в [Арутюнова, 1988; Кобозева, 1988; Падучева, 1986; Зализняк, 1990] в связи с дихотомией понятий «ситуация» и «факт». Под «ситуациями» понимаются события, имевшие место в реальном мире. «Факты» — это события, погруженные в наше сознание. Данный подход основан на

¹¹ Еще одна проблема для анализа Каган состоит в его противоречии с изначальным анализом Фаркаш, в котором отрицательным предложениям приписывается ассертивный потенциал изменения контекста. Ограничения объема статьи не позволяют нам углубиться в обсуждение аргументов, приводимых в пользу той или иной трактовки «динамической семантики» отрицания. Заметим лишь, что анализ отрицания, предложенный Фаркаш для данных романских языков, на материале русского языка не позволяет ни отразить варьирование союзов *что* и *чтобы* в примерах типа (4), ни объяснить саму возможность употребления союза *чтобы* в таких примерах. Анализ Каган, напротив, позволяет справиться с этими проблемами.

¹² Традиционно рассматриваемые союзы считаются «функциональными» и противопоставляются «семантическим» союзам. Однако это не означает, что они не несут никакой семантической информации. Просто информация, передаваемая ими, относится к области референции, т.е. характера отношения вводимого ими предложения к действительности.

наблюдении, что наряду с другими диагностиками, которые помогают различать ситуации и факты, тип союза является одной из наиболее надежных: союз *как* всегда берет ситуации, тогда как союз *что* берет как ситуации, так и факты:

(15) Я помню, как/что [мы встречались в старом парке]^{ситуация/факт}.

(16) Я помню, что/*как [местом нашей встречи был старый парк]^{факт/*ситуация}.

Дальнейший шаг был сделан в [Кобозева, 1988], где предлагается считать подчинительный союз своего рода «актуализатором денотативного статуса» вложенной пропозиции, указывающим на следующие ее референциальные характеристики: ситуация *vs.* факт, реальная *vs.* нейтральная модальность, известность *vs.* неизвестность, ассертивность *vs.* имплицативность¹³. Согласно этому анализу, союзы *что* и *как* различают вложенные пропозиции со статусом «факта» и «ситуации» соответственно, а союз *чтобы* берет факты с нейтральной модальностью с точки зрения говорящего и с модальностью маловероятности или ирреальности с точки зрения субъекта пропозициональной установки.

Эти идеи вполне представимы в терминах динамической семантики, которыми мы пользовались выше. Союз *как* берет вложенные пропозиции, которые ассертивно или пресуппозиционально истинны в мире, максимально близком к реальному (W_0). Союз *что* берет пропозиции, которые ассертивно или пресуппозиционально истинны в мире убеждений субъекта пропозиционального предиката (W_s). В обоих случаях пропозиции по определению определены. Союз *чтобы* сочетается с неассертивными неопределенными пропозициями, оценочными относительно мира убеждений субъекта. Это значит, что союз *чтобы* ранжирует возможные миры с точки зрения семантики пропозиционального предиката: в случае ментальных предикатов мира оцениваются по шкале вероятности, в случае дедеративных — по шкале желательности.

Следовательно, «динамическая семантика» рассматриваемых союзов может быть представлена следующим образом:

– союз *как* берет вложенные пропозиции с характеристиками [+/-ассертивность ^{W_0} , +определенность];

– союз *что* берет вложенные пропозиции с характеристиками [+/-ассертивность ^{W_s} , +определенность];

– союз *чтобы* берет вложенные пропозиции с характеристиками [-ассертивность ^{W_s} , -определенность].

¹³ Используемая таксономия референциальных признаков для предикативных конструкций была предложена в [Падучева, 1986].

5. Заключение

Мы рассмотрели два способа формального типологически ориентированного анализа — анализ [Farkas, 2003], нацеленный на исследование семантических требований пропозициональных глаголов к своим придаточным, и анализ [Kagan, 2007], исследующий влияние общего отрицания на семантику придаточного. Каждый из анализов успешно объясняет ряд случаев дистрибуции союзов *как*, *что* и *чтобы*. Однако ни по отдельности, ни вместе взятые, они не способны объяснить распределение рассматриваемых союзов даже в рамках ограниченной выборки примеров, приведенной нами в разделе 1. Учет семантических (референциальных) характеристик союза как третьего фактора, как кажется, позволяет правильно предсказать все варианты распределения на рассматриваемом материале.

Увеличение числа факторов, влияющих на распределение рассматриваемых союзов, вызывает закономерный вопрос, как эти факторы взаимодействуют между собой. Хотя эта проблема выходит за рамки текущего исследования, на основании нашего анализа можно сделать ряд наблюдений.

Создается впечатление, что потенциал изменения контекста вложенной пропозиции, содержащийся в семантике пропозиционального глагола, во многом дублируется в семантике союза. Так, фактивные глаголы восприятия (группа А) приписывают вложенной пропозиции признаки [+/-ассертивность, +определенность], и при этом истинность вложенной пропозиции определяется относительно мира, максимально приближенного к реальному (W_0). Точно такой же потенциал имеют придаточные, вводимые союзом *как*, употребляющимся с этими предикатами ([-ассертивность^{W₀}, +определенность]). Можно предположить вслед за [Кобозева, 1988], что именно союз определяет потенциал изменения контекста подчиненной пропозиции (напомним, что в анализе Фаркаш эту роль играла семантика пропозиционального глагола), а пропозициональный глагол (в отсутствии отрицания) присоединяет придаточные только с таким потенциалом изменения контекста, который соответствует требованиям, входящим в его семантику.

Отрицание в главной части при этом не взаимодействует с семантикой союза, но влияет на требования, которые выдвигает пропозициональный глагол к потенциальной вложенной предикации (если глагол присоединял в утвердительных предложениях придаточные с признаком [+ассертивность], то в отрицательных предложениях он будет присоединять придаточные с признаком [-ассертивность]).

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Брежт Р.Д.* О взаимосвязи между наклоном и временем: синтаксис частицы *бы* в русском языке // Новое в зарубежной русистике. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Добрушина Н.Р.* Сослагательное наклонение в соотносительных придаточных с союзом *который* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 6.
- Добрушина Н.Р.* Сентенциальные дополнения с союзом «чтобы» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 11 (18). М., 2012.
- Зализняк Анна А.* О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Кобозева И.М.* Отрицание в предложениях с глаголами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Падучева Е.В.* О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2. 1986. № 1.
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Распопов И.П., Ломов А.М.* Морфология и синтаксис // Основы русской грамматики. Т. 3. Воронеж, 1984.
- Farkas D.F.* Assertion, Belief and Mood Choice, presented at ESSLLI, Conditional and Unconditional Modality Workshop. Vienna, 2003.
- Heim I.* The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases, Ph.D. dissertation, University of Massachusetts, Amherst / Reproduced by the GLSA, Linguistics Department, University of Massachusetts. Amherst, 1982.
- Kagan O.* On the Semantics of Structural Case. Hebrew University: Ph.D. dissertation, 2007.

Сведения об авторах: *Кобозева Ирина Михайловна*, докт. филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kobozeva@list.ru; *Попова Дарья Викторовна*, аспирант 2-го года кафедры теоретической и прикладной лингвистики филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: daschaporowava@gmail.com

Е.И. Кислова

**ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ ЯЗЫК В ПРАВОСЛАВНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В РОССИИ XVIII в.
(к истории лингвистической компетенции
церковной среды)¹**

В статье реконструируется история преподавания древнееврейского языка в православных учебных заведениях в России XVIII в. (Московской духовной академии и семинарии Троице-Сергиевой лавры). В рамках тенденций, характерных для христианской габраистики эпохи Просвещения, прослеживаются факторы, влиявшие на изучение этого языка, анализируется его значение в лингвистической подготовке будущих священно- и церковнослужителей.

Ключевые слова: XVIII в., история духовного образования, древнееврейский язык, библеистика, христианская габраистика.

The article reconstructs the history of teaching classical Hebrew in Orthodox educational establishments in the XVIII century Russia (Moscow Theological Academy and the Seminary of the Holy Trinity-St.Sergius Lavra). Within the framework of tendencies characteristic of the Christian studies of Hebrew in the Enlightenment period the author traces the factors influencing the study of this language and analyzes its significance for the linguistic training of future clergymen and ministers of the church.

Key words: XVIII century, the history of theological education, classical Hebrew, biblical studies, Christian studies of Hebrew.

1. Христианская габраистика в Европе и России в Средние века. Изучение древнееврейского языка в рамках христианского богословия имеет давнюю традицию в Европе и восходит еще к XII–XIII вв. — к миссионерской деятельности доминиканцев и францисканцев (см. подробнее: [Габраистика]). С конца XV в. интерес к древнееврейскому языку и еврейским источникам Библии связан с развитием европейского гуманизма, и особенно — с Реформацией и Контрреформацией: «Привлечение же древнееврейского и арамейского языков в круг “оригинальных библейских”... имело в качестве основания еще и реформационную идеологию с *ее sola Scriptura* и

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-1573.2013.6). Автор благодарит за обсуждение представленной работы участников конференции “Christian Hebraism in Eastern Central Europe from the Renaissance to the Enlightenment” (Виттенберг, 18–21 марта 2011 г.).

изначальным антикатолическим (“антивულгатовским”) пафосом возвращения к альтернативным первоисточникам в виде масоретского текста. Так что в постреформационный период и эпоху Нового времени не только греческий или латинский языки, но и древнееврейский, и арамейский становились актуальными для христианской (прежде всего протестантской) библеистики» [Головащенко, 2004]. Древнееврейский мыслится как основа для богословской учености, а возможность обращаться к еврейскому оригиналу Библии расценивается как важнейшее умение и протестантского, и католического богослова (см. [Burnett, 2008; 2009]), поэтому в ряде университетов Европы возникает систематическое преподавание этого языка.

На территории восточных славян в Средние века древнееврейский был менее актуален для богословия². Знакомство восточнославянских книжников с этим языком проходило преимущественно через ономастиконы — списки библейских имен и топонимов. Три сохранившихся восточнославянских ономастикона известны в рукописях начиная с XIII в. («Речь жидовьскаго языка», «О именех глаголемых жидовьским языком», «А се имена жидовьская русьскы тълкована»). Несмотря на название, эти словари были разнородными: они содержали толкование и перевод библейских топонимов и личных имен (*onomastica sacra*), причем не только еврейских, но и греческих, латинских, арабских, эфиопских и др. [История русской лексикографии, 2001: 41]. Имена либо переводились этимологически, либо раскрывались символически: «Главная цель таких толкований — обосновать причину присвоения имени, связав ее с одним из библейских эпизодов... Составители древних словарей черпали свои толкования библейских имен из самой Библии. В тех случаях, когда в Библии не дано объяснения имени, его изыскивали позднейшие толкователи, исходя из нарицательного значения слова или подменяя его словом, близким по звучанию» [История русской лексикографии, 2001: 42]. Источником подобных словарей частично или полностью были греческие тексты (см. [История русской лексикографии, 2001: 41–42]), на протяжении веков они дополнялись сведениями из других, часто неизвестных текстов.

Некоторая часть славянских книжников была знакома с древнееврейским настолько хорошо, что в результате появлялись славянские переводы с этого языка, которые датируются домонгольским периодом (см. [Мещерский, 1978], [Алексеев, 1999]). В круг подобных текстов входит, предположительно, Книга Есфирь, сохранившаяся в списках начиная с XIV в. ([Алексеев, 1999: 180; Пичхадзе]). Известен также список Песни песней, переведенный в конце XV в. Целый ряд

² Отдельно необходимо рассматривать историю еврейско-христианских отношений на территории западных славян, в частности, в Польше — см. [Шпирт, 2011; Pietkiewicz, 2011] и др.

переводов Пятикнижия был сделан в XV в. на западной территории восточных славян (в частности, Виленский сборник XVI в., который содержит переводы целого ряда книг Ветхого Завета [там же]). Возникновение подобных переводов традиционно связывают с ересью жидовствующих, однако А.А. Алексеев предполагает объяснять их появление религиозной активностью иудейской общины: «Потребность евреев в переводах библейских текстов на славянский язык объясняется тем, что чтение Библии в синагоге на языке оригинала должно было сопровождаться переводом на общепонятный обиходный язык, а со времени вавилонского плена евреи, рассеянные среди окружающих их народов, использовали в быту языки своих соседей и лишь в XV–XVI вв. образовали форму национального языка на базе немецкого диалекта (идиш)» ([Алексеев, 1999: 180–185; 2002: 140–141]). Кроме библейских книг, переводами с еврейских оригиналов, выполненными в разное время, являются «Иосиппон», «Житие Моисея», «Соломон и Китоврас», «Суды Соломона», «Слово блаженного Зоровавеля», «Логика» Моисея Маймонида, «Аристотелевы врата», «Шестокрыл», несколько гадательных и астрологических сочинений (см. [Алексеев, 2002: 143; Соболевский, 1903: 396–428; Перетц, 1926: 268–269]).

Однако обращение к древнееврейскому оригиналу библейских текстов — явление, в целом редкое среди восточных славян. Преимущественным источником библейской образованности для православного духовенства служили греческие переводы библейских текстов, в некоторых случаях — латинские, немецкие, польские переводы ([Пичхадзе; Алексеев, 1999]). Знание древнееврейского стало относительно распространенным среди российского духовенства только в XVIII в.³

Несмотря на важность понимания того, какой была лингвистическая компетенция представителей духовного сословия в XVIII в., мы крайне мало знаем о том, как и каким образом изучался и преподавался в духовных учебных заведениях такой важный для церковного образования язык, как древнееврейский. Отдельные свидетельства можно найти в документах и указах Синода, в учебных планах семинарий, в реестрах и ведомостях семинарий, в списках учителей и студентов. Необходимыми представляются тексты, демонстрирующие знание древнееврейского в среде студентов и учителей — поздравительные тексты, включавшие фрагменты на иностранных языках, преподававшихся в духовных учебных заведениях. Наиболее

³ В кругу украинских богословов знание древнееврейского распространяется раньше; уже в XVII в. появляются интеллектуалы, хорошо знавшие древнееврейский язык и имевшие возможность обращаться к еврейским священным текстам и комментариям (см. [Головащенко, 2004; Ничик, 2002: 14–18]). Однако даже в Киеве преподавание этого языка становится регулярным только в XVIII в.

значимыми до сих пор остаются обобщающие исторические работы, созданные в XIX в. и посвященные истории отдельных учебных заведений — Московской духовной академии, Киевской духовной академии и т. д. (см. [Веселовский, 1879–1880; Смирнов, 1855; Х., 1873] и др.). Настоящая статья является попыткой реконструкции фрагмента церковного дискурса, связанного с христианской гебраистикой в России XVIII в. Истории изучения древнееврейского языка в Киевской академии в XVIII–XIX вв. посвящена работа [Головащенко, 2004], поэтому мы будем привлекать эти данные только для сопоставления, сосредоточив основное внимание на великорусской культурно-языковой ситуации.

2. Христианская гебраистика в России в XVIII в. Регулярное преподавание и изучение древнееврейского языка в России начинается только в XVIII в. и связано с развитием системы духовного образования.

Духовное образование в России становится системным при Петре I: открываются семинарии, появляются учебные программы [Смолич, 1996: 389–398]. Огромную роль здесь играет Киевская академия, почти до конца века служившая образцом для всех учебных заведений и поставлявшая преподавателей разных дисциплин и языков в учебные заведения России [Харлампович, 1914: 480–488]. С середины XVIII в. представление об эталонном духовном образовании стало включать в себя наличие у выпускника определенных знаний о древнееврейских оригиналах библейских книг. Очевидно, основным источником этих представлений стала Киевская академия и в целом украинская традиция духовного образования, активно переносившаяся на великорусские территории в XVIII в. ([Харлампович, 1914; Смолич, 1996]). Развитие преподавания древнееврейского, вероятно, стимулировалось более тесным контактом с территориями Прибалтики, в которых изучение этого языка уже было укоренено как элемент подготовки богословов протестантского вероисповедания [Веселовский, 1879–1880: 19, 114–115, 122–123], а также начавшейся в Москве подготовкой исправленного издания Библии — Елизаветинской библии 1751 г. [Смолич, 1997: 6–8]. При этом активные диспуты со старообрядцами проходили в рамках православного дискурса, ориентированного на традицию Септуагинты как эталонного библейского текста; обращение к древнееврейскому для этой традиции не было актуально.

На протяжении XVIII в. преподавание древнееврейского концентрировалось преимущественно в духовных учебных заведениях. В светских учебных заведениях, например, в Московском университете и Академии наук, отдельные профессора могли преподавать древнееврейский наряду с другими языками, однако даже в XIX в. этот курс оставался скорее факультативным и связанным с научны-

ми интересами конкретных профессоров [Веселовский, 1989–1880: 9–10, 18]. Например, в Московском университете еврейский преподавал в 1811 г. профессор А.В. Болдырев («по собственному усердию»), в середине XIX в. — профессор П.Я.Петров (наряду с арабским, персидским и санскритом). В Харьковском университете уставом 1804 г. официально было введено преподавание арабского и персидского, но реально преподавался еврейский, хоть и краткое время [там же: 19]; в наиболее выигрышном положении находился Санкт-Петербургский университет, в котором в XIX в. был открыт факультет восточных языков с отдельной кафедрой еврейского [там же: 20–23]. Отдельные ученые XVIII в., знавшие древнееврейский, редко его преподавали студентам; во всяком случае, сведений о регулярных курсах древнееврейского в светских учебных заведениях XVIII в. практически нет.

Таким образом, преподавание древнееврейского вне духовных учебных заведений имело факультативный характер и мыслилось в рамках курса восточных языков; в обществе древнееврейский осознавался как язык, необходимый в первую очередь лицам духовного звания для лучшего понимания библейских текстов.

При этом преподавание еврейского⁴ в духовных учебных заведениях с начала XVIII в. постоянно находилось в фокусе внимания властей и даже регламентировалось законодательно: текст «Духовного регламента» 1721 г. рекомендовал преподавание еврейского наряду с греческим «между иными учении» и с оговоркой «если будут учителя» [Духовный регламент]. На протяжении XVIII в. существовал также ряд частных указов, направленных на введение или усиление преподавания еврейского в отдельных духовных учебных заведениях. Следующим общероссийским законодательным актом был устав 1797 г., обязательный для всех духовных академий. В нем преподавание еврейского языка вводилось в высших 6-х и 7-х классах (философии и богословия) как обязательное. В 1798 г. появился указ «О порядке учения в духовных Академиях и семинариях» [ПСЗРИ 25, 1830: 426], в котором введение ряда предметов как раз было призвано разграничить учебные программы академий и семинарий (до этого момента программа семинарии в общих чертах копировала

⁴ В многочисленных документах XVIII в. преподаваемый и изучаемый язык называется просто «еврейским», однако под ним всегда подразумевается только древнееврейский — язык Библии. Живой язык евреев, идиш, не изучался в духовных учебных заведениях; очевидно, он был настолько неактуален для христианской гебраистики, что не требовал отдельного обозначения. Однако в то же время оба варианта греческого языка — и классический греческий, и новогреческий — описывались и преподавались как отдельные языки, пусть и в рамках одного греческого класса (см. [Смирнов, 1855: 341–345]), что объясняется необходимостью обоих языков в духовном образовании. Далее мы будем называть изучаемый язык «еврейским», следуя традиции наших источников.

программу духовных академий — см. [Смолич, 1996: 411]). Такими специальными предметами были полная система философии и богословия, высшее красноречие, физика, а также языки: еврейский, греческий, немецкий и французский [ПСЗРИ 25, 1830: 427]. При этом еврейский был поставлен в особое положение; фактически, знание этого языка было провозглашено почти столь же важным, как и знание греческого — «эталонного» сакрального языка православной церкви: «Языкам еврейскому, а наипаче греческому, яко нужным для уразумения священного писания, обучаться всем, как присылаемым из семинарий, так и прочим академий студентам; немецкому же, французскому по склонности ученика, и по надобности для епархии, чтоб по крайней мере одному из сих всякий студент обучался непременно» [там же: 428]. Основным языком духовного образования в это время по-прежнему остается латынь⁵, таким образом, лингвистическая подготовка выпускников духовных академий включала русский и церковнославянский (которые ученики должны были знать «по умолчанию»), три важнейших языка богословия — латынь, греческий и еврейский, а также французский или немецкий — наиболее значимые в это время иностранные языки, актуальные для светского общества.

Возникает вопрос, насколько эти указы закрепляли уже сложившуюся в духовном образовании практику и воплощались в реальности; в частности, насколько в действительности знание еврейского было характерно для церковных иерархов XVIII в.?

В Киевской академии систематическое преподавание еврейского началось с 1738 г., когда в Киев из Галле вернулся Симон Тодорский, изучавший восточные языки под руководством Михаэлиса ([Словарь русских писателей XVIII века, 2010: 248–252; Веселовский, 1879–1880: 41, 115; Mengel, Schorch, 2011]); на протяжении XVIII в. в ней преподавали как ее собственные выпускники, так и лица духовного звания, получившие образование за границей⁶, что приближало киевскую традицию духовного образования к системам, принятым в европейских университетах.

В Московской академии преподавание еврейского началось с 1743 г., когда для преподавания греческого туда был вызван из Лубнен-

⁵ Только при Платоне Левшине курс богословия в Московской академии начинает читаться на русском языке [Смирнов, 1855: 291], преподавание русского языка как учебного предмета было введено по «Уставу народным училищам» в 1786 г. [Смирнов, 1855: 314], а в качестве языка преподавания русский вытеснил латынь только с 1840 г. [Смолич, 1996: 431].

⁶ Например, Константин Крижановский (преподававший в Киевской академии в 1752–1758 гг.) получил образование в Прессбурге (совр. Братислава, Словакия) и затем в Галле (Германия). Автор благодарит профессора Золтана Чепреги (Zoltán Cserégi) за сведения об этом преподавателе.

ского Мгарского монастыря иеромонах Иаков Блонницкий, который в том числе начал преподавание еврейского по руководству Пфейера для учеников классов риторики и философии (РГАДА, ф. 1189, оп. 1, д. 332, л. 124 об.).

В семинарии Троице-Сергиевой лавры преподавание еврейского начинается в 1744 г. и связано с деятельностью Иннокентия Паскевича, известного проповедника и с 1753 г. — келаря Лавры. С некоторыми перерывами преподавание еврейского в этих учебных заведениях можно проследить на протяжении всего XVIII в.⁷:

Московская академия: Иаков Блонницкий (с 1743 г.), иеромонах Моисей из Киева (1758–1761), учитель Василий Никитин (до 1765 г.), Иван Наумов (1772–1776), Василий Антонский (1776–1777), Афанасий Иванов (до 1788), Моисей Гумилевский (до 1791), Семен Протасов (1785–1792), Федор Платонов (1797), Александр Птицын (с 1800).

Семинария Троице-Сергиевой лавры: Иннокентий Паскевич (с 1744), Парфений Постников (с 1758), Поликарп Тенетев (1763–1767), Амвросий Подобедов (с 1767), Епифаний Чижевский (1770–1776), Гедеон Замыцкий (1776–1782), Мефодий Смирнов (1783–1792), Яков Никольский (1792–1795), Моисей Близнецов-Платонов (1795–1796), Мельхиседек Минервин (1796–1800), Самуил Запольский-Платонов (1800–1807), Филарет Дроздов (1803–1806), Николай Клементьевский (1809–1812); Иван Клементьевский-Платонов (1812).

Киевская академия: Симон Тодорский (1738–1743), Варлаам Лящевский (1743–1747), Иакинф Павинский (1751–1752), Константин Крижановский (1752–1758), Константин Павлович (1758–1761), Рувим Петолинский (1761–1765), Антон Злотковский, Адам Котловский, Дмитрий Иванишев (1783–1796), Григорий Шехновский, Сильвестр Гогоцкий.

В 1797 г. в Казани и Санкт-Петербурге были открыты духовные академии; однако преподавание еврейского в Казанской академии было заменено другими языками, более актуальными для миссионерской деятельности среди мусульман Поволжья (преимущественно татарским [Веселовский, 1879–1880: 44]). То же самое происходило почти во всех духовных учебных заведениях: в их задачи входила в первую очередь подготовка рядовых священников, для которых знание еврейского было избыточным [там же: 44, 47–53]. Даже положение еврейского в учебном плане — высшие классы, 6-е и 7-е — показывает его ориентацию на «ученое монашество». Священнику достаточно было окончить класс риторики [Смолич, 1996: 409]. Поэтому в духовных семинариях и училищах еврейский, прописанный в

⁷ Список составлен на основании [Веселовский, 1879–1880; Смирнов, 1885], а также архивных дел (РГАДА, ф. 1204, оп. 1 ч. 1, д. 180; ф. 1189, оп. 1, д. 332).

программах, был заменен на языки местного населения: монгольский в Иркутске, татарский в Казани и т. д. В Минской (открыта в 1785 г.) и Подольской семинариях (открыта в 1797 г.) еврейский преподавался в обязательном порядке, но только с 1860 г. и именно в миссионерских целях — для обращения евреев, проживавших в этих регионах, в христианство [Веселовский, 1879–1880: 47].

Таким образом, на протяжении XVIII в. наиболее значимыми были три центра преподавания еврейского: Киевская духовная академия, Московская духовная академия и семинария Троице-Сергиевой лавры.

2.1. Преподаватели еврейского. Нехватка преподавателей еврейского была характерной проблемой духовных учебных заведений середины XVIII в. Многие церковные иерархи могли знать этот язык и ссылаться в своих произведениях на «еврейские переводы» библейских книг, как это делает, например, Арсений Мацеевич в проповеди на день восшествия на престол Елизаветы Петровны 1743 г. Однако гораздо меньше людей могли преподавать этот язык.

Знание еврейского почти всегда сопутствовало знанию греческого языка и осмыслялось как вторичное по отношению к нему. Например, ученик Симона Тодорского Варлаам Лящевский наследовал после него должность преподавателя еврейского и греческого, но преподавал преимущественно греческий и в 1747 г. был вызван в Петербург для исправления Библии — в первую очередь как знаток греческого, а не еврейского языка⁸. Эта же традиция сохраняется на протяжении всего XVIII в.: одновременно греческий и еврейский преподавали в Троице-Сергиевой семинарии Поликарп Тенетев (1763–1767) и Гедеон Замыцкий (1777–1782); одновременно оба этих языка изучали в 1765 г. 8 из 20 учеников класса философии и 4 из 24 учеников класса богословия семинарии Троице-Сергиевой лавры (РГАДА, ф.1204, оп. 1 ч. 1, д. 180, лл. 4–8 об.).

В Москве в 1740-х годах учителями выступают приглашенные из Киева ученые монахи, но в семинарии Троице-Сергиевой Лавры с 1758 г. начинают преподавать ее собственные выпускники и выпускники Московской академии. В Московской академии к 1780-м годам также заметно увеличение среди преподавателей еврейского собственных выпускников, что свидетельствует о повышении уровня преподавания этого языка в Московской академии после того, как ее возглавил митрополит Платон (Левшин). В частности, он требовал, чтобы «ученики [еврейского] не токмо надлежащий успех имели, но чтоб из них и учительское место могли заступать» [Смирнов, 1855: 310].

Еврейский могли преподавать перешедшие из иудаизма в православие евреи, однако для этого им требовалось пройти обучение в

⁸ В 1753–1754 гг. Варлаам Лящевский был ректором Московской академии.

российских или западных учебных заведениях. Иудейская традиция изучения древнееврейского языка не всегда предполагала изучение его грамматики⁹, поэтому без специального обучения они владели языком скорее как его носители (т. е. люди, умеющие читать и переводить тексты), нежели как преподаватели, знающие грамматику, лексику и умеющие обучить языку. Следовательно, такие учителя могли быть задействованы только на начальном или на финальном этапе. Например, в 1769 г. Амвросию Подобедову, преподававшему еврейский в семинарии Троице-Сергиевой лавры, помогал игумен Варлаам, иудей, перешедший в православие: он занимался по два или три дня в неделю с наиболее успешными учениками переводами из Библии с объяснением трудных слов. Обучать студентов начального и среднего уровня игумен Варлаам не мог, так как «недовольно обучившихся оный игумен обучать за незнанием резолюции по грамматике признается неспособным» [Веселовский, 1879–1880: 121], т. е. он не мог объяснить грамматику еврейского. Такую же ситуацию мы наблюдаем в 1792–1795 гг., когда в помощь Якову Никольскому, выпускнику Троицкой Семинарии, был принят крещеный еврей Яков Матвеев. Он также не знал грамматики, поэтому обучал учеников только чтению и письму. Базовую грамматику еврейского преподавали исключительно лица, освоившие этот язык в семинариях или академиях в рамках грамматической традиции идущего из Европы христианского гebraизма¹⁰. Показательно, что префект Московской академии Владимир Каллиграф, еврей по происхождению, преподавал в 1755 г. богословие, хотя, скорее всего, владел и древнееврейским, в то время как Константин Крижановский, прошедший обучение в Прессбурге и Галле, преподавал еврейский в Киевской академии.

Важным этапом в подготовке специалистов по древнееврейскому языку и библейскому богословию стал так называемый проект *богословского факультета* при Московском университете (см. [Веселовский, 1879–1880: 113–114; Х., 1873: 300–317]). 6 мая 1765 г. Екатерина II повелела отобрать из учеников семинарий несколько человек для обучения в университетах Англии и Германии восточным языкам — и в том числе еврейскому.

⁹ См. о традиционной методике изучения иврита: «Дети изучали Тору в хедере с трех- или четырехлетнего возраста в форме дословного перевода, чтения вслух и запоминания: за ивритским словом следовало идишское слово, за следующим ивритским словом — следующее идишское слово и т. д.» ([Харшав, 2008: 229]); «Даже изучение ивритской грамматики считалось ересью, которая могла привести человека к секулярной культуре и атеизму, рассказывает в своей автобиографии Бен-Иегуда» ([там же: 239]).

¹⁰ Не случайно первые российские пособия по древнееврейскому появляются только в XIX в. — см. [Веселовский, 1879–1880: 124–125].

В Оксфорде и Кембридже еврейский изучали семинаристы Быков и Суворов; с 1766 г. в Лейдене у профессора Шультенса этот язык изучали 4 семинариста (Клевещкий, Наумов, Багрянский и Антонский), а также их инспектор Мина Исаев; в Геттингене у Михаэлиса обучались семинаристы Розанов, Новиков, Смирнов и их инспектор Димитрий Семенов-Руднев. Михаил Быков, Иван Наумов и Дмитрий Новиков до отправки за границу являлись студентами класса богословия Троице-Сергиевой семинарии, поэтому есть вероятность, что они начали изучать этот язык еще в стенах семинарии и только продолжили свое образование за границей (см. РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 1, д. 180, л. 7).

Однако проект богословского факультета не был воплощен, поэтому после возвращения в Россию в 1772 г. студенты получили различные назначения, в том числе не связанные с полученным образованием. Так, из вернувшихся студентов еврейский преподавали только Иван Наумов (в Московской академии с 1772 по 1776 г.) и Василий Антонский (там же, с 1776 по 1777 г.). Остальные студенты, хотя и овладели этим языком, однако не преподавали его, даже работая в сфере образования: Розанов преподавал в Александроневской семинарии французский, немецкий и математику; Суворов — в Морском корпусе математику, географию, английский и словесность; Багрянский — философию в Новгородской семинарии. Возможно, в 1770-е годы еще не существовало потребности в таком количестве преподавателей еврейского; нетрудно заметить, что обычно в каждом учебном заведении один язык преподает только один учитель — независимо от числа студентов. Существовали также помощники из числа студентов старших классов, получавшие даже особое жалование. Известно о нескольких учителях еврейского, работавших одновременно в Московской духовной академии в 1780-е годы: это Семен Протасов (1785–1792), Афанасий Иванов (до 1788 г.) и Моисей Гумилевский (до 1791 г.). Однако класс еврейского был обычно один (тогда как классы греческого, немецкого и французского могли разделяться на два в зависимости от уровня учеников).

2.2. Студенты. Кто и почему изучал еврейский в духовных академиях, насколько востребованным было его преподавание студентам? Документы показывают, что сложный и не имеющий практического применения язык не пользовался популярностью. Например, в 1763 г. Киевская академия указывала митрополиту Арсению на недостаточную заинтересованность студентов в изучении еврейского: во-первых, он оказывался слишком сложным для изучения; во-вторых, как было написано в рассуждении, изучающих его студентов «не приглашают господа к себе на кондиции, тогда как знающих французский и немецкий языки непрестанно приглашают» [Веселовский, 1879–1880: 41].

Несмотря на указ Синода, в котором требовалось, чтобы еврейский и греческий изучали все студенты академии [ПСЗРИ 25, 1830: 18726], желающих изучать этот язык в Киевской академии даже в начале XIX в. оказывалось немного: 1803 — 13 студентов; 1811 — 30 студентов; 1814 — 11 студентов [Веселовский, 1879–1880: 42]. К сожалению, неизвестно, какова была доля всех студентов высших классов, которые могли бы изучать еврейский, и соответственно насколько популярным на самом деле он был. Сохранились также отдельные данные по числу студентов Троице-Сергиевой семинарии, изучавших еврейский в 1765 г. В это время этот язык преподавался только в двух высших классах семинарии — философском и богословском. Из 24 студентов класса богословия еврейский изучали 13, из 20 студентов класса философии — 11, т. е. примерно половина учащихся (РГАДА, ф. 1204, оп. 1 ч. 1, д. 180, л. 15). Для сравнения: греческий в этих же классах изучали 4 и 16 студентов соответственно, а также 13 учеников класса риторики, в котором еврейский не преподавался. Немецкий и французский в 1765 г. преподавался в трех старших классах семинарии, однако эти языки оставались менее популярными, нежели классические «богословские».

Год	Студенты, изучающие еврейский, из общего числа студентов Троице-Сергиевой семинарии	Студенты 6-х и 7-х классов, из них изучают еврейский	Студенты 6-х и 7-х классов, изучающие греческий	Студенты 6-х и 7-х классов, изучающие французский	Студенты 6-х и 7-х классов, изучающие немецкий
1765	24 из 169 (14%)	24 из 44 (55%)	20 из 44 (45%)	12 из 44 (27%)	13 из 44 (30%)

Таким образом, в двух старших классах Троице-Сергиевой семинарии в старших классах еврейский оказывался наиболее популярным языком (за исключением латыни, которая являлась обязательным предметом и языком обучения во всех классах семинарии); возможно, это происходило из-за того, что греческий, французский и немецкий студенты начинали изучать на год раньше — в классе риторики. Греческий изучали в трех старших классах 33 человека, немецкий — 18, французский — 22.

В Московской академии преподавание еврейского активизировалось с 1775 г., когда ее ректором был назначен митрополит Платон (Левшин), усиливший лингвистическую подготовку ее выпускников, причем не только живыми европейскими языками (преимущественно французским и немецким), но и классическими богословскими — греческим и еврейским. Данные Смирнова [Смирнов, 1855: 341] свидетельствуют, что в последней четверти XVIII в. классы еврейского в Московской академии были в целом менее популярными, чем и в семинарии Троице-Сергиевой лавры.

Имея данные о числе учеников в 6-х и 7-х классах, можно хотя бы приблизительно понять популярность еврейского среди учеников старших классов Московской академии на рубеже XVIII–XIX вв.

Год	Студенты, изучающие еврейский, и общее число студентов Академии	Студенты 6-х и 7-х классов, изучающие еврейский	Студенты, изучающие греческий	Студенты, изучающие французский	Студенты, изучающие немецкий
1785	19 из 449 (4%)	19 из 90 (21%)	90	93	28
1790	26 из 992 (3%)	26 из 117 (22%)	104	162	54
1792	23 из 910 (3%)	23 из 104 (22%)	65	100	41
1794	21 из 908 (2%)	21 из 97 (22%)	94	0 ¹¹	77
1798	99 из 1118 (9%)	99 из 118 (84%)	144	0	140
1801	185 из 879 (21%)	185 из 206 (90%)	150	109	109
1804	194 из 877 (22%)	194 из 233 (83%)	260	136	107
1805	236 из 1161 (20%)	236 из 257 (92%)	350	201	221
1807	327 из 1559 (21%)	286 ¹²	391	160	152

Несмотря на приблизительность данных и неравномерное изменение числа студентов в классах разного уровня, все-таки можно сделать вывод, что до нового устава, введенного в 1797 г., в Московской академии еврейский стабильно изучала примерно пятая часть студентов. После нового устава изучение этого языка стало обязательным и почти полностью охватывает учеников 6-х и 7-х классов.

Данные по студентам, изучавшим в эти же годы греческий, а также французский и немецкий языки, показывают, что на рубеже веков число учеников в классе еврейского было сопоставимо с числом изучающих греческий и в некоторые годы превышало число студентов, изучающих живые языки — французский и немецкий (что характерно и для Троице-Сергиевой семинарии в 1765 г.).

Таким образом, несмотря на введение в учебный цикл актуальных европейских языков, классические языки богословия — греческий и еврейский — во второй половине XVIII в. остаются в духовном дискурсе более значимыми.

Конечно, остается открытым вопрос, насколько подробно и тщательно изучался еврейский; основная масса, как и в случае с греческим, получала лишь общие сведения о языке; судя по сохранившимся свидетельствам, в основном обучали чтению и переводу библейских текстов. Так, в 1768 г. в Московской академии преподавание еврейского сводилось в основном к чтению книги Бытия [Смирнов, 1855: 114]; там же с 1786 г. при изучении со студентами канонического

¹¹ Преподавание французского в Московской академии было запрещено с 1794 по 1800 г. в связи с событиями Великой Французской революции [Смирнов, 1855: 311].

¹² В этом году, вероятно, класс еврейского посещали также ученики младших классов (риторики и поэзии), так как число студентов класса еврейского превышает число студентов классов философии и богословия.

права ректор Афанасий обращался к еврейским подлинникам Ветхого Завета [Смирнов, 1855: 294]. Однако лучшие студенты овладевали языком на таком уровне, что могли составлять на этом языке речи и поздравительные стихотворения.

Стихотворные и прозаические тексты, написанные на еврейском, встречаются как в рукописных, так и в печатных поздравительных сборниках, подготовленных студентами и учителями Московской академии по различным знаменательным поводам (например, именины митрополита Платона или визит императрицы Екатерины II в Московскую академию). В подобных сборниках тексты на этом языке входили в особый «поздравительный комплекс», который включал стихотворения (оды и канты), речи и рассуждения на русском языке, стихотворения на латыни и греческом (оды, эпиграммы), а также речи (реже — стихи) на французском и немецком. Например, рукописный поздравительный «Сборник стихотворных приветствий в честь посещения Троице-Сергиевой лавры императрицей Екатериной II в 1787 г.» (РГБ, ф. 173. Ш., д. 183) содержит оду на русском языке; оду на латыни; канты на русском; прозаическое приветствие на французском (было прочитано учителем французского, иностранцем Антоном Ороновым), двустушия и прозаическую речь на немецком (прочитаны им же), стихи на греческом, стихи на еврейском (прочитаны самим ректором митрополитом Платоном (Левшиным)), эпиграммы на русском и на латыни, разговоры на русском об учебных предметах (о языке, географии, философии, богословии), благодарственную речь на русском языке. Подобный набор стихотворных и прозаических текстов имели и другие сборники подобного типа — как рукописные, так и печатные (например, небольшое стихотворение на еврейском напечатано в сборнике «Святейшаго правительствующаго синода члену... Платону митрополиту Московскому и Калужскому... в день тезоименитства... усерднейшее поздравление приносит Московская академия. 1787 года, ноября 18 дня». М., 1787). Если возможности напечатать текст не было, его просто упоминали; так, «Разныя сочинения Тверской семинарии на прибытие ея императорскаго величества в Вышний Волочек и в Тверь. 1785 года», изданные в Москве в 1787 г., содержат пометку в конце: «Притом говорены речи и стихи на разных языках, Латинском, Французском, Немецком, Греческом, Еврейском и Корельском учениками Тверской семинарии» (с. 12))¹³.

Создание собственного художественного текста на иностранном языке демонстрировало адресатам поздравления высокий уровень преподавания иностранных языков в учебном заведении и остается распространенным приемом до сих пор — независимо от того, понимает ли адресат поздравления приведенный текст или нет.

¹³ Тверская семинария была тесно связана с семинарией Троице-Сергиевой лавры, в ней нередко преподавали студенты и выпускники последней.

3. Исправление Библии. Важным фактором, стимулировавшим бы изучение еврейского в России, могло стать исправление Библии в 1740–1750-е годы. Официально при исправлении текстов справщики обращались к греческим текстам [Елеонский, 1902: 675–684; 841–852]: об этом свидетельствуют указы Синода и сохранившиеся протоколы книжного исправления (см. [ПСПиР 11, 1912]). При этом некоторые справщики наряду с греческим владели еврейским, хотя обращение к этому языку для исправления текста славянской Библии не афишировалось. Так, для исправления Библии как специалист по греческому языку был вызван из Киева Варлаам Лящевский, который преподавал после Симона Тодорского древнееврейский в Киевской академии. При этом в 1747 г. специалистов по греческому языку в Москве и Петербурге было намного больше, чем специалистов по еврейскому (в частности, это был сам Симон Тодорский, который в это время был придворным законоучителем наследника престола и его супруги и членом Синода; Иаков Блонницкий, преподававший наряду с еврейским греческий в Московской академии, и Иннокентий Паскевич, преподававший еврейский в Троицкой семинарии).

Материалы исправления содержат отдельные свидетельства об обращении к еврейским текстам, например, в Книге Бытия: «В главе 10-й стих 21-й положить против правленной, понеже во всех греческих кодексах тако имеется, *то ж и в еврейской*, яко Иафет Симу брат есть старейший, и для того против онаго 21-го стиха на брезе положить отметку сицевым образом: «во всех греческих Библиях Иафет показан брат Симу старейший»» [ПСПиР 11, 1912: 114–115]. Показательно, что подтверждение, полученное из еврейского текста, сохраняется в документах, однако убирается в финальной отметке на полях, предназначенной для публикации.

Наиболее сложным для исправления текстом была Псалтырь, и обращение к ее еврейскому оригиналу представлялось справщикам целесообразным, однако и здесь декларируется исправление только по греческим кодексам и славянским переводам, причем отказ от обращения к еврейскому оригиналу никак не объясняется: «хотя де многия во оной славенской Псалтири усмотрены места таковыя, в которых разум пророческий весьма затемнен, равно как и во всех кодексах семьдесятых толкователей, которые де толкователи, по свидетельству Евсевия, епископа Кесарийскаго, на псалом 86, истинный о Мессии разум пророческий на переводе еллинском нарочно утаили, однако ж де понеже оных мест лучше исправить невозможно, разве из еврейскаго, за тем де они и оставили» [ПСПиР 11, 1912: 324].

Таким образом, в 1740-е годы еврейский текст Библии представляется справщикам эталонным, но при исправлении славянского текста Библии обращение к нему, по-видимому, не приветствуется, поэтому не афишируется — даже в тех случаях, когда происходит.

При этом ситуация коренным образом меняется в конце века, когда преподавание еврейского получает государственную поддержку, а знание этого языка становится практически обязательным компонентом высшего духовного образования.

В чем может быть причина такого отношения к еврейскому в 1740-е годы? Вероятно, это открыто антиеврейская позиция Елизаветы Петровны. Как известно, Елизавета Петровна 13 декабря 1742 г. издала указ, в котором велела выслать из Российской империи «всех мужского и женского пола жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением» [ПСПиР 11, 1912: 727–728]. Пропуском в Россию для иудеев становилось только принятие православия. При этом преподавание еврейского в духовных учебных заведениях начинает развиваться как раз в царствование Елизаветы Петровны, однако наиболее активно он внедряется в богословскую подготовку уже в правление Екатерины II.

4. Выводы. Таким образом, XVIII в. был значимым этапом в развитии православной габраистики: именно в это время преподавание древнееврейского в духовных учебных заведениях становится системным, в Московской академии и Троице-Сергиевой семинарии складывается собственная традиция преподавания, еврейский начинают преподавать выпускники этих же учебных заведений. Знание древнееврейского осмысливается обществом как обязательный компонент полного богословского образования. Все эти процессы заложили расцвет христианской габраистики в России в XIX в.

Список литературы

- Алексеев А.А.* Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.
- Алексеев А.А.* Текстология славянской библии. СПб., 1999.
- Веселовский Н.И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды 3-го Международного съезда ориенталистов. Т. I. СПб., 1879–1880.
- Вишневский Д.* Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903.
- Габраистика // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/11093>
- Головащенко С.І.* Викладання й вивчення біблійних мов у Київській Духовній Академії: культурно-конфесійні та ідеологічні обставини // МАГІСТЕРІУМ. Історико-філософські студії. Вип. 13. Київ, 2004.
- Елеонский П.* Примеры сделанных елизаветинскими справщиками исправлений текста первопечатной Библии, не служащих к его усовершенению // Христианское чтение. Ч. 1. 1902.
- История русской лексикографии. СПб., 2001.
- Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л., 1978.

- Нічик В.М.* Симон Тодорський і гебраїстика в Києво-Могилянській академії. Київ, 2002.
- Перетц В.Н.* К вопросу о еврейско-русском литературном общении // *Slavia*. 1926. Vol. 5.
- Пичхадзе А.А.* Библия. IV. Переводы. Церковнославянский // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/209473.html>
- ПСЗРИ 11, 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Т. 11. СПб., 1830.
- ПСЗРИ 25, 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. СПб., 1830.
- ПСПиР 11, 1912 — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. III. 1746–1752. СПб., 1912.
- Духовный регламент — Регламент или устав Духовной коллегии. СПб., 1721.
- Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010.
- Смирнов С.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
- Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917. Т. 8. Ч. 1. М., 1996.
- Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917. Т. 8. Ч. 2. М., 1997.
- X. Проект богословского факультета при Екатерине II. 1773 год // *Вестник Европы*. Т. 6. 1873. № 11.
- Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914.
- Харшаев Б.* Язык в революционное время. М., 2008.
- Шпирт А.* Еврейско-христианские отношения в Речи Посполитой в XVI–XVIII в. в современной историографии: основные методы и направления // *Религиозные традиции Европы и современность. Изучение и преподавание в российских и зарубежных университетах*. Иваново, 2011.
- Burnett Stephen.* *Judische Vermittler des Hebraischen und ihrer christlichen Schuler im Spätmittelalter // Wechselseitige Wahrnehmung der Religionen in Spätmittelalter und in der Fruhen Neuzeit / Ed. Ludger Grenzmann, Thomas Haye, Nikolaus Henkel and Thomas Kaufmann. Berlin, 2009.*
- Burnett Stephen.* *Later Christian Hebraists // Hebrew Bible / Old Testament: The History of its Interpretation. Vol. 2: From the Renaissance to the Enlightenment / Ed. Magne Saebø and Michael Fishbane. Berlin, 2008.*
- Mengel S., Schorch S.* *Die Harmonia vocum hebraerum cum Slavonicis rutenicis et polonicis von Simon Todorski. Ein neuer Archivfund zu vergleichenden Sprach- und Bibelstudien an der Universität Halle im frühen 18. Jahrhundert // Logos im Dialogos. Auf der Suche nach der Orthodoxie. Gedenkschrift für Hermann Goltz (1946–2010). Münster, 2011.*
- Pietkiewicz R.* *W poszukiwaniu «szczerego słowa Bożego». Recepcja zachodnioeuropejskiej hebraistyki w studiach chrześcijańskich doby renesansu. Wrocław, 2011.*

Источники

- Российский государственный архив древних актов, ф. 1189, оп. 1., д. 332.
- Российский государственный архив древних актов, ф. 1204, оп. 1 ч. 1, д. 180.

Сведения об авторе: *Кислова Екатерина Игоревна*, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: e.kislova@gmail.com

О.В. Федорова, Ю.Д. Потанина

РАБОЧАЯ ПАМЯТЬ И ЯЗЫК: ОТ РЕЧЕПОНИМАНИЯ К РЕЧЕПОРОЖДЕНИЮ¹

В статье показано, как использование понятия вербальной рабочей памяти помогает объяснить индивидуальные различия в механизмах понимания и порождения речи. Используя адаптированные к русскому языку тесты по определению объема рабочей памяти, авторы продемонстрировали, что объем рабочей памяти как значимо коррелирует со многими синтаксическими и референциальными процессами понимания речи, так и является хорошим предиктором беглости речи при порождении.

Ключевые слова: рабочая память, психолингвистика, понимание речи, порождение речи.

The present study shows how the use of the notion of working verbal memory contributes to our understanding of individual differences in language comprehension and language production mechanisms. Using Russian adaptations of the working memory reading span and speaking span tests we demonstrated that the working memory capacity is really correlated with some referential and syntactic processes, as well as being a predictor of verbal fluency.

Key words: working memory, psycholinguistics, language comprehension, language production.

1. Исследования памяти в когнитивной психологии. Начало современного этапа изучения памяти в области психологии традиционно датируется концом XIX в. и связывается с именем Г. Эббингауза, разработавшего первые экспериментальные методики, с помощью которых ему удалось определить важные закономерности функционирования памяти, в частности, так называемую кривую забывания [Ebbinghaus, 1885]. Примерно в то же время У. Джеймс предложил разделить память на первичную и вторичную [James, 1890]. В начале второй половины XX в. в работах Дж. Миллера [Miller, 1956], Н. Во и Д. Нормана [Waugh, Norman, 1965] и Р. Аткинсона и Р. Шиффрина [Atkinson, Shiffrin, 1968] был сформулирован многокомпонентный подход к памяти. Согласно наиболее известной трехкомпонентной модели Аткинсона и Шиффрина (1968), входящая информация сначала попадает в сенсорные регистры, затем переводится в кратковременное хранилище, после чего передается в долговременную

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00268.

память. Термин 'рабочая память' (англ. working memory, далее РП) был впервые использован в книге [Miller et al., 1960]. В то время как в модели Аткинсона и Шиффрина термином РП обозначался атомарный блок трехкомпонентной модели памяти, А. Бэддели и Дж. Хитч (1974) использовали его уже для обозначения некоторой сущности, которая сама состоит из трех отдельных компонентов [Baddeley, Hitch, 1974]. Употребление термина РП вместо более традиционного термина 'кратковременная память' подчеркивает функциональную важность системы, т. е. авторы, использующие этот термин, в первую очередь ищут ответ на вопрос, для каких целей служит РП.

Трехкомпонентная модель РП Бэддели и Хитча (1974) состоит из центрального исполнителя (англ. central executive), фонологической петли (англ. phonological loop) и визуально-пространственной матрицы (англ. visuospatial sketchpad). Центральный исполнитель является ядром системы, отвечающим за координацию работы подсистем, а два других модуля выполняют вспомогательные функции. Вербальная информация, поступающая из первичного сенсорного хранилища, попадает в фонологическую петлю, которая в свою очередь состоит из пассивного фонологического хранилища и подсистемы, обеспечивающей субвокальное повторение, без поддержки которого информация в фонологическом хранилище угасает примерно через 1,5 с. [Baddeley et al., 1975]. Зрительная информация попадает из сенсорного хранилища в визуально-пространственную матрицу, которая состоит из зрительной и пространственной подсистем.

В настоящее время существует много подтверждений психологической обоснованности выделения фонологической петли и визуально-пространственной матрицы в отдельные блоки. Например, в эксперименте, описанном в [Baddeley et al., 1975], испытуемых просили прочитать и запомнить ряд названий различных государств, причем в одной группе названия были короткими (*Чад, Кения, Чили*), а в другой — длинными (*Чехословакия, Швейцария, Австралия*). Оказалось, что испытуемые из первой группы лучше справляются с заданием, чем испытуемые из второй. Авторы объясняют этот эффект тем, что в процессе запоминания человек обычно проговаривает слова про себя. Чем длиннее слово в последовательности, тем меньше раз испытуемые успевают проговорить эту последовательность за отведенное время, и тем дольше длится время угасания следа от предыдущих проговоренных слов.

Однако от описанного эффекта длины слова можно избавиться, не давая испытуемым возможности проговаривать слова про себя. Действительно, если дать им дополнительное задание во время чтения постоянно повторять какое-нибудь нерелевантное слово (например, слово *труба*), то различие между двумя группами испытуемых пропадает. Данный метод получил название метода артикуляторного торможения.

В 2000 г. в трехкомпонентную модель РП был добавлен еще один компонент — эпизодический буфер (англ. *episodic buffer*), который используется для синтеза и интеграции информации из фонологической петли и визуально-пространственной матрицы, а также для связи с долговременной памятью [Baddeley, 2000]. Приведем один из аргументов, побудивший Бэддели добавить в свою модель этот компонент. Давно известно, что человек может удерживать в памяти последовательность из пяти–семи слов, не связанных между собой. Однако если эти слова объединить в предложения, то количество слов, которые человек может запомнить, возрастает в несколько раз. Этот пример является хорошей иллюстрацией явления, которое Миллер (1956) назвал структурированием (англ. *chunking*). Однако где хранятся эти структурированные группы слов? Бэддели предполагает, что такая собранная из разных источников информация хранится как раз в эпизодическом буфере. Таким образом, модель РП выглядит к настоящему моменту следующим образом:

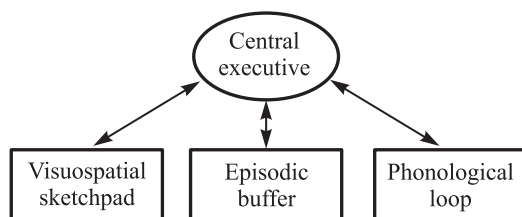

Рис. 1. Модель рабочей памяти из [Baddeley, 2000]

Итак, в отличие от прежних моделей кратковременной памяти, в модели Бэддели утверждается, что поступающая в РП информация не только пассивно хранится, но и активно обрабатывается. Подобная идея проходит лейтмотивом по всем исследованиям РП последних десятилетий. В данной работе нас в первую очередь будет интересовать вопрос взаимодействия РП и языка, т. е. вербальный компонент РП, а также проблема определения объема РП. В разделе 2 мы остановимся на изучении взаимодействия РП и механизмов **понимания** речи, которое интенсивно изучается с момента выхода пионерской работы [Daneman, Carpenter, 1980]. Раздел 3 будет посвящен описанию взаимодействия РП и механизмов **порождения** речи, несмотря на то что основополагающие работы вышли уже относительно давно [Daneman, Green, 1986; Daneman, 1991], исследования в этой области только начинаются. В каждом из двух последующих разделов сначала мы опишем методику определения объема РП, а потом приведем примеры русскоязычных исследований, показывающих корреляцию между языковым поведением человека и объемом его РП.

2. Исследования рабочей памяти в психолингвистике: понимание речи. Вскоре после выхода работы Бэддели и Хича (1974) термин РП был впервые использован уже в психолингвистической статье [Daneman, Carpenter, 1980]. В конце 70-х годов XX в. среди исследователей процессов понимания речи сложилась парадоксальная ситуация, когда интуитивно они были уверены, что индивидуальные различия в объеме РП должны оказывать влияние на механизмы понимания речи, однако проводимые ими эксперименты этого не подтверждали. Данеман и Карпентер (1980) предположили, что все дело в отсутствии адекватных методик определения объема кратковременной памяти и предложили новый тест, которому суждено было совершить переворот в современной психолингвистике.

Данеман и Карпентер (1980) исходили из того, что в процессе интерпретации некоторого текста в РП человека происходят процессы, связанные как с пассивным хранением поступающей информации, так и с ее обработкой. Существовавшие же в то время методики по определению объема кратковременной памяти (состоявшие в запоминании отдельных цифр и/или слов) тестировали только первую из этих двух составляющих, нивелируя тем самым индивидуальные различия испытуемых; между тем эти различия и возникают, по мнению авторов, вследствие лучшей или худшей способности испытуемых эффективно распределять имеющиеся ресурсы РП, отводя какую-то часть для хранения поступающей информации, а другую — для ее обработки. Другими словами, чем меньше ресурсов затрачивается на обработку поступающей информации, тем больше их остается для ее хранения. Тест, получивший название **Reading span**, тестировал обе эти составляющие — в ходе эксперимента испытуемый должен был читать отдельные предложения и одновременно удерживать в РП последние слова ранее прочитанных предложений. Таким образом, по словам Данеман, «теория кратковременной памяти была заменена теорией РП [Baddeley, Hitch, 1974], а методика измерения кратковременной памяти — методикой измерения РП [Daneman, Carpenter, 1980]» ([Daneman, 1994: 443], перевод мой. — *О.Ф.*).

Ниже мы опишем современную версию данного теста, которая, впрочем, совсем немного отличается от оригинальной. Тест состоит из 70 предложений, взятых из литературных источников. Каждое предложение напечатано в центре небольшой карточки, которые распределены на группы по 2, 3, 4 и 5 предложений, по пять попыток на каждом уровне. В ходе эксперимента экспериментатор выкладывает перед испытуемым по одной карточке и просит его прочитать написанное на ней предложение вслух. Как только испытуемый заканчивает чтение предложения, экспериментатор накрывает эту карточку следующей. После того как экспериментатор кладет перед испытуемым пустую карточку, тот должен повторить последние

слова каждого предложения этой группы в том порядке, в котором они были им прочитаны, с точностью до словоформы. Эксперимент продолжается до тех пор, пока испытуемый может воспроизвести не меньше трех из пяти групп на данном уровне. В противном случае эксперимент заканчивается, и объем РП испытуемого считается равным последнему уровню, на котором он смог воспроизвести последние слова трех из пяти предложенных ему предложений.

Русскоязычная версия данного теста была разработана в 2001 г., см. [Федорова, 2003; Fedorova, Pechenkova, 2007; Федорова, 2010]. За прошедшее в тех пор время было проведено около тысячи подобных экспериментов, по результатам которых примерно 65% русскоязычных испытуемых имеют небольшой объем РП, что значительно отличается от англоязычных исследований, в которых эта цифра закрепились на уровне 50%. Основной причиной такого положения дел, на наш взгляд, является богатое русское словоизменение, которое сильно увеличивает количество ошибок при повторении словоформ.

Для иллюстрации зависимости речевого поведения человека от объема его РП при понимании речи приведем пример из области исследования дискурса. В пионерской работе [Daneman, Carpenter, 1980] испытуемые читали небольшие дискурсивные фрагменты и должны были правильно установить antecedent местоимения *he*, которое было использовано в последнем предложении. При этом первое упоминание целевого референта встречалось в дискурсивных отрывках на разном линейном расстоянии от местоимения, их разделяло от 2 до 7 предложений. Авторы убедительно показали, что испытуемые с большим объемом РП выполняют это задание значительно лучше, чем испытуемые с небольшим объемом. В [Fedorova et al., 2010] описан аналогичный эксперимент, в котором варьируется **риторическое** расстояние до antecedента местоимения, традиционно вычисляемое по иерархической структуре, разработанной в рамках Теории риторической структуры [Mann, Thompson, 1988], см. рис. 2.

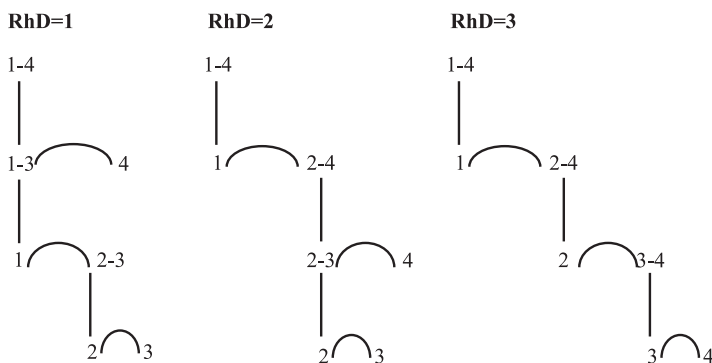

Рис. 2. Риторические деревья дискурсивных фрагментов

Испытуемые читали текст (см. пример), а затем отвечали на три вопроса, из которых первые два были фактографические, а третий — референциальный вопрос к референту:

Был конец рабочего дня. Пятая бригада скорой помощи ехала на базу после ложного вызова. На носилках в кабине, набегавшись за смену, прикорнул медбрат. Усталый **доктор**, слушавший музыку в плеере, игнорировал заискивающие взгляды молодого ассистента, горящего рабочим энтузиазмом после первого дня в бригаде. В наушниках звучал «Белый альбом» битлов. Безупречная мелодия качала и убаюкивала: а) РитР=1 **Он** испытывал легкие угрызения совести за свою невнимательность к коллеге, но усталость превозмогала всё; б) РитР=2 **Он** любил слушать эту пластинку после тяжелого трудового дня; в) РитР=3 **Он** почувствовал, что медленно проваливается в сон.

Вопросы: 1. Какой номер был у бригады скорой? 2. Какая запись звучала в плеере? 3. а) Кому было стыдно за невнимательность к коллеге? б) Кто любил слушать пластинку после тяжелого трудового дня? в) Кто почувствовал, что засыпает?

Проведя эксперимент с 120 испытуемыми, мы обнаружили, что чем выше объем РП испытуемых, тем меньше ошибок они совершают в ответах на референциальные вопросы ($\text{cor} = -0.56$, $p\text{-value} < 0.01$). Таким образом, мы показали, что успешность интерпретации референциального выражения напрямую зависит от объема РП испытуемых. Эффект зависимости механизмов речепонимания от объема РП был обнаружен нами и при анализе сложноподчиненных предложений с относительными придаточными [Fedorova, Yanovich, 2006; Федорова, 2008], а также с придаточными времени [Федорова, 2005; Fedorova, 2010]. Подытоживая вышеизложенное, можно заключить, что в области изучения понимания речи зависимость языкового поведения человека от объема его РП является неоспоримым фактом, многократно подтвержденным в исследованиях. Иначе обстоит дело в области порождения речи, где данный факт еще только предстоит строго доказать.

3. Исследования рабочей памяти в психолингвистике: порождение речи. В конце 80-х годов XX в. один из авторов статьи [Daneman, Carpenter, 1980] М. Данеман разработала новый тест на определение объема РП, связанный уже с порождением речи. Данный тест получил название **Speaking span** [Daneman, Green, 1986; Daneman, 1991]. Для эксперимента было отобрано 100 слов, которые были распределены в группы по 2, 3, 4, 5 и 6 слов. Каждое слово появлялось на экране на 1 с.; испытуемый получал инструкцию читать слова и, увидев пустой экран, придумывать с каждым прочитанным словом по одному предложению, причем целевое слово в этом предло-

жении должно было стоять в той же словоформе. Например, прочитав слова *shelter*, *muscles* и *dangers*, англоязычный испытуемый произносит предложения: *Trees provide poor shelter during a thunderstorm*; *Mr. Universe has very big muscles*; *There are dangers associated with every occupation*. Испытуемым разрешалось придумывать предложения в любом порядке, но было запрещено использовать последнее прочитанное слово первым.

В результате объем РП равнялся количеству слов, с которыми испытуемый мог придумать предложения. Это количество подсчитывалось двумя способами: при строгом подсчете ответ признавался правильным только в случае, если испытуемый использовал в предложении именно ту форму слова, которая была ему предъявлена; при нестрогом подсчете форма могла быть любой. В работе [Daneman, 1991] автор продемонстрировала, что объем РП коррелирует с беглостью речи при порождении. Данеман предположила, что два подсчета по-разному чувствительны к разным аспектам беглости речи: строгий подсчет связан со способностью четко и быстро произносить слова (при чтении текста вслух), в то время как нестрогий подсчет является предсказывающим фактором для успешного заполнения пауз.

Настоящий раздел посвящен проверке гипотезы о зависимости **беглости речи** от объема РП на материале русского языка. Эксперимент, проведенный с 32 испытуемыми, состоял из четырех этапов: 1) определение объема РП с помощью теста *Speaking span*; 2) тест на порождение речи; 3) тест на чтение вслух; 4) тест на оговорки.

При создании русскоязычной версии теста были использованы следующие ограничения: все слова были семибуквенными, высокочастотными, сбалансированными по частеречной принадлежности, а также равномерно распределенными по грамматическим признакам в соответствии с частотностью употребления грамматической формы; кроме того, между словами в группе нельзя было установить ассоциативные связи. Объем РП подсчитывался обоими способами.

Для теста на порождение речи была выбрана фотография семьи за обедом. Испытуемых просили описывать картинку в течение одной минуты. Мерой беглости речи считалось общее количество произнесенных слов.

В ходе теста на чтение вслух испытуемых просили прочитать отрывок длиной в 328 слов («Подросток», Ф.М. Достоевский), как можно быстрее и четче произнося слова. При обработке результатов для каждого испытуемого было посчитано число ошибок и время, за которое он прочитывал весь текст. Ошибками считались повторы, фальстарты, оговорки, добавления, пропуски и замены.

Наиболее трудоемким оказалась разработка теста на оговорки. Процедура эксперимента повторяла эксперимент [Daneman, 1991] и

состояла в следующем: на экране компьютера предъявлялись 309 пар слов, по 1 с. на каждую пару. Испытуемые читали все пары слов про себя за исключением определенных пар (маркированных звуковым сигналом), которые они читали вслух. 30 экспериментальных пар были подобраны таким образом, чтобы вызвать оговорку; кроме того, в эксперименте было 39 филлерных пар, необходимых для того, чтобы скрыть от испытуемого реальную цель эксперимента. Оговорка провоцировалась тремя парами фонологически похожих слов, например: *суетные мысли, сушит мышцы, сунул мыло, мушки сыты*. Первые три пары слов похожи на ожидаемую оговорку *сушки мыты* — они имеют аналогичную ритмическую структуру и одинаковые начальные звуки. Кроме того, ожидаемая оговорка представляла собой реально возможное словосочетание.

В результате мы получили значимые корреляции между объемом РП и (1) тестом на порождение речи (для нестрогого подсчета $\text{cor} = 0.522$, $p\text{-value} < 0.05$, для строгого $\text{cor} = 0.543$, $p\text{-value} < 0.05$); (2) временем чтения вслух (для нестрогого подсчета $\text{cor} = -0.704$, $p\text{-value} < 0.01$, для строгого $\text{cor} = -0.679$, $p\text{-value} < 0.01$); (3) тестом на оговорки (для нестрогого подсчета $\text{cor} = -0.706$, $p\text{-value} < 0.01$, для строгого $\text{cor} = -0.723$, $p\text{-value} < 0.01$); однако, в отличие от результатов Данеман, значимой корреляции между объемом РП и количеством ошибок при чтении вслух обнаружить не удалось. Тем не менее результаты в целом показывают, что объем РП является значимым фактором, влияющим на беглость речи русскоязычных испытуемых.

4. Заключение. В настоящей работе мы показали, что поиск корреляции между объемом РП и индивидуальными различиями людей в способности понимать обращенную к ним речь является общепризнанной практикой. Более того, в работах классиков данного направления была выдвинута идея о делении всех людей на «хороших» читателей, умеющих эффективно распределять ресурсы РП между хранением и обработкой поступающей информации, и «плохих» читателей, которые делают это хуже [Daneman, Carpenter, 1980]. Хотя этот последний тезис не находит подтверждения во многих современных работах (см., например, [Ottens, van Berkum, 2009; Федорова, 2010]), большая роль РП при речепонимании несомненна. В то же время, несмотря на то, что еще в 1980 г. А. Эллис заметил, что ошибки, которые совершаются в процессе прохождения теста по определению объема РП, аналогичны ошибкам, совершаемым людьми при порождении в обычной повседневной жизни [Ellis, 1980], корреляции между объемом РП и порождением речи исследованы еще недостаточно хорошо. Данная тенденция повторяет общий тренд психолингвистической науки уделять значительно больше

внимания изучению процессов понимания речи. Однако в последние годы ситуация начинает меняться, что проявляется, в частности, и в привлечении к исследованиям речепорождения более широкого, когнитивно ориентированного контекста, лежащего в пограничной области между «чистой» психолингвистикой и когнитивной психологией. Кроме того, отдельной составляющей дальнейшего изучения данной проблематики является вопрос о корреляции между двумя описанными выше тестами: если испытуемый хорошо справился с тестом по определению объема его РП при понимании, можем ли мы что-то предсказать относительно его результатов в тесте на порождение, и наоборот?

Список литературы

- Федорова О.В.* Тест по определению объема оперативной памяти: история и современное состояние // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог 2003». М., 2003.
- Федорова О.В.* Перед или после: что проще? (понимание сложноподчиненных предложений с придаточными времени) // Вопросы языкознания. 2005. № 6.
- Федорова О.В.* К вопросу о валидности и надежности психолингвистических экспериментов // Когнитивные исследования 2 / Ред.: В.Д. Соловьев, Т.В. Черниговская. М., 2008.
- Федорова О.В.* Основы экспериментальной психолингвистики: рабочая память и понимание речи. М., 2010.
- Atkinson R.C., Shiffrin R.M.* Human memory: A proposed system and its control processes // The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory / K.W. Spence, J.T. Spence (eds.). N. Y., 1968.
- Baddeley A.D.* The episodic buffer: A new component of working memory? // Trends in Cognitive Sciences. 2000. 4.
- Baddeley A.D., Hitch G.H.* Working memory // Recent advances in learning and motivation / G.A. Bower (ed.). N. Y., 1974.
- Baddeley A.D., Thomson N., Buchanan M.* Word length and the structure of short-term memory // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1975. 14.
- Daneman M.* Working memory as a predictor of verbal fluency // Journal of Psycholinguistic Research. 1991. 20.
- Daneman M.* Working memory and language // Language and Speech. 1994. 37.
- Daneman M., Carpenter P.A.* Individual differences in working memory and reading // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1980. 19.
- Daneman M., Green I.* Individual differences in comprehending and producing words in context // Journal of Memory and Language. 1986. 25.
- Ebbinghaus H.* Über das Gedächtnis. 1885.
- Ellis A.W.* Errors in speech and short-term memory: The effects of phonemic similarity and syllable position // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1980. 19.

- Fedorova O.V.* Why the English easiest type became the hardest in Russian, or Russian adults' comprehension of before and after sentences // Proceedings of the Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation. Sendai, 2010.
- Fedorova O.V., Delikishkina E.A., Uspenskaya A.M.* Experimental approach to reference in discourse: Working memory capacity and language comprehension in Russian // Proceedings of the Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation. Sendai, 2010.
- Fedorova O.V., Pechenkova E.V.* When "Colorless green ideas..." meet working memory span // Proceedings of the 9th International conference "Cognitive modeling in linguistics" / V.D. Solovyev, E.V. Pechenkova, V.N. Polyakov (eds.). Kazan', 2007.
- Fedorova O.V., Yanovich I.S.* Early preferences in relative clause attachment in russian: The effect of working memory differences // Formal Approaches to Slavic Linguistics / J.E. Lavine et al. (eds.). Ann Arbor, 2006.
- James W.* The principles of psychology. N. Y., 1890.
- Mann W., Thompson S.A.* Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization // Text. 1988. 8.
- Miller G.A.* The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // Psychological Review. 1956. 63.
- Miller G.A., Galanter E., Pribram K.H.* Plans and the structure of behavior. N.Y., 1960.
- Otten M., van Berkum J.* Does working memory capacity affect the ability to predict upcoming words in discourse? // Brain research. 2009. 1291.
- Waugh N.C., Norman D.A.* Primary memory // Psychological Review. 1965. 72.

Сведения об авторах: *Федорова Ольга Викторовна*, канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ) филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: olga.fedorova@msu.ru; *Потанина Юлия Дмитриевна*, студентка 4-го курса отделения теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ) филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: binechka-paveletskaja@mail.ru

О.В. Дедова, М.С. Куприенко

ЗАГОЛОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье обосновывается понятие *электронный заголовочный комплекс* и рассматриваются элементы, его составляющие. Делается вывод о том, что технология интернет-текста продуцирует инновационные формы текстовых названий (наиболее значимые и распространенные — доменное имя и название файла), которые активно осваиваются коммуникацией и перестают быть лишь «техническими» элементами текста. Одновременно в Интернете возрастает роль собственно текстовых названий, соотносимых с традициями печатной литературы, что обусловлено фрагментарностью и дисперсностью нелинейного гипертекста.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, Рунет, гипертекст, типология интернет-текстов, заголовков, название.

The article substantiates the concept of an electronic headline complex and considers its component elements. A conclusion is drawn that the technologies of the internet texts produce innovative forms of textual names (the most significant ones being the domain name and the file name) which are being actively acquired by communications and stop being mere ‘technical’ elements of the text. At the same time the role of textual titles proper is growing in the internet, ones that can be correlated with the traditions of printed literature. This can be said to have been caused by fragmentary and dispersed characteristics of the non-linear hypertext.

Key words: internet linguistics, Runet, hypertext, typology of internet texts, headline, title, name.

Интернет — сравнительно новая коммуникационная среда, привлекающая к себе пристальное внимание исследователей. Основной формой представления письменной информации в Интернете становится гипертекст, и особенности его организации оказывают самое непосредственное воздействие на категории электронного текста в целом.

Гипертекстовые технологии создавались в процессе выработки принципов перенесения письменного текста на компьютерный экран. Для технической реализации всех идей, воплощение которых способен обеспечить Интернет, необходимо было создать программное обеспечение, позволяющее систематизировать передаваемую информацию и выдавать ее пользователю в максимально удобной форме. В зависимости от поставленных целей и задач интернет-среда имеет

определенное количество платформ, обеспечивающих взаимодействие пользователей в сети. Под платформой в данном случае мы понимаем программно поддерживаемый алгоритм коммуникации, обладающий рядом характерных черт и представляющий определенные возможности пользователям. В настоящее время практически все платформы в той или иной степени используют принципы гипертекстовой организации информации.

Текстовые единицы Интернета — это специфическая контаминация программного кода и инновационных принципов текстовой композиции, формализуемых при помощи сложной системы гипертекстовых переходов. В результате этой контаминации формируется особое текстовое пространство — как внешнее, пространственно-графическое, так и смысловое. Несмотря на значимость гипертекстовой формы для современной интернет-коммуникации, лингвистическая теория гипертекста содержит значительное количество вопросов, не имеющих однозначных решений. Практически неразработанными остаются теоретические основы типологического описания интернет-текстов. В зависимости от направления научных изысканий и поставленных задач исследователи Интернета пишут о типах программного обеспечения, жанрах или типах гипертекста, форматах представления информации в сети и т. д. Задача типологического описания электронных «жанров» осложняется тем, что технически (на уровне программного кода) они легко встраиваются друг в друга, что делает условными их границы и специфичность.

На данный момент большинство исследователей выделяют следующие основные типы интернет-ресурсов, созданных на основе программно поддерживаемых платформ: сайт; мультипользовательская система (открытая энциклопедия, игровой «виртуальный мир» и пр.); блог; форум; чат; мессенджер; социальная сеть. В процессе исследования лингво-коммуникативной специфики данных интернет-платформ встал вопрос о теоретических основаниях их типологического описания. Необходимо было выделить ключевые компоненты, по которым они могут быть охарактеризованы и сопоставлены. Большое количество лингвистических работ, посвященных каждой из этих систем (блоги и сайты разнообразной тематической направленности, многопользовательские игры типа PvP — “Player vs Player”, профессиональные социальные сети и т. д.), свидетельствует о том, что все они активно развиваются, вырабатывая собственную прагматику. Это находит отражение в стиле текста, в принципах организации гипертекстового пространства, в особенностях использования мультимедиа. Совершенствование программного обеспечения позволяет интегрировать не только новые компоненты в системы, но и системы друг в друга, что все больше размывает границы между ними.

Специфика текстовых форм, развивающихся в результате коммуникативного освоения новых программно поддерживаемых платформ Интернета, может быть выявлена в результате сопоставления с единицами и категориями традиционной («печатной») письменности. Один из возможных аспектов сопоставления различных интернет-систем (а также электронного и печатного текстов в целом) — это текстовые названия, которые приобретают в Интернете новые формы и новые функции.

Практически все исследователи Интернета сходятся во мнении, что основное отличие электронного гипертекста от печатного текста заключено в его композиционных принципах, которые определяют лоскутность, мозаичность представления информации. Единое информационное пространство любой из интернет-систем, или платформ создается благодаря соединению разнородных элементов: текстов, баннеров, фреймов, объединенных общей темой, идеей и задачами. При такой лоскутной организации текстово-визуального пространства роль названия существенно возрастает. Название принимает на себя роль маяка, навигатора в сетевом мире, ориентира в электронном информационном пространстве.

В процессе нашего исследования сетевых названий стало очевидно, что этот материал чрезвычайно многообразен и научные предпосылки, выработанные на основе анализа печатной литературы, не всегда позволяют его адекватно интерпретировать. Таким образом, говоря о роли названия/заголовка в электронной коммуникации, следует пересмотреть традиционные представления об этом текстовом элементе, поскольку они не могут в полной мере отразить сути исследуемого явления.

Как известно, термин *название* не является однозначным. Можно отметить две основные традиции употребления данного термина: 1) название как компонент текста [Валгина, 2003; Новикова, 1986]; 2) название как имя, данное единичному объекту действительности в процессе акта номинации. В первом случае название исследуется в рамках текстологии и теории текста и является синонимом термина заголовок/заглавие, либо приравнивается к термину «заголовочный комплекс», охватывая, таким образом, все компоненты текста, выносимые в заглавие произведения. Другой аспект использования термина «название» как «имени собственного, словесного обозначения какого-либо одного предмета, явления и т. п., выделяющего его из ряда однородных» [Кузнецов, 1998] *относится к области ономастики и входящих в нее научных дисциплин.*

Эти две возможные трактовки термина не исчерпывают функциональной специфики названия в электронной коммуникации. Здесь необходимость дать имя отдельным гипертекстовым компонентам вы-

звана одновременно несколькими причинами. Прежде всего стоит выделить навигационную и аттрактивную функции названия, поскольку неименованные или неверно именованные объекты гипертекстовых переходов будут дезориентировать пользователя, а невыразительные, безынтересные формулировки источников ссылок или позиций меню (эти гипертекстовые реалии также функционально сопоставимы с текстовыми названиями) не приведут к осуществлению гипертекстового перехода, что приостановит сам процесс чтения. Вместе с тем как и в печатной коммуникации, гипертекстовое название служит семантическим кодом, лаконично передающим весь комплекс ассоциаций и установок, реализуемых в тексте.

Исходя из специфики интернет-коммуникации, можно предложить следующее определение сетевого (электронного) названия: это *средство, позволяющее выделить структурно обособленный информационно-текстовый элемент из ряда однородных в пределах сайта, форума, игры и т. д., а также Интернета в целом*. Гипертекстовая технология предполагает использование инновационных форм наименования коммуникативных единиц, в результате чего электронное название характеризуется полиморфизмом. Нами выделены следующие формы интернет-названия/заголовка: доменное имя, название файла; название в верхней строке браузера, совпадающее с именем сайта во вкладке; непосредственно текстовый заголовок; подзаголовок; названия отдельных элементов сайта: баннеров, текстовых компонентов и блоков, постов, тем, альбомов и пр.; текстовые формулировки меню; формулировки источников гипертекстовых ссылок.

Следует отметить, что, помимо доменного имени и названия файла, являющихся компонентами URL-адреса, наличие любого из представленных типов названий не обязательно. Специфика функционирования разнообразных форм названия во многом будет обусловлена типом конкретного интернет-ресурса.

Для выполнения своих основных функций — аттрактивной и навигационной — электронное название использует средства, принадлежащие разным семиотическим системам. Так, в современных доменных именах естественный язык вступает в теснейшее взаимодействие с техническими элементами, являющимися частью программного кода (домены типа *geratitu.net*). Другие формы электронных названий для реализации своей прагматической установки могут использовать средства полиграфии, кодировку цветом, графические образы и т. д. Важная задача анализа электронных названий — выявление их связи с коммуникативной и «жанровой» направленностью сайта, что позволяет рассматривать подобные работы в качестве одного из этапов типологического исследования Интернета в целом.

Представляет интерес также история возникновения «техногенных» форм электронного названия и процесс их освоения коммуникативными практиками.

Как мы уже отмечали, одной из наиболее важных и специфических форм электронного названия является так называемое доменное имя — уникальный сетевой адрес (или его часть) сервера, подключенного к Интернету. Доменное имя, состоящее из букв латиницы (или сочетания латиницы с цифрами), пришло на смену адресам, которые ранее обозначали набором цифр, но цифровой адрес был сложен для запоминания и воспроизведения. В настоящее время в Интернете активно внедряются домены на национальных языках, однако мы считаем несколько преждевременным анализ кириллических доменов Рунета, так как они еще не нашли широкого распространения. В большинстве случаев доменное имя оказывается непосредственно связано с содержанием сайта, что позволяет его рассматривать не только как технически необходимый элемент интернет-коммуникации, но и как часть электронного заголовочного комплекса.

В современном Интернете доменное имя — ключевой компонент гипертекстовой навигации и композиции. Посещаемость сайта напрямую зависит от запоминаемости и воспроизводимости доменного имени, поэтому оно становится мнемоническим средством, отражающим специфику информации, размещенной на сайте, а также элементом рекламы. Поэтому главной стратегией повышения эффективности доменного имени становится его соотнесенность со значимыми языковыми единицами, что может достигаться различными способами. Проведенный нами анализ выявил приемы, используемые при создании доменных имен:

- доменное имя совпадает с заголовком сайта или его частью. Например, сайт «Окулус», посвященный астропсихологии — <http://www.oculus.ru>; магазин женского белья «Империя чувств: MonAmour» — <http://amour.ru>;

- в доменном имени есть указание на тематическую направленность сайта: сайт «Золотое руно. Вышивка и пряжа» — <http://www.rukodelie.ru>;

- в качестве имени домена берется слово, являющееся гипонимом по отношению к номинации заголовка сайта: «Народный каталог православной архитектуры» — <http://sobory.ru>;

- доменное имя образовано путем соединения фрагментов заголовка сайта, причем используемые фрагменты могут быть как транслитерированы, так и переведены на другой язык. Могут соединяться часть слова и целое слово: «Зачарованный мир» — <http://mystworld.ru> (ср.: mysterious world); части слов: «Казанские ведомости» — <http://www.kazved.ru>; начальные буквы слов (принцип

аббревиатуры) и слова: «Медиа Пилот онлайн» — <http://www.mpilot.ru>; русские и иноязычные слова: сайт «ГДЕ: обзор культурных событий Москвы» — <http://www.gdemoscw.ru>;

– домен создан путем усечения ключевых слов, входящих в название сайта: «Российский архитектурный портал» — <http://www.archi.ru>;

– аббревиация — доменное имя создается из первых букв названия компании или сайта: “Absolute games” (крупнейший в России игровой портал) — <http://www.ag.ru>;

– дезаббревиация — название сайта представляет собой аббревиатуру, расшифровка которой происходит в доменном имени: сайт «КГ» — <http://www.kino-govno.com>;

– использование латинских букв, совпадающих по начертанию с русскими. Совпадение может быть полным (<http://старосту.net>; <http://www.xumuk.ru>) или частичным (<http://суклик.net>; ср.: суслик);

– обыгрывание омонимии завершающей части доменного имени (так называемого домена верхнего уровня, имя которого пишется после точки). Наиболее популярными оказались домены “tv” и “fm”, используемые для сайтов, связанных телевидением (<http://www.corbina.tv>; <http://www.ru.tv>) и радио (<http://www.moskva.fm>; <http://deti.fm>). Сравнительно немного сайтов, тематически обыгрывающих домены верхнего уровня “ru” и “cd”. Омонимическая соотнесенность этих доменов может указывать на эротическую тематику (<http://oblaka.nu>) или на cd-продукцию (<http://yees.cd>), соответственно. По такому же принципу в Рунете идет игра с доменами зон “ru”, “su” и “com” (<http://volonte.ru> — волонтеру, <http://tova.ru> — товару; <http://beloru.su> — белорусу; <http://pesh.com> — пешком; <http://umni.com> — умником);

– замещение слова или части слова буквой или цифрой. Подобная игра пришла в практику создания доменных имен из американской культуры, где данное явление широко распространено (неформальная электронная переписка, реклама и т. д.) [Гусейнов, 2000]. Надо отметить, что в современной русскоязычной коммуникации также есть случаи идеографического использования букв и цифр: этот принцип используется в рекламе, смс-сообщениях, при создании ников и т. д., а также в доменных именах (<http://www.qpknigu.ru>, ср: q — ку, p — пи; <http://live4fun.ru>, ср: 4 — for, аналогично <http://www.zone4iphone.ru/>).

Итак, доменное имя, изначально бывшее не более чем частью технологии, сейчас уже полностью освоено инновационными коммуникативными практиками. В современном Рунете доменное имя тяготеет к вербализации и в большинстве случаев связано с названием и/или тематической направленностью сайта, что позволяет рассматривать

его как специфическую форму текстового названия. Помимо этого, интернет-коммуникация, естественно, сохраняет и традиционный заголовочный комплекс с присущими ему функциями. Именно заголовков сайта, блога, игры становится смысловой «рамкой» проекта и во многом способствует его успешности. Не следует забывать, что посещаемость сайта, вне зависимости от его масштаба, функциональной и тематической направленности, является основным параметром интернет-коммуникации, и это актуализирует роль текстовых названий, о которой писал Р. Барт. Ученый считал, что поскольку общество должно в силу коммерческих причин приравнять текст к товарному изделию, для всякого текста возникает потребность в маркировке. И заглавие призвано маркировать начало текста, тем самым представляя его в виде товара [Барт, 1992: 256]. Электронные заглавия полностью сохранили данную функцию. Заголовочный комплекс сайта является основным средством его опознаваемости в Интернете. Исследование принципов создания сетевых заголовков способно дать богатый материал для выявления «жанровых» особенностей различных сетевых платформ и их разновидностей. Так, например, в играх, принесенных в Рунет с Запада, заголовки не подвергаются переводу на русский язык. С одной стороны, для разработчиков название игры уже стало закрепленным товарным знаком продукта, с другой — для пользователей подобных онлайн-игр название понятно и перевода не требует. Иногда происходит «одомашнивание» названия англоязычной игры, как случилось, например, с игрой Lineage (пер. ‘родословная, клан’), которая в результате омофонического сближения стала «Линейкой». В большинстве случаев способом адаптации названия будет русская транслитерация (WarCraft — Варкрафт, Diablo — Диябло и т. д.). Следует отметить, что в русскоязычной игровой среде довольно быстро появляются аналоги зарубежных игр с русифицированными сюжетами, на что указывают их названия: «Богатыри», «Три богатыря», «Кзаки» и т. д.

Обширное поле для исследования представляют собой заголовки сайтов, созданных на основе различных платформ интернет-коммуникации. Безусловно, своей спецификой обладают заголовки так называемых постов (законченных мини-сообщений в пределах персональной страницы) в блогах и социальных сетях. Кроме этого в этих средах могут фигурировать названия групп, страниц по интересам, альбомов и т. д.

Выделяемые типы интернет-заголовков определенным образом соотносятся с традициями печатной коммуникации, прежде всего с заголовками художественных произведений и СМИ. Так, в названиях новостных сообщений в Рунете последовательно используются приемы языковой игры на основе полисемантических контекстов,

что характерно для современных СМИ. Многие особенности заголовков/названий печатной продукции, описанные в работах [Лайне, 1996; Фатеева, 2001] и др., также переносятся в сетевую коммуникацию. Но текстовые названия Рунета обладают и рядом специфических особенностей. Например, здесь достаточно широко распространены локализирующие заголовки, уподобляющие текстовое пространство сайта пространству физическому. Данный тип заголовка встречается в самых разных интернет-«жанрах»: в блогах («Хроники необитаемого города»; «Живые улицы»; «Вторая улица»), на учебно-дидактических сайтах («Страна мастеров» — сайт о ремеслах и рукоделии), на коммерческих («Вселенная красоты», «Город красоты» — сайты косметических фирм) и тематических сайтах («Адениум дома» — сайт цветоводства, «Вселенная женщины», «Вселенная радости» — астрология и самопознание), на форумах (форум «Вселенная») и в социальных сетях («Страна мам»). Возможно, популярность заголовков-местоположений обусловлено спецификой концептуализации Интернета как некоего пространства (двухмерного или трехмерного), что отражено в таких номинациях, как *зайти на сайт*, *бродить по Интернету*, *висеть в Интернете* (о пользователе или об информации), *шаг* и под. Не менее популярными являются заголовки, указывающие на конкретный жанр устной или письменной коммуникации (как печатной, так и электронной). Они встречаются в личных («Машенькин дневник», «Сказки от Метели», «Живые записки Антона Носика») и специализированных («Заметки о псориазе») блогах, в чатах («Беседа»), форумах («Разговоры о любви»; «Заметки розничника»), на тематических сайтах («Православная беседа», «Заметки по еврейской истории»).

Обсуждая проблему текстовых названий в интернет-коммуникации, нельзя не коснуться такой реалии, как меню. Меню — важнейшее средство структурирования информации и организации доступа к ней — представляет собой перечень интерактивных источников ссылок, ведущих к основным композиционным блокам сайта. Формулировка позиции меню может не совпадать с заголовком вызываемого текста, тем не менее между этими двумя элементами наличествует семантическое взаимодействие. Это обуславливает необходимость рассматривать позиции меню как часть заголовочного комплекса электронного текста. Непосредственный прототип меню в доэлектронной коммуникации — книжное оглавление. Необходимо отметить, что некоторые исследователи традиционных печатных текстов также рассматривают оглавление и названия композиционных частей текста в едином функционально-прагматическом контексте. Так, например, Н.А. Веселова включает книжное оглавление в состав

заголовочного комплекса как основной навигационный компонент, в котором «маркированы относительно законченные фрагменты текста и зафиксирована их последовательность» [Веселова, 2005]. При этом автор указывает на дополнительную функцию книжного оглавления — смыслообразующую, которая, в отличие от навигационной, не является обязательной. «Данная функция появилась у оглавления в процессе становления литературы нового времени, когда все больше прежде нейтральных элементов формы стали участвовать в смыслообразовании. Фиксируя последовательность заглавий оглавление выступает ключом к пониманию текста: представляет в снятом виде его внутренние смысловые доминанты, выявляя тем самым логику построения. Логика может быть основана на разных принципах: алфавитном, номинативном, антологическом, календарном» [Веселова, 2005: 175].

В современных интернет-ресурсах представлены два типа меню: основное меню сайта и меню отдельных блоков: книг, выпусков журналов, каталогов и т. д. Второй тип меню наиболее близок своему традиционному «бумажному» аналогу — оглавлению и с наибольшей полнотой отражает информацию, представленную в тексте. Композиция основного меню ресурса, напротив, является достаточно условной и в меньшей степени соответствует формальной и содержательной структуре сайта. Поскольку организация нелинейного гипертекста хуже поддается структуризации и представлению в виде меню-оглавления, наметилась тенденция к обозначению в меню лишь самых общих разделов; «это приводит к тому, что разножанровые гипертексты имеют схожие основные меню с достаточно стандартным перечнем позиций: о проекте, об авторах, партнеры, форум, «пишите нам», библиотека, ссылки на схожие ресурсы и т. д.» [Дедова, 2008: 218]. Помимо этого явления, в ряде случаев негативно воздействующего на процесс навигации, можно наблюдать и обратную тенденцию. Меню как система заглавий не только в концентрированной форме представляет весь сайт, но отражает его стилистику в целом, передавая при этом определенную модальность и эмоциональные оттенки. Например, при исследовании русскоязычных сайтов музыкальных школ нами была отмечена высокая частотность формулировок меню, маркированных стилистически и характеризующихся специфической образностью, что должно акцентировать значимость музыки и музыкального образования (например, «Миссия школы», «Страна воспоминаний», «Музыкальная гостиная», «Первые шаги в волшебную страну»).

Итак, заголовочный комплекс — важнейший аспект сетевой коммуникации, поскольку его элементы лежат в основе гипертекстовой

навигации. Особенности сетевых текстовых названий определяются двумя основными факторами. Во-первых, в Интернете появляются инновационные формы текстовых названий (наиболее значимые и распространенные — доменное имя и название файла); данные реалии активно осваиваются коммуникацией и перестают быть лишь техническими элементами текста. Во-вторых, в Интернете возрастает роль собственно текстовых названий, соотносимых с традициями печатной литературы. Это обусловлено фрагментарностью и дисперсностью нелинейного гипертекста, структурирующего информацию в виде сравнительно небольших по объему законченных топиков. Мини-тексты, обладающие семантической, структурно-композиционной и зрительной автономностью, с неизбежностью становятся озаглавленными, что маркирует их обособленность в общей композиционной организации сайта. Помимо выполнения навигационной функции, элементы сетевого заголовочного комплекса (прежде всего позиции меню и другие источники ссылок) также призваны привлекать внимание читателя и подталкивать его к осуществлению соответствующего гипертекстового перехода (так называемая аттрактивная функция). Таким образом, электронный заголовочный комплекс — достаточно интересная и специфическая сторона письменной интернет-коммуникации, чье изучение связано с задачей типологического описания сетевых текстов.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1992.
- Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003.
- Веселова, Н.А.* Заглавие литературно-художественного текста (Антология и поэтика): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Дедова О.В.* Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М., 2008.
- Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Лайне С.В.* Заголовок как вид литературы. М., 1996.
- Новикова М.Ю.* Заголовок — метафора и художественный текст // Русская речь. 1986. № 6.
- Фатеева Н.А.* Заглавие и текст в русской поэзии конца XX века: параллельная динамика // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001.

Сведения об авторах: *Дедова Ольга Викторовна*, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ov_dedova@mail.cnt.ru; *Куприенко Марина Сергеевна*, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ghjk1984@mail.ru

А.И. Любжин

**«РУССКИЙ ГОМЕР».
ОПЫТ О ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ¹**

1815 год рассматривается как современниками (такими, как М.А. Дмитриев), так и исследователями (И.Н. Розанов, посвятивший специальную работу литературной репутации) как роковой для славы Хераскова. Статьи А.Ф. Мерзлякова и П.М. Строева, опубликованные в этом году, произвели на публику большое впечатление; по мнению наблюдателей, они подорвали уважение к «Россиаде», господствовавшее среди русских читателей. Более внимательное рассмотрение показывает, что это не совсем так: очень маловероятно, чтобы статья никому не известного юноши могла иметь такой эффект; что касается работы Мерзлякова, то он, разумеется, пользовался большей известностью, и его авторитет среди литературной молодежи нельзя отрицать, но не следует и преувеличивать: другие оценки Мерзлякова были благополучно забыты. Предубеждение против Хераскова уже существовало, оно только искало себе авторитетной санкции; эту роль и сыграли данные статьи, независимо от выдвинутых аргументов. Но у Хераскова были и защитники; среди самых знаменитых — адмирал А.С. Шишков.

Имя и дело Хераскова были вовлечены в спор о гекзаметре как подходящем размере для переводов античного эпоса (эту проблематику затрагивал еще Радищев). Гений конвенциональности А.Ф. Воейков упрекает его в слепом подражании. В данном разделе рассматривается также мнение о Хераскове А.С. Пушкина и его старших современников — В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского.

Ключевые слова: литературная репутация, история критики, литературный канон, поэзия XVIII в., классицизм, романтизм.

1815 is considered both by contemporaries (such as M.A. Dmitriev) and researchers (such as I.N. Rosanov who devoted a specialized work of his to literary reputations) as fateful to Heraskov's fame. A.F. Merzlyakov's and P.M. Strov's articles published in that year made a great impression on the readers. According to observers, they undermined respect for "Rossiada" that reigned among Russian readers. A closer consideration shows that it was not quite so: it is highly unlikely that an article by a young man nobody knew anything about could have such an effect. As for Merslyakov's work, it is undoubted he enjoyed greater popularity and his authority among young men of letters cannot be denied, but it should not be overestimated, either. Merzlyakov's other estimates have been safely forgotten. A prejudiced opinion against Heraskov had existed before; it just needed authoritative sanction: and that was the role played by above-mentioned articles irrespective of the arguments put

¹ Продолжение, начало см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 83.

forward. But Heraskov had defenders, too; admiral A.S. Shishkov was one of the most famous of them.

Heraskov's name and his cause were involved in an argument about hexameter as a meter suitable for translation of ancient epic works (these problems were already touched upon by Radishev). A.F. Voyeikov, a genius of conventionality, reproaches him for blind imitation. A.S. Pushkin's and his older contemporaries' – V.A. Zhukovsky's, K.N. Batushkov's, P.A. Viazemsky's – opinions are considered in this section, too.

Key words: literary reputation, history of criticism, literary canon, poetry of XVIII century, classicism, romanticism.

III. Читатели Мерзлякова и Строева. Спор о гекзаметре

Как же была воспринята мерзляковская статья среди литературной молодежи? О впечатлении, произведенном ею, например, на юношей, обучавшихся в Царском Селе, можно судить по статье Вильгельма Карловича Кюхельбекера «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (1817). Он пишет: «Ныне оставлены мнения столь высокопарные, столь вредные успехам искусства. Наши Virgiliии, наши Цицероны, наши Горации исчезли; имена их идут рядом с почтенной древностию только в дурных школьных книгах. Наши литераторы уже принимают сторону здравой критики: г. Мерзляков доказал первый, что Херасков, впрочем, весьма почтенный писатель, очень далек от того, чтобы быть вторым Гомером, и что самая лучшая поэма его далека даже от Вольтеровой “Генриады”»². Но Николай Федорович Грамматин (1786–1827), выпускник столь многим обязанного Хераскову университетского Благородного пансиона в Москве, старше чуть больше чем на десять лет царскосельского поколения и на пять лет моложе соученика по Пансиону Андрея Ивановича Тургенева, в цикле «Надписи къ портретамъ русскихъ писателей»³ возобновляет строй мысли известной надписи И.И. Дмитриева:

Пусть стрѣлы критики въ Хераскова летятъ;
Его егидомъ осѣнять
Монархи Рускихъ странъ,
Владимірь, Іоаннь.

² Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 434.

³ Стихотворения Николая Грамматина. Часть первая. Санктпетербургъ, печатано въ Типографіи Императорской Россійской Академіи, 1829 года. С. 32. Ссылка на Украинскій вѣстникъ. 1818. № 7. С. 103, приведенная в издании: Поэты 1790–1810-х годов. Вступительная статья и составление Ю.М. Лотмана. Подготовка текста М.Г. Альтшуллера. Вступительные заметки, биографические справки и примечания М.Г. Альтшуллера и Ю.М. Лотмана. Л., 1971. С. 838, является ложной: с. 103–104 июльского номера журнала (часть XI) содержит только три стихотворения — надписи к портретам Бояна, Михайла Никитича Муравьева и Семена ... Климовскаго (Донскаго Козака), а не 16, как цикл в сборнике, и в том числе — отсутствующую в сборнике (надпись к портрету Муравьева; данный раздел примечаний принадлежит Ю.М. Лотману).

Позднее Николай Полевой, видный прогрессивный публицист, отмечал: «Критика Мерзлякова на Россіяду Хераскова, критика Каченовскаго на сочиненія Дмитріева, критика Греча на Грамматику Академіи, критика Воейкова на трагедіи Грузинцова, критика Булгарина на Образцовыя сочиненія и на Исторію Г.Р. Карамзина, будутъ достойны всегдашняго вниманія, какъ памятники ума и — отваги, которую оцѣнить безпристрастный наблюдатель»⁴. Об отрицательной реакции общества на статью Мерзлякова «Московский телеграф» упоминает в некрологе последнего:

«Юля 26 ч. скончался здѣсь добрый, почтенный *Алексѣй Федоровичъ Мерзляковъ*, а 29 Юля предали общей матери тѣло его. <...> Память Мерзлякова навсегда останется для насъ незабвенна; мы учились у него; стихи его восхищали наше дѣтство и юность! <...> Въ Исторіи нашей Литтературы онъ заслужилъ почетное мѣсто. <...> съ 1807 г. оставался онъ постоянно Профессоромъ Поэзіи и Краснорѣчія, въ теченіе 23-хъ лѣтъ. Мерзляковъ былъ поэтъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ: его нѣкоторыя оды, пѣсни, стихотворенія, и теперь еще прекрасны, хотя образованіемъ и направленіемъ ученія и поэзіи своей, Мерзляковъ принадлежалъ къ періоду Карамзина, уже прошедшему для насъ, а по теоріи къ періоду Баттѣ, Лагарпа и Эшенбурга. <...> Въ свое время Мерзляковъ оказывалъ большую дѣятельность: читалъ курсы Словесности, издавалъ Журналъ, переводилъ Освобожденный Іерусалимъ, Одиссею, Греческихъ трагиковъ, Горація, Виргилія, Де-зулььеръ; тогда такъ дѣлалы, и труды Мерзлякова были весьма важны. Время переходчиво: я еще помню, какъ испугались, когда Мерзляковъ осмѣлился кое-что замѣтить у Озерова, сказать, что Державинъ не пара Ломоносову, и что Россіяда Хераскова — плоха!»⁵

Впрочем, один из царскосельцев — Александр Сергеевич Пушкин — отнесся с иронией и к поэту, и к его критику: «Право, с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой Россиады, даже с присовокупленьем к тому и премудрой критики Мерзлякова, с тем только, чтобы граф Разумовский сократил

⁴ Очерки Русской литературы. Сочиненіе Николая Полеваго. Часть первая. СПб., 1839. С. XIV.

⁵ Вѣсти изъ Москвы. (Отрывокъ изъ письма къ Д. И. Е.) № 13. Июль. — Московский Телеграф. Ч. XXXIV. 1830. С. 136–137. В современной росписи (Попкова Н.А. Московский Телеграф, издаваемый Николаем Полевым. Указатель содержания. Вып. 2. 1829–1834. Саратов, 1990. С. 67) некролог приписывается самому Николаю Полевому на основании (а) факта, что автор был учеником покойного: Полевой, хоть и не был студентом университета, но посещал некоторые лекции, в том числе и Мерзлякова; (б) серия отрывков из писем к Д.И.Е. печатается из номера в номер и местами носит программный характер (в частности, появляется и редакционная антикритика на те выступления в других журналах, где придираются к тем или иным фрагментам «Отрывков из писем к Д. И. Е.»). Полагаем, что эта аргументация, хотя и весьма правдоподобная, не является обязательной; потому ограничимся тем, что текст в любом случае отражает позицию Н.А. Полеваго.

время моего заточенья»⁶. Позднее поэт сформулировал тогдашнее впечатление уже как закономерность: «У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? именно критики у нас и недостает. Отселе репутации Ломоносова и Хераскова, и если последний упал в общем мнении, то верно уж не от критики Мерзлякова»⁷. Заметим в скобках, что, хотя нам придется солидаризироваться с этим мнением, мы возводим его не к общепризнанной проницательности Пушкина, а к его личной неприязни к почтенному профессору риторики: поэту было бы психологически трудно признать его заслуги, и то, что их отрицание дает фактически верную картину, ускользнувшую от внимания современников и исследователей, может быть результатом чистой случайности. Поэтому сослаться на него как на авторитетную поддержку нашей точки зрения мы не можем.

На обе статьи обратили внимание и представители старшего поколения — например, адмирал Александр Семенович Шишков, знаменитый ревнитель старого слога, писал:

«На этихъ дняхъ попался мнѣ журналъ, въ которомъ какой-то студентъ судить и бранить безъ милости Хераскова. Вотъ нравы, которымъ научають юношей! Въмѣсто чтобъ скромными сочиненіями стараться напередъ снискать себѣ имя, онъ съ такою же дерзостію, съ какимъ и невѣжествомъ, ругаетъ мертваго старика, со всѣхъ сторонъ почтеннаго! хочеть показать свой умъ и свои знанія, но вмѣсто сего показываетъ свою глупость, невѣжество и худой нравъ. Признаюсь, что я не могу ничего подобнаго прочитатъ, безъ крайняго сожалѣнія о худомъ воспитаніи молодыхъ нынѣшнихъ людей. Кажется какъ будто всѣ училища превратились въ школы развратовъ, и кто оттуда ни выдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути, и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоумію»⁸.

С опозданием⁹, но откликнулся он и на публикацию Мерзлякова — в конце 1817 г. в 46-й книжке (ч. XXIII) «Духа журналов»

⁶ Письмо к П.А. Вяземскому от 27 марта 1816 г. // ПСС. Т. 8. М., 1954. С. 6.

⁷ Письмо к А.А. Бестужеву, конец мая — начало июня 1825 г. Из Михайловского в Петербург // ПСС: В 10 т. Л., 1977–1979. Т. 10: Письма. 1979. С. 114–116.

⁸ Записки, мнѣнія и переписка адмирала А.С. Шишкова. Изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. II. Berlin, 1870. С. 328. СПб. Июня 18 дня 1815 г. Якову Іевлевичу Бардовскому. Автор статьи не назван — но к Мерзлякову титул недоучившегося студента никак не шел, и потому речь, безусловно, идет о Строеве. Об этом прямо пишет Виссарион Григорьевич Белинский (см. ниже). К такому же выводу приходит Владимир Яковлевич Стоюнин в биографии Шишкова: «Въ этомъ году мнѣ извѣстны двѣ критики сочиненій Хераскова: одна Строева <...> другая — Мерзлякова. Надо полагать, что Шишковъ разумѣлъ первую, какъ наиболѣе рѣзкую». — Историческія сочиненія В. Стоюнина. Ч. I. Александръ Семеновичъ Шишковъ. СПб.: Типографія А.С. Суворина. 1880. Прим. на с. 272.

⁹ Вызвано это опоздание было, по-видимому, тем, что непосредственным поводом послужила заметка в *Conservateur Impartial*, № 77 за 1817 г.; суждения разме-

появилась без подписи его статья «О переводѣ Классическихъ Стихотворцевъ» (с пометой «Прислано») ¹⁰. Дав весьма дельный и резкий разбор мерзляковского перевода «Освобожденного Иерусалима», он заключает: «Мы не отнимаемъ достоинствъ у переводчика, одареннаго дѣйствительно прекрасными въ стихотвореніи талантами; но въ семь переводѣ признавать ихъ не можемъ. <...> Послѣ сего трудно повѣрить, чтобъ тотъ, кто въ переводѣ своемъ показалъ себя толь мало чувствующимъ красоты подлинника, могъ критически разобратъ и справедливо оцѣнить намъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ, каковы были Ломоносовъ, Сумароковъ и Херасковъ. Безъ сомнѣнія въ нихъ есть недостатки, какъ и во всѣхъ: но есть и достоинства, какія не во всякомъ другомъ бываютъ» (Духъ журналовъ, с. 257–258; ниже — с. 265 — собственная оценка: «Никто Хераскова не называлъ вторымъ Гомеромъ, однакожъ онъ между писателями поэмъ конечно имѣетъ вторую степень, и никто у него этого не отниметъ»). Есть в его статье и полемические выпады против вышеупомянутой работы В.К. Кюхельбекера.

Поэзию Хераскова задевает — пока только косвенно — дискуссия, развернувшаяся вокруг применения гекзаметра в переводах из древних поэтов. Начало ее приходится на 1811 г., интенсивное развитие — на 1813 г. ¹¹; имя Хераскова, однако же, появляется позднее. Сергей Семенович Уваров в ответе Василию Васильевичу Капнисту на письмо его об экзаметрах (Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. Ч. XVII. СПб., 1815) вслед Радищеву сожалеет о том, что русские поэты — и Херасков в частности — выбирали александрийский стих для эпических опытов ¹²; несколько позднее гений конвенциональности — Александр Федорович Воейков — в послании к тому же Уварову писал ¹³:

ценной там статьи Кюхельбекера “*Coup d’œil sur l’état actuel de la littérature russe*” критикуются подробнее, нежели собственно соображения Мерзлякова.

¹⁰ Цензурное разрешение от 12 ноября 1817 г. Статья занимает весь номер журнала (с. 229–272). Перепечатка: Собрание сочинений и переводовъ. Адмирала Шишкова Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена. Ч. IV. СПб. Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи. 1825. С. 356–394.

¹¹ Подробно см.: *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М., 2001. Гл. VI. С. 157 слл.

¹² Арзамас: В II кн. М., 1994. Ч. II: Из литературного наследия Арзамаса. С. 91.

¹³ Послание къ С.С. Уварову // Вѣстникъ Европы, составляемый Михаиломъ Каченовскимъ. Ч. CIV. М. Въ Университетской Типографіи, 1819. № 5. С. 19. Естественно, прижизненная оценка совершенно другая: ср. сатиру 1806 г. *О истинномъ благородствѣ*: «Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани, / Россіи торжество, паденіе Казани» (цит. по: Собрание Рускихъ стихотвореній, взятыхъ изъ Сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Рускихъ журналовъ, изданное Василиемъ Жуковскимъ. Москва, въ Университетской типографіи. Часть четвертая. 1811. С. 176).

Тщетно полезный мужъ Тредьяковскій желалъ въ Телемахѣ
Истинный путь проложить Россійской эпической Музѣ:
Многоученый, онъ не имѣлъ дарованій и вкуса,
Нужныхъ вводителю новой системы и новыхъ законовъ.
И Ломоносова геній, увѣнчанный лавромъ побѣды,
Ямбъ освятилъ и заставилъ признать эпическимъ метромъ.
И Херасковъ повлекся за нимъ — слѣпой подражатель.
И отважный Петровъ не посмѣлъ изобрѣсть въ Енеидѣ
Новаго больше поемъ приличнаго стопосложенья!

Защита Хераскова оказалась связана в этом контексте с защитой старых принципов перевода. В качестве примера приведем статью Василия Ивановича Соца «Нѣчто противъ статьи, подъ названіемъ: Взглядъ на нынѣшнее состояніе Русской словесности»¹⁴, где главный удар по Кюхельбекеру наносится на гомеровском поле:

«Удивительно, что наши Петербургскіе журналисты (не говорю о всѣхъ), наполняя изданія свои всякаго рода статьями, даже разговорами о мясѣ, коврижкахъ, пряникахъ и тому подобномъ... не вздумали сказать слова два о напечатанной въ 77 № *Conservateur Impartial* статьѣ, довольно любопытной для охотниковъ до новизны. Стоить ли того, чтобъ возражать противъ сего забавнаго ораторства: *наши Виргиліи, Цицероны, Гораціи исчезли; имена ихъ идутъ рядомъ съ почтенною древностію только въ дурныхъ школьныхъ книгахъ?* Періодъ сей столько же несправедливъ, сколько фальшиво все зеркало, показывающее иностранцамъ состояніе нашей словесности. Не уже ли имена Ломоносова, Хераскова, Петрова, Богдановича, Николева, Фонъ-Визина, Болтина, Емина и наконецъ Державина обречены на вѣчный покой въ дурныхъ школьныхъ книгахъ? Лира Дмитриева издавала пріятнѣйшіе звуки прежде 19 столѣтія. <...> Такъ проповѣдывать свойственно тому, кто не принималъ на себя труда короче познакомиться съ произведеніями нашихъ поэтовъ, напечатанными прежде 31 Декабря 1801 года. До появленія въ свѣтъ Лагарпова Лицея (по которому вѣроятно авторъ судилъ о нашей словесности) Русской языкъ былъ уже обогащенъ многими превосходными твореніями извѣстныхъ нашихъ лириковъ, баснописцевъ и драматическихъ стихотворцевъ. Притомъ и прежде 1801 года стихосложеніе наше не состояло подъ деспотизмомъ ямбовъ: сіе видно изъ того, что всѣ лучшіе Русскіе стихотворцы, не говоря уже о Сумароковѣ, дѣлали опыты почти во всѣхъ метрахъ. Тѣ, къ коимъ Музы были благосклоннѣе, плѣняли читателя и екзаметромъ, и пентаметромъ, и Алкеевымъ и Сафическимъ размѣромъ¹⁵. Утверждаютъ, что экза-

¹⁴ Вѣстникъ Европы. Ч. ХСVI. № 21. Ноябрь 1817. С. 193–197, 200–201, за подписью «В. С...ъ. С. Петербургъ». Андрей Николаевич Егунов в работе о Гомере упоминает ее неодобрительно (там же. С. 164–165).

¹⁵ Николай Львовъ въ Ботаническомъ путешествіи на Дудоровскую гору показалъ, что Русскіе стихи, написанные даже на *Чухонской ладѣ*, могутъ нравиться,

метръ весьма способствуетъ къ выраженію звукоподражательной поэзіи. Согласенъ, ибо въ послѣднемъ примѣрѣ:

И Божія стрѣлы ходили
Съ края на край по широкому стану

слышишь какой-то конской топотъ! стрѣлы ходуномъ такъ и ходятъ! Но кто не отдастъ справедливости Кострову за сей истинно счастливый стихъ:

Летать, и съ ними смерть во всѣ шатры летить.

Авторъ статьи увѣряетъ, что переводъ *G-a* будетъ торжествомъ хорошаго вкуса надъ предубѣжденіями. Желательно, чтобъ сіе такъ случилось. Но почто пророчествовать преждевременно? Что будетъ, то будетъ. Дай Богъ, чтобъ *Иліада* его подлинно учинилась достойною эпохою въ нашей словесности и заставила бы забыть о томъ, что *Телемахиды Тредьяковскаго* осуждена составлять эпоху недостойную».

Михаил Александрович Дмитриев так описываетъ ситуацию 1815 года:

«Первый открылъ пальбу на Хераскова — Строевъ въ своемъ журналѣ: Современный наблюдатель (1815). Большая часть пишущей молодежи давно уже не читала Хераскова; старый слогъ и длинная поэма у насъ рѣдко находятъ читателей. Имъ понравилась рѣзкость молодого критика. Кромѣ того у насъ всякій радъ повѣрить смѣлой выходкѣ въ литературѣ. Извѣстно общее изреченіе: “Каково онъ его отдѣлалъ!” Собственный судъ требуетъ повѣрки; повѣрка требуетъ труда; а до трудовъ у насъ мало охотниковъ, кромѣ специалистовъ, кромѣ людей, посвятившихъ уже себя или наукѣ, или литературѣ. Тогда и тѣхъ было мало!

Правда, въ то же время (1815) Мерзляковъ въ своемъ Амфіонѣ напечаталъ дѣльный разборъ Россіады. Его разборъ былъ вѣренъ и справедливъ. Онъ показалъ недостатки поэмы, но сохранилъ уваженіе къ поэту и нисколько не унижалъ его произведенія. Мѣрою сужденій Мерзлякова былъ сколько природный вкусъ критика, столько и система тогдашней піитики и строгихъ правилъ классицизма, которыхъ онъ держался. Умѣренный тонъ Мерзлякова и дѣльность его замѣчаній были приняты литераторами съ уваженіемъ, и какъ противодѣйствіе выходкамъ Строева; но другіе и въ этихъ замѣчаніяхъ ученаго увидѣли только критику на Хераскова, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно критика принимается толпою, т. е. порицаніемъ Хераскова. И эта смѣлость разбирать достоинства признанной знаменитости, под-

если только поеть имѣть дарованіе. <...> Съ перваго взгляду примѣтно, что мы ничего не выигрываемъ отъ приведенныхъ въ примѣрѣ экзаметровъ, не смотря на то, что Костровъ стѣсняемъ былъ рифмами, и переводилъ въ такое время, когда въ стихахъ терпимы еще были выраженія, нынѣ воспрещаемыя (особенно окончаніе неопредѣленныхъ наклоненій на *ти*). — Прим. В.И. Соца.

стрекнула даже и тѣхъ, которые безъ примѣра Мерзлякова не смѣли бы поднять руки на уважаемого дотолѣ поэта и посягнуть на его память»¹⁶.

Такова же ретроспективная оценка Ивана Никаноровича Розанова в его позднейшей книге о литературной репутации; в силу ее важности мы приведем ее целиком, не повторяя потом фактов, данных в его изложении в обратной перспективе:

«Как пример “классика”, который долгое время величался титулом “бессмертный”, а потом был “разъяснен” критикой и потерял всякий ореол, можно привести Хераскова. Если профессор Московского университета Давыдов в своих “Чтениях о словесности”, вышедших в год смерти Пушкина, делает подробный и придирчивый разбор “Россиады” Хераскова, то это звучит уже шаблоном. И Белинский в своем отрицательном отношении к Хераскову шел по проторенной дороге. Раньше его Надеждин восклицал: “Кто в “Россиаде” или во “Владимире” Хераскова видит теперь нечто большее, чем достопочтенные памятники неусыпного трудолюбия, которое никогда не может заменить скудость гения?”¹⁷. Но и Надеждин не обнаружил тут никакой дерзости в области разрушения авторитетов. Уже в учебнике Греча 1822 г. (“Опыт краткой истории русской литературы”¹⁸) мы читаем про Хераскова, что он «принадлежит къ числу самыхъ плодovitыхъ писателей, но неумолимое потомство, отдавая справедливость его трудолюбію, познаніямъ, вкусу, не рѣшается дать ему опредѣленно имя Поэта”. Составители учебников и хрестоматий всегда идут “по стопам”, сам по себе Греч никогда не решился бы низвергать авторитеты. Первым открыл “пальбу по Хераскову” малоизвестный критик П. Строев. В малоизвестном журнале “Современный наблюдатель” в то же время осмелился указать крупные недостатки у Хераскова авторитетный тогда литературный судья, профессор Мерзляков. Это было в 1815 г., через восемь лет после смерти творца “Россиады”, через 36 лет после появления поэмы, которая вызвала среди современников “безотчетное удивление и похвалы восторга”. И критики, и поэты единогласно пророчили автору поэмы бессмертие. Это бессмертие продолжалось для Хераскова восемь лет»¹⁹.

¹⁶ Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854. С. 17–18.

¹⁷ О происхождении поэзии, называемой романтической. — *Надеждин Н.И.* Соч.: В 2 т. / Под общ. ред. З.А. Каменского. СПб., 2000. Т. 1: Эстетика. С. 254.

¹⁸ СПб., 1822. С. 186. — *А.Л.*

¹⁹ *Розанов И.Н.* Канонизация классиков. — Литературные репутации. М., Сов. писатель, 1990. С. 94. В тексте допущена грубая ошибка: журнал «Современный наблюдатель» издавался Павлом Михайловичем Строевым, статья же Мерзлякова была опубликована в его журнале «Амфион». Эта ошибка встречается и в первом издании «Литературных репутаций» (М., Кооперативное изд-во писателей «Никитинские субботники», 1928, с. 122). Несмотря на то что мы не можем быть признательны И.Н. Розанову за отсутствие ссылок in opere citato, его общепризнанная

Квалифицированный исследователь советской эпохи поддерживает эту позицию:

«Удар по “Россиаде” как образцовой русской эпопее был нанесен только в годы боевых выступлений русских романтиков. Это были упоминавшиеся уже статьи Мерзлякова и Строева (1815). Если первый, применяя к “Россиаде” мерку классической эпопеи, находит у Хераскова и сильные, и слабые стороны, то второй, исходя из новых эстетических требований, признает поэму в целом “недостойной тех громких похвал, коими ее до сих пор осыпали”²⁰. Действие этих критических выступлений сказалось очень быстро. Показателен следующий факт. За три года до появления статей Мерзлякова и Строева П. Победоносцев в “Обществе любителей российской словесности” произнес речь на тему о заслугах Хераскова в отечественной словесности с подробным разбором “Россиады”, которую автор назвал “важнейшим, превосходнейшим” из творений “Российского Гомера”²¹. Переиздавая в 1819 году свою речь, Победоносцев опускает эпитет “превосходнейшим” и снимает некоторые другие оценочные выражения первой редакции²²»²³.

Отметим отношение к Хераскову крупнейших фигур переходной эпохи — Константина Николаевича Батюшкова, кн. Петра Андреевича Вяземского, Василия Андреевича Жуковского. Первый сочиняет или, по крайней мере, планирует написать стихотворение на его смерть²⁴, в «Видении на берегах Леты» (1809 г., после смерти Хераскова, но до массивного похода на него русской критики) помещает Хераскова среди крупнейших поэтов прошлого, ждущих в потустороннем мире

эрудиция не позволять возлагать ответственность за ошибку на него. По-видимому, речь идет о недостатке корректуры (слегка изменив пунктуацию, можно получить вариант, который будет соответствовать действительности). Нам еще придется дважды обращаться к И.Н. Розанову — один раз в связи с его воззрениями на предмет литературной репутации в целом, другой — в связи с Валерием Яковлевичем Брюсовым. Пока же приведем интегральное суждение Розанова о Хераскове: «Но в XIX в. <...> прославляли его больше по инерции, больше уважали, чем любили; передь его произведениями болѣе благоговѣнно изумлялись, чѣм читали ихъ. <...> Херасковъ почетное лицо въ исторіи русской литературы, но это совсѣмъ не поэтъ “Божіею милостію”. Къ нему скорѣе подходит титулъ философа и мудреца» (Русская лирика. Отъ поэзіи безличной — къ исповѣди сердца. Историко-литературные очерки. М., 1914. С. 33–34).

²⁰ *Строевъ М.П.* О Россіадѣ, поэмѣ г. Хераскова (Письмо къ дѣвицѣ Д.) // Современный наблюдатель российской словесности. 1815. Ч. 1. С. 82. (Здесь, как и в дальнейшем в цитате, прим. А.Н. Соколова — *А. Л.*)

²¹ Труды Общества любителей российской словесности. Ч. 1. М., 1812. С. 120.

²² Новый Пантеонъ отечественной и иностранной словесности. М., 1819. Ч. 1. С. 117–147.

²³ *Соколов А.Н.* Указ. соч. С. 128–129.

²⁴ Расписание моим сочинениям // Сочинения. Т. II. М., 1989. С. 28. «Разныя замѣчанія» писались в 1810–1811 гг. (Там же. С. 593–594).

своих собратьев по ремеслу; приложение «честь и слава Россовъ», рифмующееся с Ломоносовым, конфисковано у последнего в пользу Хераскова; таким образом, сатирическая поэма свидетельствует о том, что автор «Россиады» к тому моменту не утратил в глазах Батюшкова своего очарования. В официальном выступлении, единственный раз, когда Батюшков дает отзыв о Хераскове, этот отзыв выдержан в духе прежней эпохи: «творецъ “Россиады” посѣщаль сіи мирныя убѣжища, онъ покровительствоваль сему разсаднику наукъ; онъ первый ободряль возникающій талантъ и славу писателя соединиль съ другою славою <...> со славою покровителя наукъ»²⁵; это сделано уже после критической стрельбы Мерзлякова и Строева. Но примерно тогда же, летом 1817 года, он дает «Россиаде» убийственную характеристику: «Я не знаю скучнѣе и холоднѣе поэмы. Она вяла, утомительна, въ слогѣ видѣнь и недостатокъ мыслей, чувствъ, и вездѣ какая-то дрожь. А планъ... стыдно и говорить о немъ!»²⁶. Письмо Гнедичу с резким и ироничным отзывом («Покойникъ Херасковъ, сей водяной Гомеръ, любилъ давать совѣты молодымъ стихотворцамъ и, прощаясь съ ними, всегда говорилъ, приподнявъ колпакъ: “Чистите, ради Бога, чистите, чистите! Въ этомъ вся и сила. Чистите! О, чистите, какъ можно болѣе чистите, сударь! Чистите, чистите, чистите!”»), датировано 7-м ноября 1811 г. (деревня)²⁷. С одной стороны, две линии существуют параллельно (одна в официальной сфере, другая в «домашней»), но видно, хотя и с оговорками, как одна конвенциональность сменяет другую. В поэзии и критике П.А. Вяземского можно обнаружить ту же закономерность — в относительно ранней статье (1823) о поэзии И.И. Дмитриева он ставит Хераскова высоко: «Знаменитый творецъ Россіады, патріархъ Московской словесности, доживаль тогда, посреди друзей и почитателей, славу долголѣтнюю и безмятежную. Успѣхи цвѣтушіе и успѣхи расцвѣтающіе искали въ его благосклонномъ добродушіи и одобренія и поощренія»²⁸. А знаменитое подражание Буало, где Херасков, противопоставленный Державину, играет роль несчастного Quinault, относится к лету 1819 г. Позднейшие реплики, и в критических статьях, и в дневниковых записях, недоброжелательны; в качестве примера приведем знаменитую реплику из предисловия 1824 г. к «Бахчисарайскому фонтану»: «...поэзія новѣйшая, такъ-называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія

²⁵ Рѣчь о вліянніи легкой поэзіи на языкъ, читанная при вступленіи въ Общество любителей російской словесности въ Москвѣ 17 іюля 1816 // Батюшковъ К.Н. Сочиненія: В 3 т. Т. II. СПб., 1885. С. 245.

²⁶ Чужое — мое сокровище. Там же. С. 312.

²⁷ Сочиненія: В 3 т. СПб., Т. III. 1886. С. 150.

²⁸ Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ивана Ивановича Дмитріева // ПСС князя П.А. Вяземскаго. Томъ I. 1810 г. — 1827 г. Изд. Графа С.Д.Шереметева. СПб., Типографія М.М. Стасюлевича, 1878. С. 117–118.

Ломоносова и Хераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть народного в *Петриадѣ* и *Россиадѣ*, кромѣ имени?»²⁹. В записных книжках оценки отдельных мест из «Россиады» (преимущественно негативные) встречаются неоднократно; они важны как свидетельство того, что оценка Вяземского создана на основе собственного опыта, а не «с чужого голоса». Василий Андреевич Жуковский, мало писавший критики, выразил свое отношение косвенным образом: в его антологии русской поэзии Хераскова очень мало — намного меньше, чем Ломоносова и Державина³⁰.

Отдельная история — пушкинское отношение к творчеству Хераскова³¹. Соседство в статьях и прозе с нелюбимым Сумароковым (например, в статье конца 1833 года, которая имеет условное заглавие в публикациях с 1933 г. «Путешествие из Москвы в Петербург»), казалось бы, не оставляет сомнений на этот счет. Однако в поздние годы, возможно, намечился перелом: два херасковских эпиграфа в «Капитанской дочке» и появление имени Хераскова в ином, более благоприятном контексте, с признанием его заслуг в усовершенствовании языка (они отмечены в статье 1836 г. «Александр Радищев», где Херасков соседствует не с Сумароковым, а с Ломоносовым, Державиным и Костровым), по-видимому, намечают некоторый — осторожный — пересмотр устоявшейся точки зрения. Впрочем, о Хераскове — в отличие от Державина — окончательного суждения Пушкин не высказал. Не дает материалов и его библиотека — труды Хераскова представлены поздними изданиями без помет³².

²⁹ Там же. С. 169. Подробнее об оценке Вяземского — А.Н. Соколов. Указ. соч. С. 129–130.

³⁰ Из лирики — только «Разлука» (Собрание Руских стихотвореній, взятыхъ изъ Сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Рускихъ журналовъ, изданное Василиемъ Жуковскимъ. Москва, в Университетской типографіи. Часть вторая, 1810). Из «Россиады» Жуковский включает отрывок под заглавием *Изображеніе воинства Иоаннова* (Часть пятая, 1811. С. 89–92). Стихотворение 1799 г. «Его Превосходительству... Михайлу Матвѣвичу Хераскову, на случай получения имъ ордена св. Анны...» (ПСС. в 12 тт. подъ редакціей проф. А.С. Архангельскаго, т. 1, СПб., 1902, с. 5), разумеется, не может служить свидетельством той или иной оценки; интересное как пример белого стиха с мистической окраской, оно совершенно безразлично для нашей темы.

³¹ К сожалению, в известном труде Ю.В. Стенника «Пушкин и русская литература XVIII века» (СПб., 1995) больше внимания уделено авторской оценке Хераскова, нежели анализу пушкинского отношения. Отметим, что Т. Глаголева в весьма интересной статье «Отзывы современниковъ и потомства о литературной дѣятельности Ломоносова» приписывает Пушкину гибель поэтической репутации своего героя: «Пушкинъ произнесъ рѣшительный приговоръ; всѣ дальнѣйшія сужденія находятся въ значительной степени подъ его давленіемъ. Слава Ломоносова-поэта отцвѣла; зато изъ глубины прошедшаго колоссальной, гигантской фигурой вырастаеъ его личность» (1711–1911. М.В. Ломоносовъ. Сборникъ статей подъ ред. В.В. Сиповскаго. СПб., 1911. С. 179).

³² *Модзалевскій Б.Л.* Каталогъ библиотеки <А.С.Пушкина> // Пушкинъ и его современники: Матеріалы и изслѣдованія. Комиссія для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 112.

Отметим, что и видный декабристский критик — Александр Александрович Бестужев — дает нашему поэту характеристику, далекую от безудержного поношения:

«Херасковъ, Стихотворецъ эпическій, по своему времени, писалъ плавными стихами, хотя кудряво и пространно. Многіе отрывки изъ Поэмъ *Владимира* и *Россіяды* картинны, великолѣпны, изобилуютъ мѣстностями; изъ *Искателей счастья* обрисованы съ пріятнымъ разнообразіемъ. Никто изъ Рускихъ Писателей не произвелъ болѣе Хераскова во всѣхъ родахъ. Жаль только, что ему недоставало краткости и оригинальности»³³.

Ту же переходную ступень представляет собой оценка, данная крупным эллинистом и переводчиком Иваном Ивановичем Мартыновым: «Вотъ Херасковъ, не безъ успѣха покушавшійся быть Россійскимъ Омиромъ, Фенелономъ и Расиномъ. Если таланты его были ниже сферы какого рода Поэзіи: то благородной, нравственной цѣли Муза его никогда не оставляла»³⁴. Провинция, как это обычно бывает, оказывается еще более консервативной:

«Херасковъ также писалъ Оды, хотя не въ такомъ возвышенномъ тонѣ <какъ Державинъ>, но за то отличающіяся плавностію и связнымъ ходомъ мыслей. Ему предоставлено прославиться болѣе въ родѣ Эпическомъ, и еще, естли не ошибаюсь, въ прозѣ. Его Россіяда, плодъ шестилѣтнихъ трудовъ, хотя не можетъ стать на ряду съ *Иліадою*, *Енеидою* и съ нѣкоторыми первоклассными Поэтами просвѣщенныхъ народовъ: по крайней мѣрѣ, твореніе сіе имѣетъ неотъемлемыя достоинства, и поставитъ Автора между лучшими Эпическими Стихотворцами. У него едвали можно сыскать хотя подобное, какъ у Мильтона превозносимаго похвалами, гдѣ Ангелы имѣютъ артиллерію и сражаются пушками!!!»³⁵.

В описаниях Дмитриева и во многом солидарного с ним Розанова есть определенное смещение перспективы. Как видно уже по структуре «Амфиона», громадная, более чем в 60 страниц часть мерзляковского разбора была опубликована в январе и никак не

³³ Взглядъ на старую и новую Словесность въ Россіи // Полярная звѣзда. Карманная книжка для любителей и любителей Руской Словесности на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣвымъ. С.10–11.

³⁴ Разсужденіе о качествахъ писателю потребныхъ. Читано въ торжественномъ годичномъ Собраніи Россійской Академіи 5-го Февраля 1821, Членомъ оныя Г. Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ И.И. Мартыновымъ. СПб., Въ типографіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи. 1822. С.7.

³⁵ Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковского Университета, читанныя 1820 года Юня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ. Въ Харьковѣ, Въ Университетской Типографіи, 1820 года. II. Краткое обзоръ начала, постепеннаго возвышенія и успѣховъ Россійской Словесности. *Студента Александра Попова*. С. 30–31. За такими сужденіями чувствуется твердая преподавательская рука.

могла быть ответом на выпады Строева. Более того: как мы видели, мерзляковский поход против Хераскова замышлялся давно — преемственность идей по отношению к статье 1812 г. очевидна. Но на Мерзлякове и его статье стоит остановиться подробнее в другом отношении — какова ее истинная роль в событиях.

Прежде всего — если падение репутации Хераскова связано с выступлением Мерзлякова, то нужно признать, что это единственная удачная атака за всю его жизнь. Херасков не был единственным, чью репутацию Мерзляков стремился подорвать. Среди его потенциальных жертв — А.С. Пушкин (вспомним свидетельство Белинского: «Мы сами слышали однажды, как глава классических критиков, почтенный, умный и даровитый Мерзляков, сказал с кафедры: “Пушкин пишет хорошо, но, Бога ради, не называйте его сочинений поэмами!”»³⁶). Пытался он подорвать с кафедры, как свидетельствует Михаил Петрович Погодин, и репутацию Жуковского, в критическом отзыве о «Шильонском узнике»:

«Что это за лице рассказывает о своемъ положеніи! Какихъ слушателей у него должны мы себѣ представить? Почему предполагаетъ онъ ихъ участіе? Что за странность рассказывать безъ всякаго вступленія или предупрежденія? Что за выраженіе: тюрьма разрушила? Какъ она разрушила, если онъ еще можетъ говорить: разрушить можно зданіе, но челоувѣкъ разрушенъ быть не можетъ. Вотъ эти модные поэты! Не спрашивайте у нихъ логики! Они пренебрегаютъ языкомъ»³⁷.

Ни то, ни другое не удалось; равным образом скандалом обратилась известная попытка скомпрометировать гекзаметрическую поэзию в глазах публики³⁸. Более того — весьма слабо позаботился Мерзляков и о собственной литературной репутации; как поэта его еще помнят (может быть, больше, чем он того заслуживает), но как раз его критическое наследие — весьма интересное — забыто основательно. Если учесть эти факторы, победа над Херасковым предстанет как единственный успех в серии громких провалов, — успех, сам по себе вызывающий сомнения и подозрения. (О Строеве и говорить не-

³⁶ Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая.

³⁷ Автобиография Погодина в кн.: Биографическій словарь профессоръ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета за истекающее столѣтіе, со дня учрежденія января 12-го 1755 года, по день столѣтняго юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоръ и преподавателей, занимавшихъ каѳедры въ 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Москва, въ Университетской типографіи, 1855. Т. II. С. 236.

³⁸ Интересно, что Сергей Семенович Уваров в том же 1815 г. критиковал выбор александрийского стиха для эпопеи как оригинальной, так и переводной, упоминая в числе прочих и Хераскова. — «Отвѣтъ В.В.Капнисту на письмо его объ экзаметрахъ», см. Чтенія в Бесѣдѣ. Ч. XVII. СПб., 1815.

чего — влияние будущего отца русской палеографии на тогдашнюю литературную ситуацию смело может быть признано ничтожным.) Мерзляковские рассуждения и подходы прошли для русской публики бесследно; сложная структура его критического опуса ее большинству — полагаем — не говорила бы ничего уже в силу недоступности, даже если бы «Амфион» был популярным журналом; все, что могли извлечь и извлекли читатели из многостраничного труда, — авторитетная санкция того впечатления, которое у них сложилось независимо от Мерзлякова. Под влиянием его статьи литературная молодежь в большинстве сочла ничтожество «Россиады» фактом *доказанным*. В арзамасском поколении, как и в поколении Степана Петровича Шевырева и Михаила Петровича Погодина, к ней больше почти уже и не обращались как к *поэтическому* произведению.

Список литературы³⁹

- Батюшков К.Н.* Расписание моим сочинениям // *Батюшков К.Н.* Сочинения. Т. II. М., «Художественная литература», 1989.
- Батюшковъ К.Н.* [Письмо Гнѣдичу отъ 7 ноября 1811 г.] // *Батюшковъ К.Н.* Сочиненія въ 3 тт. СПб., Т. III. 1886.
- Батюшковъ К.Н.* Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ, читанная при вступленіи въ Общество любителей російской словесности въ Москвѣ 17 июля 1816 // *Батюшковъ К.Н.* Сочиненія въ 3 тт. СПб., Т. II. 1885.
- Батюшковъ К.Н.* Чужое — мое сокровище // *Батюшковъ К.Н.* Сочиненія въ 3 тт. Т. II. СПб., 1885.
- Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955.
- Бестужевъ А.А.* Взглядъ на старую и новую Словесность въ Россіи // *Полярная звѣзда.* Карманная книжка для любительницъ и любителей Руской Словесности на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣвымъ. СПб., 1822.
- Воейковъ А.Ө.* О истинномъ благородствѣ // *Собраніе Рускихъ стихотвореній,* взятыхъ изъ Сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Рускихъ журналовъ, изданное Василиемъ Жуковскимъ. Москва, въ Университетской типографіи. Часть четвертая, 1811.
- Воейковъ А.Ө.* Посланіе къ С. С. Уварову // *Вѣстникъ Европы,* составляемый Михаиломъ Каченовскимъ. Ч. CIV. М., Въ Университетской Типографіи, 1819. № 5.
- Вяземскій П.А.* Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ивана Ивановича Дмитріева // *Полное собраніе сочиненій князя П.А. Вяземскаго.* Т. I. 1810 г. — 1827 г. СПб., 1878.
- Вяземскій П.А.* Разговоръ между издателемъ и классикомъ // *Полное собраніе сочиненій князя П.А. Вяземскаго.* Т. I. 1810 г. — 1827 г. СПб., 1878.

³⁹ Произведения, уже указанные в первой части статьи, в данный список не включены.

- Глаголева Т.* Отзывы современниковъ и потомства о литературной дѣятельности Ломоносова // 1711–1911. М.В. Ломоносовъ. Сборникъ статей подъ ред. В.В.Сиповскаго. СПб., 1911.
- Грамматинъ Н.Ө.* Надписи к портретам русских писателей // Стихотворенія Николая Грамматина. Часть первая. Санктпетербургъ, Печатано въ Типографіи Императорской Россійской Академіи, 1829 года.
- Гречъ Н.А.* Опытъ краткой исторіи Руской литературы. СПб., 1822.
- Езунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М., 2001.
- Кюхельбекер В.К.* Взгляд на нынешнее состояние русской словесности // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
- Мартыновъ И.И.* Разсужденіе о качествахъ писателю потребныхъ. Читано въ торжественномъ годичномъ Собраніи Россійской Академіи 5-го Февраля 1821, Членомъ оныя Г. Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ И.И. Мартыновымъ. СПб., 1822.
- Модзалевскій Б.Л.* Каталогъ библіотеки <А.С.Пушкина> // Пушкинъ и его современники: Матеріалы и изслѣдованія. Комиссія для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. СПб., 1910. Вып. 9/10.
- Надеждин Н.И.* О происхожденіи поэзии, называемой романтической // Надеждин Н.И. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Эстетика / Под общ. ред. З.А. Каменского. СПб., 2000.
- Погодинъ М.П.* Погодинъ Михайль // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетіе, со дня учрежденія января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Москва, в Университетской типографіи, 1855. Т. II.
- [Полевой Н.А.]* Вѣсти изъ Москвы. (Отрывокъ изъ письма къ Д. И. Е.) // Московскій Телеграфъ. Часть XXXIV, № 13. Июль. 1830.
- Полевой Н.А.* Очерки Русской литературы. Сочиненіе Николая Полеваго. Часть первая. СПб., 1839.
- Попкова Н.А.* Московскій Телеграфъ, издаваемый Николаемъ Полевымъ. Указатель содержания. Вып. 2. 1829–1834. Саратов, 1990.
- Поповъ А.* Краткое обозрѣніе начала, постепеннаго возвышенія и успѣховъ Россійской Словесности. *Студента Александра Попова* // Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковского Университета, читанныя 1820 года Іюня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ. Харьковъ, 1820.
- Поэты 1790–1810-х годов. Вступительная статья и составление Ю.М. Лотмана. Подготовка текста М.Г. Альтшуллера. Вступительные заметки, биографическіе справки и примечанія М.Г. Альтшуллера и Ю.М. Лотмана. Л., 1971.
- Пушкин А.С.* [Письмо к А.А. Бестужеву, конец мая — начало іюня 1825 г. Из Михайловскаго в Петербургъ] // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979. Т.10: Письма. 1979.

- Пушкин А.С.* [Письмо к П.А. Вяземскому от 27 марта 1816 г.] // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1954.
- Пушкин А.С.* Александр Радищев // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954.
- Пушкин А.С.* Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1954.
- Розанов И.Н.* Канонизация классиков // Литературные репутации. М., 1990. С. 94. = Литературные репутации. М., 1928.
- Розановъ И.Н.* Русская лирика. Отъ поэзіи безличной — къ исповѣди сердца // Историко-литературные очерки. М., 1914.
- Соцъ В.И.* Нѣчто противъ статьи, подъ названіемъ: Взглядъ на нынѣшнее состояніе Русской словесности // Вѣстникъ Европы. Ч. ХСѢІ. № 21. Ноябрь 1817.
- Стенник Ю.В.* Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995.
- Стоюнина В.Я.* Историческія сочиненія В. Стоюнина. Часть I. Александръ Семеновичъ Шишковъ. СПб., 1880.
- Уваровъ С.С.* Отвѣтъ В.В. Капнисту на письмо его объ экзаметрахъ // Чтенія в Бесѣдѣ любителей русскаго слова. Ч. XVII. СПб., 1815 = Арзамас. Сб. в II кн. М., 1994. Ч. II: Из литературного наследія Арзамаса.
- Шишковъ А.С.* [Якову Іевлевичу Бардовскому.] // Записки, мнѣнія и переписка адмирала А.С. Шишкова. Изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. II. Berlin, 1870. С. 328. СПб. Іюня 18 дня 1815 г.
- Шишковъ А.С.* О переводѣ Классическихъ Стихотворцевъ // Духъ журналовъ. XXIII ч. Кн. 46. 1817 = Собраніе сочиненій и переводовъ. Адмирала Шишкова Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена. Часть IV. СПб., 1825. С. 356–394.

Сведения об авторе: *Любжин Алексей Игоревич*, зав. сектором Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vultur@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года: ВСЛЕД ЮБИЛЕЮ

В.А. Недзвецкий

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПЕЦОПЕРАЦИЯ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ В ВОЙНЕ 1812 г. С НАПОЛЕОНОМ: ЗАМЫСЕЛ И РЕЗУЛЬТАТ (по мемуарам Армана-Огюста де Коленкура)

В статье рассматриваются мемуары А. Коленкура и проблема стратегической дезинформации Наполеона в 1812 г. Автор статьи приходит к выводу, что русская армия имела специальный план по дезинформации Наполеона после Бородинского сражения. План был успешно реализован, и французская армия потерпела поражение.

Ключевые слова: А. Коленкур, Наполеон, 1812, Казань, казаки.

The article deals with the memoirs of A. Caulaincourt and the problem of strategic disinformation of Napoleon in 1812. The author of the article concludes that the Russian army had a special plan to misinform Napoleon after the battle of Borodino. The plan was realized successfully, and the French army was defeated.

Key words: A. Caulaincourt, Napoleon, 1812, Kazan, Cozacks.

Первого-второго сентября 1812 г. Наполеон, уверенный в поражении русской армии в генеральном сражении при Бородине (ведь его противник добровольно оставил неприятелю и поле боя, и свою древнюю столицу, словом, поступил вроде бы так же, как некогда разбитые «великим полководцем» австрийцы и пруссаки), вошел в Москву. Где, вопреки серьезнейшим опасениям на этот счет и ряда его штабных генералов, и своего обер-шталмейстера А-О де Коленкура, в 1807–1811 гг. бывшего французским послом в России и хорошо знавшего ее климатические особенности, и своим собственным, оставался до 7 октября, т. е. 38 дней. Между тем именно это «московское сидение» Великой армии Наполеона (не случайно называемое и ее «московским пленением») станет для нее тем вторым после Бородинской битвы событием, которое уже с роковой неизбежностью предопределяет ее полный крах в России.

Факт этот Наполеон, к тому времени бросивший свои бедствующие в российских снегах войска на произвол судьбы и инкогнито пересекающий Польшу, признает в разговорах с сопровождающим его Коленкуром и сам. «Мы, — заявил он, — жертвы климата. Хо-

рошая погода (т. е. необычно теплая половина российской осени 1812 г. — *В. Н.*) меня обманула. Если бы я выступил из Москвы *на две недели* раньше, то моя армия была бы в Витебске, и я смеялся бы над русскими и над <...> Александром, а он жалел бы о том, что не вступил в переговоры»¹ (курсив наш. — *В. Н.*).

Естествен вопрос: какие же причины побуждали Наполеона, рискующего с учетом грядущих со дня на день холодов не только боеспособностью, но и физическим существованием своей армии, о зимней экипировке которой он к тому же ничуть не позаботился, так долго оттягивать свой уход из Москвы?

Самая общая из них, впрочем, хорошо известна. Это упорная иллюзорная уверенность французского императора в *скором* мире (или чреватом последующим миром длительном перемирии), который его «друг Александр» заключит с ним, потому что: 1) крупные русские дворяне-помещики, разоряемые войной, непременно потребуют от своего самодержца ее быстрого прекращения; 2) русские офицеры, солдаты и казаки тремя военными месяцами с постоянными форсированными переходами измотаны не меньше догоняющих их французов; 3) наконец, и ввиду того, что он, Наполеон, «не имея личных обид против императора Александра», вел против России, как он уверял, войну не захватническую, а «политическую» (*К.*, с. 114) — всего лишь с целью восстановления польской независимости.

Заключить мир при этом, считал он, на приемлемых для россиян условиях [«безо всяких жертв» (*К.*, 141)], Наполеон желал уже в Витебске, затем после взятия Смоленска и еще больше с того момента, как познакомился с совершенно «новым типом войны», предложенным ему русскими солдатами и жителями, сжигавшими при подходе к ним французов собственные города и поселки. «Он, — говорит Коленкур, — хотел предотвратить порождаемые этим страшным приемом борьбы опасения о последствиях и продолжительности войны, во время которой неприятель с самого начала шел на такие жертвы» (*К.*, с. 172).

И, конечно, вновь и вновь Наполеон, привыкший, по словам одного из его солдат, «к тому, что мир заключается сейчас же после того, как выигранные сражения открывали ему двери столиц»², предпринимает попытки добиться мира с русскими в Москве, то посылая с этой целью в Петербург к Александру I отца А. Герцена Ивана Яковлева, потом старика Тутолмина, то отправляя своего генерала-

¹ *Коленкур де А.-О.* Русская компания 1812 года. Мемуары французского дипломата. Смоленск, 2004. С. 416–417. В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте с указанием в круглых скобках литеры «К» и страницы.

² Цит. по: *Земсков В.Н.* «Московское сидение» 1812 года: Наполеон в плену слухов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012. С. 227.

адъютанта Ж.-А. Лористона в ставку М.И. Кутузова с предложением, по крайней мере, «временного прекращения огня»³. А не получая никакого ответа от русского императора, тем не менее вместе со многими из своих военачальников и низших чинов до «самого последнего момента перед выступлением» из Москвы, полагает, что «известие о долгожданном мире» вот-вот придет⁴.

Помимо трех указанных «аргументов», принадлежащих самому французскому императору, но на деле мнимых, его длительное сидение в Москве объясняется еще одним важнейшим обстоятельством, созданным уже не воображением Наполеона, выдававшим желаемое за действительное, а воинским талантом его русского противника скорее всего в лице еще М.Б. Баркляя-де-Толли, а затем и совершенно согласного с ним в этом замысле М.И. Кутузова. Говорим о той замечательной спецоперации по дезинформации Наполеона о направлении отступления русской армии после Бородинского сражения, которая не была, насколько нам известна, должным образом осознана и зафиксирована как современниками войны 1812 г., так и ее историками, отечественными и зарубежными.

Вместе с тем по меньшей мере *косвенное* подтверждение ее существования содержат уже упомянутым мемуары такого незаурядного участника и проницательного комментатора наполеоновского похода в Россию, как постоянный спутник и частый собеседник-советник французского императора маркиз А.-О. де Коленкур.

Ценность воспоминаний Коленкура обычно ограничивают их «большим фактическим материалом»⁵, что в свете правдивого и мужественного характера их автора явно несправедливо. Преданный наполеоновскому гению, в историческом предназначении которого он никогда не сомневался, Коленкур еще больше был предан интересам горячо любимой им Франции, чего никогда не скрывал от ее самодержавного властителя. Глубокий и независимый патриотизм Коленкура стал и тем нравственным фундаментом в его отношениях с Наполеоном, который позволял ему не только иметь свой взгляд на все и в особенности внешнеполитические предприятия Наполеона, но и с замечательной смелостью высказывать его своему повелителю. Сам этот факт не мог не навлекать и часто действительно навлекал на Коленкура императорскую немилость, граничащую с оскорблением его личностного и национального достоинства, а однажды приведшую даже к тайному надзору за его встречами с русскими в Париже. Но та же стойкая правдивость обер-шталмейстера, дополненная, как правило, весьма убедительной аргументацией его особых мнений, а

³ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 276.

⁴ Там же.

⁵ Советский энциклопедический словарь. М., 1986. С. 600.

то и прямых несогласий с предназначениями Наполеона, побуждала нетерпящего возражений императора и подолгу выслушивать Коленкура, а в критических ситуациях даже требовать его соображений. Все это в особой мере проявилось в течение всего русского похода Наполеона, которого Коленкур *изначально* не одобрял и которому всеми силами противился, представляя французскому императору весьма убедительные тому доводы.

Коленкуру же мы обязаны и детальной фиксацией тех допросов Наполеоном двух плененных под Гжатском русских — повара атамана М.И. Платова и «излишне» разговорчивого казака, — в которых мы видим первое свидетельство вышеназванной спецоперации по дезинформации французской армии. Но прежде, чем обратиться к этим допросам, поясним, что делало их чрезвычайно важными для французского полководца.

С первого же дня вторжения в пределы Российской империи Наполеон «очень хотел сражения», «пуская в ход всю свою энергию и весь свой гений, чтобы ускорить движение» и настигнуть основные силы русских (К., с. 109, 125) Так было под Вильно, из которого русские ушли тремя днями раньше вступления в город французов, потом при Островно («но это был не больше как арьергардный бой». — К., с. 125–126), в Смоленске и после его взятия. Однако вплоть до Бородинской битвы он не только не настигал противника, но, по существу, и не знал, где тот находится, так как фактически ни в одном из столкновений с русскими они *не сдавались в плен* и необходимых Наполеону сведений дать не могли. «Всех офицеров, прибывавших из разных корпусов, — пишет Коленкур, — он (Наполеон. — В. Н.) прежде всего спрашивал: “Сколько взято пленных?” <...>, но никто их не присылал» (К., с. 113).

Эта ситуация полностью повторилась и после Бородина, когда, по словам автора «Войны и мира» якобы гениальный полководец фактически «потерял шестидесятитысячную русскую армию»⁶ Кутузова, найти которую он поручает «неаполитанскому королю» — маршалу И. Мюрату. И тот, настигнув на *Нижегородской дороге* казацкие разъезды, принятые им за кутузовский арьергард, и считая, что русская армия им обнаружена, продолжает не спеша «преследовать» врага, «который бежит в направлении Азии»⁷, непосредственно в *Казань*. О чем Мюрат и докладывает Наполеону.

Здесь надо сделать небольшое отступление о личности И. Мюрата. Неаполитанский король и зять Наполеона был хорошо известен во французской и русской армиях как своим издали заметным театральным обмундированием, так и той демонстративной

⁶ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 7. М., 1981. С. 97.

⁷ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 272.

храбростью, которая, по замечанию Коленкура, традиционно почиталась среди французских военных даже больше, чем дисциплина и ответственность. Сам Наполеон, ценя в Мюрате сподвижника всех своих военных походов, одновременно мог назвать его «итальянским Панталоне» и заподозрить, что настигнутые им русские разъезды «от короля хотели скрыть какой-то маневр или завлечь в какую-то ловушку» (К., с. 218).

И, сам того не ведая, Наполеон в этом случае был весьма близок к истине. Ведь, как можно догадаться, в действительности казачьим разъездам *было поручено* всячески поддерживать у Неаполитанского короля его уверенность в том, что русская армия, потрясенная бородинским «поражением», действительно спасает себя стремительным бегством на Восток. Хорошо продуманным ходом было и поручение этой «информации» именно *казакам*, с которыми у Мюрата еще с Витебска установились, как полагал он, чуть ли не рыцарственные взаимоотношения. Ибо казаки, из всех других наполеоновских военачальников раньше всего встречавшие как раз Мюрата, на протяжении всего движения французских войск к Бородину командовавшего их авангардом, давно заверили его в своем необычайном почтении к его храбрости и даже решении на этом основании никогда в него не стрелять.

Еще большим «обожанием» они окружили его на Нижегородской дороге. «Казачьи начальники, — сообщает об этом Коленкур, — продолжали все время расточать комплименты Неаполитанскому королю, который в свою очередь не переставал выказывать им свою щедрость. Авангарду не было надобности сражаться; казачьи офицеры являлись к королю за указаниями, чтобы осведомиться, до какого пункта он намерен продолжать переход и где он хочет расположиться со своим штабом. Дело доходило до того, что они охраняли назначенный им пункт до прибытия его отрядов, чтобы там ничего не случилось» (К., с. 217). А в действительности, заметим, очевидно, для того, дабы никто из жителей этого «пункта» не открыл Мюрату глаза.

И казаки, а на самом деле руководящее ими русское командование, в своей дезинформации преуспели в высшей степени, в конечном счете одурачив не одного тщеславного Мюрата, но и его верховного сюзерена. Как свидетельствует Коленкур, после возвращения Наполеона из Петровского замка в Кремль «для отступательного движения» французов из Москвы «все было готово». «Но постоянные донесения Неаполитанского короля об упадке духа в русской армии и его обещания, которые он надеялся осуществить, быстро внесли изменения в намерения императора. Король по-прежнему считал, что русская армия бежит по Казанской дороге, что солдаты дезертируют, армия разлагается, казаки готовы ее покинуть, а многие даже присоединиться к победителю» (К., с. 217).

Переоценить значение описанной нами информационной операции для русской армии и исхода всей отечественной войны 1812 г. невозможно. Ибо пока сидящие в Москве французы убаюкивались внушенной их предводителю сказкой о якобы уходе «деморализованных» русских войск «в Азию», Кутузов смог совершить и совершил свой знаменитый *фланговый марш*, т. е. перевод армии с Нижегородской дороги, на Рязанскую, затем Тульскую и, наконец, к позиции Тарутинского лагеря. Что позволило обеспечить русских солдат заготовленным в Калуге и Туле продовольствием, дать им порядочный отдых, а всей Кутузовской армии — заблокировать для двинувшегося из Москвы Наполеона нетронутое войной направление на Калугу, Тулу, Брянск и Малороссию, принудив его возвращаться вспять по старой, им же разоренной Смоленской дороге. Это был тот самый, тщательно сокрытый от наполеоновских войск стратегический *маневр*, говоря о котором, «даже французские историки признают гениальность русских полководцев»⁸.

Разумеется, и он не дался русским войскам без новых подмосковных сражений, главными из которых было Тарутинское и битва за Малый Ярославец. О значении первого хорошо сказал в своем «писании» «Война и мир» Лев Толстой. «Трудно и невозможно, — говорит он, — придумать какой-нибудь исход этого сражения, более целесообразный, чем тот, который оно имело. При самом малом напряжении, при величайшей путанице и при самой ничтожной потере были приобретены самые большие результаты во всю компанию, был сделан переход от отступления к наступлению, была обличена слабость французов и был дан толчок, которого только и ожидало наполеоновское войско для начала бегства»⁹.

Уже успех тарутинской схватки («Взято было <...> тысяча пятьсот пленных, тридцать восемь орудий, знамена...»¹⁰), согласно Л. Толстому, столь угнетающе подействовал на Наполеона, что он, и подойдя «к Кутузову», не начал с ним сражения всей своей армией, а дойдя до Малого Ярославца и атаковав его (город несколько раз переходил из рук в руки), так и не сумел пробиться на Калужскую дорогу¹¹.

Вернемся к теме нашего сообщения. Есть весомые основания считать, что замысел существенным образом дезинформировать Наполеона у русского командования не только был, но и возник не после Бородина (в этом случае он в основном служил бы численному сбережению русской армии), а являлся *изначальной частью общей стратегии* в борьбе русских с наполеоновской Великой армией, едва

⁸ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 7. С. 74.

⁹ Толстой В.Н. Указ. соч. С. 90.

¹⁰ Там же. С. 87.

¹¹ Там же. С. 91.

ли не троекратно превышавшей их силы. И *объективное* свидетельство тому есть опять-таки у Коленкура — именно в упомянутом ранее эпизоде с допросом Наполеоном двух русских пленных. Внимательно рассмотрим его — он того стоит.

Как мы помним, Наполеон, не находя осведомленных информаторов среди сначала польских, а потом русских жителей, а также и своих, в период войны 1812 г. крайне трусливых шпионов, мог добыть сведения о противнике только от пленных, но их все не было. «Наконец, в двух лье перед Гжатском, — сообщает Коленкур, авангард захватил в плен казака, под которым только что *была убита лошадь*, и вскоре затем негра, заявившего, что он повар атамана Платова. <...> Неаполитанский король отослал обоих пленников к императору, который *задал им множество вопросов*. Их ответы показались мне довольно пикантными, и я *тотчас же записал их*» (курсив наш. — В. Н.) (К., 176–177).

«Пикантные» сообщения негра ограничились подробностями «об образе жизни» его «генерала, которому он всегда прислуживал за столом», он также «слышал разные разговоры и рассказы о соперничестве между некоторыми (русскими. — В. Н.) генералами, но <...> не знал ничего насчет передвижения армии» (К., с. 177).

Куда более «пикантными» для Наполеона — в значении «остроумными», «привлекательными» — были ответы ему русского казака, произведшего на Коленкура сильное впечатление уже своей внешностью: «Это был брюнет пяти футов ростом, с *живыми* глазами, *открытым и неглупым* лицом, *серьезный* на вид; ему можно было дать от 30 до 36 лет. *Казалось*, он был очень огорчен тем, что попал в плен, а в особенности тем, что потерял свою лошадь» (К., с. 179).

Какой *отборный* кавалерист, не правда ли? Рослый, умный, серьезный и в самом расцвете лет, этот казак, с «открытым», т. е. внушающим доверие лицом, опечаленный *будто бы* не столько своим пленением, сколько потерей лошади, так и просит человека наших дней увидеть в нем кадрового русского разведчика, коим он скорее всего и был. В свете этой его роли и соседство с ним *платовского* повара выглядит вовсе не случайным, ибо, работая на отвод неприятельских глаз, в то же время невольно для Коленкура подсказывает его читателю, кем, под видом «огорченного», а на деле добровольного пленного, был послан к Наполеону этот русский воин.

Но еще больше незауряден он в качестве как нарочно широко информированного ответчика Наполеону. «По словам казака, — говорит Коленкур, — русские открыто жаловались на Барклая, который, как они говорили, помешал им драться под Вильно и под Смоленском, заперев их в стенах города». Уже это сообщение мнимого пленника, отвечающее чаяниям самого французского полководца, должно было расположить к нему Наполеона. А допрашиваемый дополнительно

поведал (со ссылкой на «молодого *штабного* офицера», *вчера* привезшего казакам эту новость) и о том, «что дворянство принудило Александра» заменить Баркляя-де-Толли Кутузовым, что также доставило Наполеону «большое удовольствие», так как «медлительный характер Баркляя изводил его» (К., с. 178).

Вполне усыпив названными сведениями бдительность Наполеона, наш контрразведчик перешел к сообщениям главным, для которых собственно и явился под видом плененного казака к Наполеону. «Вот что он говорил» французскому полководцу: «Если бы русские солдаты Александра, а в особенности его генералы, походили на казаков, то вы с французами не оказались бы в России. Если бы Наполеон в своей армии имел казаков, то он давно уже был бы *китайским императором*. Французы дерутся хорошо, но неосторожны. <...> Не будь казаков, французы были бы уже в Москве, в Петербурге и даже в *Казани*. Именно казаки все время задерживают их. Казакам *нравится* Неаполитанский король, который носит большой султан, потому что он храбр и всегда первым кидается в бой» (курсив наш. — В. Н.) (К., с. 179).

Ключевое слово в этой тираде, исполненной и умышленной «казачкой» похвальбы и грубой лести самовлюбленному французскому властителю, — *Казань*. Его и только его должен был навсегда запомнить Наполеон, как наверняка *уже* запомнил И. Мюрат, который и пленил-то платовского негра и мнимого казака. И, конечно, прежде, чем отослать их к Наполеону, сам допросил их, а стало быть, раньше своего повелителя услышал и *про Казань*, которую, как мы видели, с тех пор отнюдь не забыл, полагая, что как раз в этот город якобы и бежит деморализованная Бородинским «поражением» русская армия.

И хотя Наполеон, получая в *Москве* соответствующие донесения Неаполитанского короля «советовал ему не доверять так называемому “движению” Кутузова на Казань», ибо «не мог найти объяснения этому движению» (К., с. 217), он, и не отрицая его вероятности, уже тем самым становился пленником мюратовской дезинформации. Чему опять-таки объективно способствовало другое сообщение, сделанное Наполеону еще в Париже, когда военный поход в Россию только задумывался, никем иным, как самим Коленкурром.

Говорим о словах Александра I, в 1811 году сказанных им Коленкуру «в частной беседе» в связи с всё большими подозрениями в антироссийском плане Наполеона и тогда же французским дипломатом тщательно записанные (К., с. 60–61). Прочитируем мемуариста: «Если император Наполеон начнет против меня войну, — сказал мне Александр, — то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира. Испанцы неоднократно были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены.

А между тем они не так далеко от Парижа, как мы; у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов. Мы не пойдем на риск. За нас — необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию. <...> Я не обнажу шпагу первым, но я вложу ее в ножны не иначе, как последним. <...> Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее *отступлю на Камчатку*, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат обескураживают его» (К., с. 61).

«Император, — передает Коленкур реакцию Наполеона на это высказывание его державного русского “друга”, — слушал меня с большим вниманием и даже *с удивлением*» (курсив наш. — В. Н.) (К., с. 62). И, думается, в первую очередь готовностью русских отходить, не замиряясь с агрессором, на Камчатку, очевидно, в этом контексте с того момента не меньше врезавшуюся в наполеоновскую память, чем позднее и Казань. Ведь обе они, в представлении французов, где-то в Азии и сверх того своими первыми слогами почти рифмуются. Словом, должно быть, внушал себе в Москве французский император, если царь во время войны с ним собирался отступать даже на восточный край своих владений, то он вполне мог повелеть своей армии идти и в Казань.

* * *

Не без иронии описывая одну из юбилейных августовских экскурсий этого года, проведенных на Бородинском поле, корреспондент «Новой газеты» Елена Дьякова специально отметила: фактически всех приехавших сюда людей, молодых и старых, состоятельных и бедных, образованных и не очень, «страшно занимал вопрос: а вот про то, что отступление до Москвы было стратегически задумано, это нам тоже ввали?»¹²

Убежден: сегодня можно с полным правом утверждать — нет, не ввали, потому что такое отступление действительно командованием русской армии было предусмотрено по причине, в целом хорошо известной (говорим о необходимости прежде генерального сражения с Наполеоном соединить три русские армии, ни одна из которых в одиночку противостоять противнику не могла). Мало этого. В свете описанной нами спецоперации русских по дезинформации Наполеона можно думать, что не только на Военном совете в Филях, но значительно раньше предполагалось и оставление врагу самой Москвы. С тем чтобы Наполеон, одураченный русскими казаками-контрразведчиками относительно действительного нахождения и движения русской армии и считающий себя в Москве в безопасности,

¹² Дьякова Е. «Ядра — чистый изумруд» // Новая газета. 2012. 5 сент.

просидел в ней подольше, обрекая этим свои войска по меньшей мере (если бы ему все же удалось потом прорваться к Калужской дороге) на бесплодную борьбу с русскими морозами и обледенелыми дорогами, вынужденное жестокое «катание» по которым (часто на собственных солдатских спинах и вкуче с неподкованными лошадьми, повозками и каретами) тоже обстоятельно воспроизведено в коленкуровских мемуарах.

В конечном счете война 1812 г., *народной* природы которой Наполеон совершенно не понял, сложилась так, как то позволяли и диктовали в первую очередь объективные ее факторы (необъятность российской территории, ее климатическое своеобразие, редкая среди европейских наций готовность россиян к всенародным жертвам, стойкость их воинского «духа», сочетание их армейских операций с партизанскими и крестьянскими и т. д.), однако всегда пронизательно учитываемые и Барклаем-де-Толли, и Кутузовым, и теми замечательными русскими контрразведчиками, что предпочли остаться безымянными для потомков.

В совокупности объективных и субъективных предпосылок к выдворению из страны дотоле непобедимого воителя [на вопрос французского императора к Коленкуру, какова его, Наполеона, «излюбленная страсть», тот мгновенно ответил: «Война, государь» (*К.*, с. 82)] наши предки одержали в 1812 г. победу воистину историческую, пробудившую национальное самосознание россиян и сознание ими своей глобальной значимости, а в культурной сфере породившую воистину ренессансный взлет русской литературы.

А ведь Наполеон, многократно уверявший Александра I в чисто «политической» сути своей войны с Россией, на самом деле планировал именно ее полнейший и всесторонний разгром. «Я, — цитирует его откровенное признание на этот счет честный А.-О. Коленкур, — пришел (в Россию. — *В. Н.*), чтобы раз навсегда покончить с колоссом северных варваров. Шпага вынута из ножен. Надо отбросить их в их льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы. <...> Цивилизация отвергает этих обитателей севера. Европа должна устраиваться без них» (*К.*, с. 115–116).

Увы, вопреки ожиданиям Наполеона свершиться этим планам суждено не было, в частности, и благодаря таланту и опыту русских «информаторов» французского императора.

* * *

Когда настоящая статья была подготовлена к отсылке в редакцию журнала «Вестник Московского университета. Серия “Филология”», до нас дошел сборник материалов Международной научной конференции «Народы России и Отечественная война 1812 года в истории и культуре», совсем недавно изданный в Петербурге и, в частности,

содержащий сообщение об основных разведывательных действиях русского командования в ходе шестимесячной борьбы с Великой армией Наполеона¹³.

Отмечено, что оно «широко применяло войсковую разведку. Ею занимались практически все командиры частей и соединений путем <...> наблюдения, посылкой в ближние французские тылы партий “охотников”, опроса местного населения и допроса военнопленных. Но наибольшую активность проявляли в дальних французских тылах командиры партизанских “партий” из состава регулярных войск. <...> Нередко они сами проникали в подразделения и части противника, экипируясь то в офицерскую французскую форму, то в одежды крестьян. В этом плане особенно отличались Александр Никитич Сеславин и знаменитый Денис Давыдов»¹⁴.

Намного хуже, согласно Н. Федоренко, обстояло дело с «добыванием сведений (о французских войсках. — В. Н.) агентурным путем», носившим только «спорадический характер. Наиболее заметным русским разведчиком в *самой* наполеоновской армии был один лишь Владимир Рославлев, этакий “Штирлиц” того времени» (курсив наш. — В. Н.)¹⁵.

На наш взгляд, рядом с этим Штирлицом следовало бы поставить и того плененного под Гжатском безымянного русского казака, который так артистично ввел в чрезвычайно важное для русской армии заблуждение самого Наполеона. Однако о заслугах русских казаков в этом роде Н.В. Федоренко не говорит ни слова.

Этот недостаток его статьи вместе с тем компенсируется интереснейшими сведениями о *превентивных* действиях русского военного ведомства в ответ на антироссийский военный замысел французского императора, впервые введенными названным исследователем в широкий научный оборот.

Оказывается, еще в феврале 1810 г. военный министр России Михаил Барклай-де-Толли, убежденный «в скором военном столкновении с Наполеоном», обратился к Александру I «с предложением учредить <...> “Секретную экспедицию», или “Особенную канцелярию” из 11 или 12 человек по добыванию разведывательных данных в европейских столицах», включая Париж, где указанная задача возлагалась на «полковника Главного штаба Александра Ивановича Чернышова, человека энергичного, инициативного, обладавшего развитыми аналитическими способностями»¹⁶.

¹³ См.: Федоренко Н.В. Отечественная война 1812 года и деятельность российских спецслужб // Народы России и Отечественная война 1812 года в истории и культуре. СПб., 2012. С. 77–80.

¹⁴ Там же. С. 79.

¹⁵ Там же. С. 78.

¹⁶ Там же. С. 77.

Анализ сведений, полученных из их первоисточника — «Священного доклада» французских генералов своему императору, — продолжает Н. Федоренко, убедил А. Чернышова в том, что Наполеон «планирует спровоцировать наступательные действия русских войск в приграничных районах. Это позволит ему при подавляющем преимуществе над русскими в живой силе и артиллерии разгромить противника уже в районе Немана и выйти на стратегический простор. По поручению Барклая-де-Толли Чернышов и один из его коллег составили пространную справку российскому императору, в которой предлагали в случае войны вести активную оборону, но *не ввязываться в генеральное сражение, постепенно отводить войска вглубь российской территории, оставляя противнику “выжженную” землю*»¹⁷ (курсив наш. — В. Н.).

Александр I и Барклай-де-Толли, заключает Н. Федоренко свое сообщение об этих рекомендациях парижских русских разведчиков, восприняли их «с должным пониманием».¹⁸ В самом деле: и Барклай-де-Толли с июня до августа 1812 г. и М.И. Кутузов с начала августа до Бородинской битвы в своих собственных решениях, по существу, не отказались ни от одного из их пожеланий, включая и такое беспрецедентное, как сожжение самими россиянами части Смоленска или Гжатска и других селений перед входом в них французов.

Но из этого факта следует, что общая стратегическая установка на долгий организованный *уход-отход* русской армии от намного превосходящего ее противника, жаждущего немедленного генерального сражения, у русского командования существовала не только изначально (до вступления Наполеона в пределы России), но и, *загодя* скорректированная тем или иным предполагаемым исходом главного сражения, избежать которого было бы невозможно, изначально же включала и вероятность оставления противнику вслед за Смоленском и Москвой. Ибо в контексте лишь *этой* стратегии делаются вполне понятными и обещание Александра I «отступить на Камчатку», но не примириться с завоевателем, адресованное Наполеону задолго до его вторжения в Россию, и исподволь внушаемая, а затем и внушенная ему же идея о мнимом бегстве русской армии после Бородина в Казань, и, наконец, тот блестящий по замыслу и исполнению способ, которым это внушение было осуществлено уже рядовыми русскими контрразведчиками. Ведь ими стали люди не с графскими титулами, как А. Чернышов и его аристократические соратники в Лондоне, Вене, Мюнхене и Мадриде, а простые русские казаки — смышленная и отважная частица умного и даровитого русского народа.

¹⁷ Федоренко Н.В. Указ. соч. С. 78.

¹⁸ Там же.

Что же касается самой описанной спецоперации русского командования по дезинформации Наполеона, то в свете «справки» полковника А.И. Чернышова Александру наше гипотетическое предположение о ней обретает достоверность события, действительно произошедшего.

Список литературы

Земсков В.Н. «Московское сидение» 1812 года: Наполеон в плену слухов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012.

Коленкур де А.-О. Русская кампания 1812 года. Мемуары французского дипломата. Смоленск, 2004.

Советский энциклопедический словарь. М., 1986.

Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 7. М., 1981.

Федоренко Н.В. Отечественная война 1812 года и деятельность российских спецслужб // Народы России и Отечественная война 1812 года в истории и культуре. СПб., 2012.

Сведения об авторе: *Недзвецкий Валентин Александрович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, лауреат Гончаровской премии. E-mail: nedzvetsky@bk.ru

Е.Ю. Полтавец

ВОЙНЫ РОССИИ С НАПОЛЕОНОМ В ЗЕРКАЛЕ ТОЛСТОВСКОЙ МИФОПОЭТИКИ

Образ войны в «Войне и мире» Л.Н. Толстого рассматривается в свете мифопоэтики. Проводятся аналогии сюжетной, мотивной, а также образной структуры «Войны и мира» с мифологическими образами и сюжетами. Поднимаются проблемы толстовской историософии и ее связи с жанром произведения.

Ключевые слова: «Война и мир», Библия, историософия, роман, мифология, мифопоэтика, 1812 год, Наполеон.

“War and Peace” by Tolstoy is explored against the background of mythology. Plot, motif and character analogues of mythical structures are investigated. The author also investigates the image of the war and the problem of Tolstoy’s philosophy of history as well as its correlation with the particular poetic manner of the historical and philosophical novel.

Key words: “War and Peace”, the Bible, philosophy of history, novel, mythology, mythopoetics, 1812, Napoleon Bonaparte.

Знаменитый прием «остранения» распространяется, по-видимому, и на жанровую дефиницию, которую дал «Войне и миру» Л.Н. Толстой. Если в «Войне и мире» орден — «маленькая вещица на серебряном блюде» [Толстой, VII: 213], а маршалский жезл — «какая-то палка» [Толстой, VII: 193], то по сравнению с этим пейоративным смыслом толстовские определения «Войны и мира»: «писание» и «книга» — не только «остраняют», но и возвышают, ставят в ряд сакральных предметов как рукопись, так и типографский том (тома) этого произведения¹. Образная структура «Войны и мира» в свете сознательной толстовской ориентации на архаику, на «ископаемый» (К.Н. Леонтьев) жанр, на сакральные *книги*, прежде всего Библию, Священное *писание*, изучена еще недостаточно. Так, не получила объяснения глубокая апорийно-притчевая основа «Войны и мира», связанная с общими особенностями сакральных текстов, свойственной им многоуровневостью, парадоксальностью, иносказательностью, даже криптографичностью (это характерно и для «Ригведы»,

¹ «Книгой», как будто речь идет об определенной, единственной *книге*, называет в «Войне и мире» Евангелие князь Андрей [Толстой, VII: 396]; ср. у А.Т. Твардовского: «... То особое, знакомое мне с детских лет звучание слова “книга” в устах простого народа, которое как бы предполагает существование книги в единственном экземпляре» («Ответ читателям “Василия Теркина”»).

«Дао дэ цзин», «Дхаммапады», Библии), которые в «Войне и мире» соседствуют с прямыми пояснениями, полемикой и гомилетическими воззваниями. Современников Толстого, как известно, повергали в оцепенение огромные философско-исторические «отступления» от того, что они простодушно воспринимали в виде “l’occasion de Nathalie de Rostoff et du prince Andre”, как умудрился назвать «Войну и мир» обозреватель «Одесского вестника» С.И. Сычевский [Зелинский, 1905:151]; до сих пор остаются непроясненными с жанровой точки зрения функции античной апории и парадокса (об Ахиллесе и черепахе, о Муции Сцеволе), евангельской парадоксальной притчи о талантах, упомянутой в «Эпilogue», авторских парадоксов о яблоке и мальчике, о паровозе и мужиках, каратаевских многочисленных паремий, в том числе и о безвинно пострадавшем купце. В этом смысле внимания заслуживает трактовка Г.Д. Гачевым [Гачев, 1968: 127–131] спора Кутузова с Бенигсеном в Филях как типологически сходного с опровержением демагогических софизмов Терсита (ответ Одиссея Терситу в «Илиаде»). Подобный пример видит Гачев и в эпизоде бунта в Богучарове (софизмы отказывающихся уехать и увезти княжну крепостных).

Не вдаваясь в подробное освещение споров о жанре «Войны и мира», напомним о нескольких отзывах современной Толстому критики, весьма показательных для «мифопоэтического прочтения» книги Толстого. Рецензент «Сына Отечества», подписавшийся «-ъ-ъ», нашел (к большому своему сожалению!) в «Войне и мире» сходство не с современными романами, а с «средневековыми мистериями» [Зелинский, 1911: 221]. «Синтез поэзии, истории и философии» усмотрел в «Войне и мире» историк Н.И. Кареев [Кареев, 1887: 230–231], т. е. это был один из первых отзывов о «Войне и мире», где она не рассматривалась как исключительно художественное произведение. В духе мифологического циклического времени рассматривал художественное время в «Войне и мире» Н.С. Лесков: «Рассмотренное нами сочинение... имеет в наших глазах еще большее значение в приложении к решению многих практических вопросов, которые время от времени могут повторяться и даже несомненно повторяются со свойственной им роковой неотразимостью... Книга графа Толстого дает весьма много для того, чтобы, углубляясь в нее, по *бывшему* *разумевать* *бываемая* и даже видеть в зеркале гадания *грядущее*» [Лесков, 1958: 150].

Это *грядущее* тоже озадачивало современников Толстого, да и до сих пор проблема не нашла адекватного подхода. Мы имеем в виду многочисленные упреки в модернизации персонажей, особенно Андрея Болконского. П.В. Анненков, говоря о еще не оконченном произведении, находил совершенно неуместным в историческом романе (каковым он считал «Войну и мир») «дар предвидения», ко-

торым наделен князь Андрей, хотя с проницательностью указывал на то, что «дух времени... воплощается на страницах романа, как индийский Вишну, легко и свободно, бесчисленное количество раз» [Анненков, 2000: 353]. (Этот «вишнуизм» Толстого, замеченный в самом проницательном отзыве 1860-х годов, весьма примечателен). Газета «Голос» недоумевала: «В князя Андрея автор вложил мысли и страдания человека позднейшего, нашего времени; справедливо замечено было, что князь Андрей обладает в книге каким-то чудесным, почти сверхъестественным даром предвидения: он судит о грядущих событиях так, как мог бы судить о них только человек, уже переживший их» [Зелинский, 1908: 139]. «До такой ли степени верны своей эпохе Пьер Безухов и Андрей Болконский, до какой верны своему времени Левин и Вронский?» — задавал вопрос К.Н. Леонтьев [Леонтьев, 2012: 131]. Опираясь на мнение Леонтьева, о «неисторичности» Войны и мира» говорил К.И. Зайцев [Зайцев, 2002: 530]. (Что касается историков наполеоновских войн, даже Е.В. Тарле, то они никогда не уставали отмечать анахронизмы в книге Толстого). Современные исследователи находят в «Войне и мире» «всеобщие, монументальные типы русского человека и русской жизни», подразумевая, что герои Толстого «выпадают из того времени — начала XIX в.» [Гачев, 1968: 143]. Этот феномен может быть отнесен, на наш взгляд, к ориентации сюжетных линий «модернизированных» героев на событийный ряд, связанный с соответствующими мифологемами (апостолов Андрея и Петра). Кроме того, сверхзнание, сверхпроницательность и доходящий до самоистязания перфекционизм Андрея Болконского могут объясняться, например, аналогичными качествами библейского пророка, апостола, бодхисатвы в буддизме.

Библейские зачины и финалы всех трех крупнейших эпических произведений Толстого также должны быть интерпретированы современным литературоведением, и не в религиозно-идеологическом ключе, а с точки зрения жанровой структуры толстовского творчества. Эпиграфы и концовки романов «Анна Каренина» и «Воскресение» эксплицитны с точки зрения новозаветных мотивов (в финале «Анны Карениной» Константин Левин размышляет о христианстве, Нехлюдов же в финале «Воскресения» читает Евангелие). В сущности, даже самое первое произведение Толстого, «Детство», открывается строками об «образке ангела», которому грозит опасность от мух (намек на дьявольские силы). «Война и мир» не имеет эпиграфа, но в первом же эпизоде персонажи говорят о Наполеоне как об Антихристе (вопрос о степени сочувствия автора этой номинации мы пока не ставим), а заканчивается первая часть «Эпилога» сном и пробуждением Николеньки Болконского — метаситуацией Гефсиманского моления. При этом хочется особо подчеркнуть, что «Война и мир» — «книга», которая сочетает художественность с историософией и религиозным

творчеством, поэтому мы сознательно оставляем за рамками статьи любые оценочные выводы или религиозные приоритеты, руководствуясь данными мифореставрационного метода, а не желанием доказать какую-нибудь особую религиозную направленность произведения Толстого или отсутствие оной.

Метод мифореставрации, разработанный С.М. Телегиным, актуализирует прочтение «Войны и мира» с учетом средств новой, мифореставрационной герменевтики [Телегин, 2000]. Задачи исследования мифопоэтики «Войны и мира» намечены в статьях Е.В. Николаевой [Николаева, 2000] и А.М. Минаковой [Минакова, 1992]. В качестве особенно важной, дающей импульс для дальнейших размышлений, отметим не развернутую, но интереснейшую трактовку В.Е. Хализевым и С.И. Кормиловым «Войны и мира» как книги, отражающей общность с «чертами духовного бытия стран Востока», вообще с традициями Востока, а также соотнесенность с японским принципом «югэн» и родство «буддийской культуре дзэн» [Хализев, Кормилов, 1983: 60].

В связи с этим хотелось бы добавить, что о буддизме и, может быть, даосизме, особенно об их этической основе, всегда волновавшей Толстого в первую очередь, молодой Толстой знал больше, чем принято думать. Не только Шопенгауэр пробудил интерес Толстого к восточной философии. Известен рассказ Толстого П.И. Бирюкову о его встрече в 1847 г. с бурятским ламой, поразившим его тем, что этот буддист не противился напавшему разбойнику. «И это переживание произвело сильное впечатление на юную душу Толстого и пробудило в нем глубокое уважение перед мудростью жителей Востока», — писал Бирюков [Birukoff, 1925: 10–11]. Знакомство с восточной философией на восточном отделении философского факультета Казанского университета, славившегося тогда развитием ориенталистики, тоже не могло не способствовать развитию интереса Толстого к Востоку. История вопроса о знакомстве Толстого с буддизмом и бурятским буддистом освещена, в частности, в работах Д.Б. Улымжиева [Улымжиев, 1993] и С.Д. Серебряного [Серебряный, 2007: 18–30].

Близкие по духу к буддизму идеи даосизма могли и не осознаваться молодым Толстым как специфически даосские, но могли оказаться глубоко воспринятыми, особенно идеи непротивления, «недеяния» («увэй») и единения с природой. Достаточно сказать, что в «Войне и мире» демонстрируются почти даосские медитативные техники: владение психическими и физическими способностями — умение отключить или, наоборот, в высшей степени концентрировать сознание, подчинить людей своему непосредственному импульсу, пренебрежение к физическому страданию, способность проникнуть в мысли и чувства другого человека (Андрей Болконский и Кутузов). Удивительный даосский разговор, например, происходит между

этими героями незадолго до Бородинского сражения. Это разговор о *дороге* и *ходе* (напомним, что основная категория даосской этики — следование Дао, т. е. *Пути*). «Иди с Богом своей дорогой. Я знаю, твоя дорога — это дорога чести» (Кутузов — Болконскому). «Одна способность спокойного созерцания хода событий» (Болконский — о Кутузове) [Толстой, VI: 180–181]. Так могли бы разговаривать в древнем Китае лет тысячи три назад.

Доминантный образ «Войны и мира» — это образ превосходства духовного над материальным, для Толстого являвшийся условием победы над любыми формами насилия (в том числе и над войной, над любым захватчиком) и даже условием личного спасения и деификации. Основные концепты «Войны и мира» — мир, мировое тяготение-любовь, ненасилие и смирение, которые манифестируют духовное превосходство, проблема бессмертия. Концепт «смирение» выражается и в образах князя Андрея, Кутузова, княжны Марьи, Каратаева, «божьих людей», и в паремийно-притчевой основе произведения (рассказе Каратаева о безвинно пострадавшем купце, размышлениях Николеньки Болконского о Муции Сцеволе), и в символике (например, более локальном для образной системы концепте «пчелы»), и в сюжетных линиях, а также последовательно проведенных оппозициях (прощение князем Андреем Анатоля, Кутузов — Наполеон, Андрей Болконский — Наполеон) и т. д. К этому главному концепту «Войны и мира» можно полностью отнести слова С.М. Телегина: «... Переход к сверхчеловеческому, к трансцендентному совершается через умаление и уничтожение человеческой земной природы и материи, торжество духа, что оказывается возможным благодаря смирению — ключевому понятию в духовном развитии человека» [Телегин, 2000: 140]. К изображению наполеоновских войн Толстой приходит после участия в обороне Севастополя и открытия своей «религии практической» [Толстой, XXI: 140], задумав дать исторический пример победительной непротивленческой военной стратегии («неправильная» война 1812 г.), а также объяснить роль России в мировой истории, показать эту роль как выявление «благодати», предсказанной, согласно летописной легенде, апостолом Андреем и обретенной в тяжелых исторических испытаниях войны с Наполеоном.

Летописная легенда об апостоле Андрее, как и буддистские ценности, в «Войне и мире» не упоминается, отсылки же к античной и библейской мифологии весьма заметны. Однако задача исследования мифопоэтики «Войны и мира» заключается не только в комментировании эксплицитно и имплицитно содержащегося в «Войне и мире» мифа, но и в уяснении его жанровых и историософских функций, а также его роли в раскрытии авторского идеала, доминантного образа творчества. «Почти всякое художественное произведение как бы раздваивается: оно имеет конкретный, реальный план, развитие сюжета,

перипетии и конфликты, но за всем этим всегда скрывается что-то еще, некий тайный, глубинный план, который и заполняется мифом... Как у человека существует подсознание, заполняемое мифом, так и у сотворенного им художественного произведения почти всегда есть подтекст, организованный тем же мифом» [Телегин, 1994: 3]. Осознаваемое автором намерение «придать, через мифологические и литературные параллели, глубину и перспективу изображаемому» [Катаев, 1989: 85], и бессознательное стремление к тому же — это переплетающиеся факторы, которые почти невозможно разграничить не только исследователю, но и самому создателю произведения, и в результате «смысловые потенции текста далеко выходят за пределы того, что имел в виду его создатель» [Цурганова, 1999: 188].

И еще. Без учета мифопоэтики «Войны и мира» невозможно раскрыть сотериологическую направленность этого произведения и уникальность его пространственной концепции. Пространство в «Войне и мире» не столько существует, сколько творится героями, что типологически сходно с космогоническими идеями, например, вишнуизма, в которых ипостасное представление божества заменяется на «предикативное», как считает В.Н. Топоров, — описание функций, набора актов, характерных действий, создающих мир, т. е. пространство. «К числу таких актов, — пишет В.Н. Топоров, — можно отнести создание опоры, установление опоры, осуществление посредничества (создание пространства), наполнение пространства, охватывание всего сущего (реализация свойства быть единым), выход за пределы вселенной и т. п.» [Топоров, 1991: 223].

В поисках объяснения, каким образом была преодолена кризисная ситуация 1812 г., Толстой строит свою художественную историософию на широком, экуменическом основании — синтезировании ключевых *этических* концептов различных мифологий и религий. В сущности, «Война и мир» и есть священное писание толстовской «практической религии», в которой соединены этические ценности христианства, буддизма, даосизма и в которой сотворение мира-мироздания и мира-согласия — постоянный процесс, волевое усилие, переплетенное с бессознательно распространяемой вокруг себя «паутиной любви» (в духе стерновской “web of kindness”), «как запах отделяется от цветка» [Толстой, VII: 56]. Мистические и обрядовые стороны, как разделяющие людей и непрактические, отброшены; «практические», т. е. этические составляющие — непротивление-ахимса, смирение, согласие, «недеяние», христианская любовь — объединены. Не обязательно негодовать на Наполеона как на «Антихриста» или «дерзкого Голиафа» (это занятие автор оставляет светским салонам), но «сражение выиграет тот, кто твердо решил его выиграть» [Толстой, VI: 216]. Зло преодолевается не силой оружия, а волевым усилием, торжеством духа над материей. Это волевое усилие, т. е. концентра-

цию всех душевных сил Толстой противопоставляет сознательному обдумыванию целей, поэтому он и говорит, что «только одна бессознательная деятельность приносит плоды» [Толстой, VII: 19].

Размышления об особом воздействии души на окружающее пространство и об условиях проявления этого воздействия появляются в дневнике Толстого задолго до «Войны и мира», в 1857 г.: «Я убежден, что в человека вложена бесконечная не только моральная, но даже физическая бесконечная сила, но вместе с тем на эту силу положен ужасный тормоз — любовь к себе, или скорее память о себе, которая производит бессилие. Но как только человек вырвется из этого тормоза, он получает всемогущество... Правда, что лучшее, самое сообразное с общечеловеческой жизнью спасенье от памяти о себе есть спасенье посредством любви к другим; но не легко приобрести это счастье» [Толстой, XXI: 200]. Без этого открытия не был бы написан ни подвиг Тушина, ни подвиг князя Андрея при Аустерлице, когда такой харизматической личностью создается неведомое науке напряжение духовное, особый энергетический импульс, увлекающий людей. Даже сцена бала, в которой всеобщее замешательство «робевших при государе кавалеров и дам» было преодолено именно князем Андреем, первым после адъютанта-распорядителя вошедшим в круг с Наташей, построена по тому же принципу.

Имеем ли мы право говорить о «полевой» форме существования души, и в какой степени понятие «поля», известное разве лишь в физике и имеющее там вполне специфическое значение, применимо к пространственно-временной концепции Толстого? На наш взгляд, Толстой в «Войне и мире» выразил художественно, а в поздних дневниковых записях (и даже некоторых ранних) научно сформулировал уникальную концепцию «паутины любви», т. е. силовых линий, формирующих особые поля взаимодействия между людьми, людьми и природой, а в случаях особой личностной одаренности — и между людьми и неживыми предметами.

Создание «фантастического мира» Тушиным сопровождается не поэтическим олицетворением, а именно оживлением в этом мире таких предметов, как пушки (свои и неприятеля), наделение их именами и определенными способностями (одна из пушек получает имя «Матвевна», пушки неприятеля становятся «курильщиками» и т. д.). Наделение неживых предметов именами, сознание уникальности любого имени и даже его сакрализация — все это черты мифологического видения мира. Получившая имя, а точнее патроним, являющийся еще более важным для «оживления», Матвевна в буквальном смысле слова одушевляется и начинает действовать сама по себе, угадывая намерения Тушина. Наделение Матвевны именем воскрешает воинский обычай давать имена пушкам и другому оружию (ср.: «Дюрандаль» — меч Роланда в «Песни о Роланде», «Экскали-

бур» — меч короля Артура, «Каладболг» — меч Фергуса в ирландских сагах и т. д.) Зато в этом мире упраздняется любая социальная и служебная иерархия, солдаты смотрят на Тушина, как дети, а не как подчиненные; князю Андрею доверительно рассказывают, что только что приезжало «начальство» и скорее «драло».

Называя «Войну и мир» «наиболее “религиозно-художественным” произведением Толстого», архиепископ Иоанн (Шаховской) отмечает: «Всего поразительнее то взаимопроникновение человека, природы и неодушевленных вещей, которое дано в мифическом восприятии действительности. Способностью такого восприятия был одарен капитан Тушин...

Даром мифического восприятия обладают первобытные народы всех частей света и всех времен; и в культурной среде эта способность очень часто встречается у детей и у очень многих художников. Этот тип восприятия мира вовсе не есть только фантастическое искажение действительности: исходя из него, можно прийти, правда, к нелепым басням и суевериям, но и наоборот, осторожно критически пользуясь данными этого богатого сложного видения, можно проникнуть в глубочайшие тайники подлинного непрестанно творчески изменяющегося бытия. Трансцендирование всякого бытия за пределы самого себя в пространстве и времени, возникающее отсюда взаимопроникновение элементов мира, нисхождение высших царств бытия в низшие и наоборот, причастие низшего бытия высшему, возникающий отсюда символический характер многих событий и процессов (в смысле реального символизма, а не условного — только), все эти трудно постижимые стороны мира открыты мифическому видению. Мифическое миропонимание стало в наше время предметом усиленного внимания ученых и философов...» [Шаховской, 1975: 150].

Как видим, И. Шаховской чрезвычайно высоко оценивает стилизованное «мифическое миропонимание» Толстого, несмотря, конечно, на общее резко отрицательное отношение деятеля церкви к религиозным поискам писателя. Единственное, с чем, по-видимому, нельзя согласиться в цитированных строках, — это то, что «у очень многих художников» встречается подобная толстовской сила такого миропонимания. Скорее всего, масштаб этой силы именно у Толстого уникален.

Механизм этого воздействия человеческой души на окружающее пространство совершенно недвусмысленно объясняется в дальнейшем: в эпизодах сна Пьера после Бородинского сражения, бреда князя Андрея в Мытищах и Ярославле, получения Кутузовым известия об уходе французов из Москвы. Описание речей и действий Платона Каратаева, снов Пети Ростова и Николеньки Болконского дополняют картину.

Об уникальных способностях самого Толстого в установлении контактов с животными, растениями, даже неживой природой, не гово-

ря уж о людях, писал И. А. Бунин в очерке «Освобождение Толстого». Интересен разбор сцены на батарее Тушина в книге И. Франка «Третий глаз»: «Поскольку мифологическое восприятие действительно соединяет человека с миром, оно одаряет его силой воздействия на мир. Хороший пример тому — эпизод с батареей Тушина в «Войне и мире»... То, что в фантастическом мире Тушина неприятельские пушки превращаются в трубки невидимого курильщика, вовсе не мешает ему, а наоборот, помогает результативно действовать» [Франк, 1993: 145–146]. И. Франк соединяет мифологическое восприятие с толстовской концепцией пространства: «Мифотворчество (или просто творчество) — единственный способ уцелеть в жизни... Если жизнь есть то, что соединяет нас с миром через Бога, то ее роль подобна роли искусства, то она и есть искусство... Обживая мир, человек чувствует, как возрастает его сила воздействия на мир. Он ощущает живые связи со всем...» [Франк, 1993: 143]. Действительно, Тушину казалось, что «уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что клочок поля, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом» [Толстой, IV: 242].

Мистическая сопричастность, «партиципация», характерная для мифологического мышления, предмет исследований антропологов и психологов, задолго до появления концепции Л. Леви-Брюля стала неотъемлемой частью художественного видения Толстого, у которого Тушин разговаривает с пушками, а Болконский — с волнами и дубом. Глубоко архаическая, мифологическая основа «Войны и мира» как новой Библии сказывается и в том, что мистическое участие и сопричастность человека окружающему миру, возрожденная Толстым в его лучших героях, связаны с образом пространства.

В конце жизни Толстой теоретически обосновывает связь психологической концепции сопричастности с образом пространства: «По мере того, как открывается сущность жизни, т. е. что человек узнает свою *безвременную, беспространственную* природу, уничтожается, умалется его материальная природа, т. е. разбиваются пределы, отделяющие его от других существ» [Толстой, XXII: 183; курсив наш. — Е. П.]. Возможно, поэтому в Кутузове, Болконском, Тушине нет внешнего богатырства, молодцеватости; в портрете Кутузова акцентируется мудрая мягкость и даже дряхлость, в Тушине — слабость, в князе Андрее — нервность и «несильное сложение», в Каратаеве — «доброе и круглое». Конечно, Толстой здесь развенчивает романтические, ура-патриотические и прочие «лит-т-тературные» восторги (от толстовского пренебрежительного словечка «лит-т-тератор»). Антиромантическая направленность автора «Войны и мира» в толстоведении уже не раз отмечалась. Однако осуждение романтизма и официально понимаемого героизма выглядело в 60-е годы уже

несколько запоздалым, и, наверное, не только эта сторона вышеперечисленных образов заботила автора (например, подвиг князя Андрея при Аустерлице изображен не романтически и не пародийно, а потолстовски). Главным здесь было для Толстого учение о сущности души. Тело, занимая часть геометрически исчислимого пространства, отделяет человека от других людей и существ, душа же, имея «беспространственную», с точки зрения Толстого, — нематериальную природу, формирует пространство-поле, объединяющее людей. «Выражение высшей, духовной жизни» [Толстой, VII: 32] отмечается в княжне Марье. Князь Андрей даже думал, что и душу Наташи «как будто связывало тело» [Толстой, VI: 220], и любил в ней «открытость душевную». «Перестроится мир не извне, а изнутри, — записывает Толстой в дневнике в 1904 г., — и потому вся энергия на внутреннюю работу» [Толстой, XX: 178]. В «Войне и мире» показано, как внутренняя работа Кутузова, Андрея Болконского, Пьера Безухова, Платона Каратаева, княжны Марьи, Наташи, Пети Ростова перестроила мир в эпоху войны 1812 г.

О Кутузове «Войны и мира» еще Н.Н. Страхов заметил: «Кутузов является нам как будто связанным какими-то невидимыми нитями с сердцем каждого солдата» [Страхов, 1984: 278]. Эта харизматическая способность получает у Толстого такое объяснение: «По неопределимой, таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии и составляющее главный нерв войны, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день передались одновременно во все концы войска» [Толстой, VI: 259]. Таинственная духовная связь, достигаемая Кутузовым, князем Андреем, Тушиным с массой людей, невидимое поле охвата — это то, что, по Толстому, нужно для установления мира в мире. Ведь Толстой, ставя своей целью создать новую религию, очищенную «от веры и таинственности», не отказался от самого слова «религия», которое возводят к латинскому “religo” («связываю»). М. Горький в очерке «Лев Толстой» говорит о связи уже самого Толстого со всем миром: «Весь мир, вся земля смотрит на него; из Китая, Индии, Америки — отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити, его душа — для всех и — навсегда!» [Горький, 1953: 198]. По-видимому, в самих текстах Толстого наличествует некая суггестивность, заставляющая различных читателей (и даже столь непохожих, как Страхов и Горький) воспринимать эти тексты как тексты о духовной связи, воплощающейся в образе «невидимых нитей». Сами же «нити», метафоризированные Страховым и Горьким, имели для Толстого прямой, осязаемый смысл. «Простая мысль — соединить две вещи шнурком, предполагая, что это установит связь между ними или послужит для передачи влияния, — осуществлялась на свете разнообразными способами» [Тайлор, 1989: 95].

Творя свой арахноидальный миф, в «Войне и мире» и в дневнике Толстой довольно часто использует выражение «всеми силами души», «все душевные силы», «по всей душе», «всем существом». По Толстому, в человека вложена необыкновенная духовная сила, переходящая иногда, при концентрации воли, в физическую силу или мощнейшую энергию. Эта-то духовная энергия и передается с помощью особых силовых линий, особого излучения. Явление, не известное науке, давно зафиксировано в языке («привлекательный человек», «отталкивающая внешность») и в мифе. В библейской мифологии это, например, Самсон, чья сила заключена в волосах (как будто в соответствии с этим, Толстой показывает Пьера, как пленного Самсона, подчеркивая, что за время плена у Пьера отросли волосы, и упоминая о том уважении, которое вызывала его физическая сила). «В индуистской символике волосы, подобно нитям пряжи, обозначают «силовые линии» вселенной» [Керлот, 1994: 125]. В фольклоре различного происхождения магическая сила приписывается волосам, бороде, нитям, пряже. «Война и мир» буквально прошита мотивом пряжи, паутины, вязания, и этот мотив связан не только с женскими образами (и не только образами античного мифа — Клото, Пенелопа, Ариадна), но и с мужскими: апостолы Андрей и Петр, рыболовы, которым суждено было стать «ловцами человеков», в известном инициале новгородской Флоровской псалтыри изображены как два рыбака, тянущие сеть. В христианской книжной традиции, например, у высоко ценимого Толстым чешского мыслителя Петра Хельчицкого (автора сочинения «Сеть веры», оказавшего влияние на «моравских братьев»), сеть символизирует силу притягательную, обращающую людей к добру и к Богу. В черновых вариантах «Войны и мира» осталось упоминание о том, что князь Андрей после аустерлицкого плена был спасен гернгутерами (последователями «моравских братьев»). С сетью связана и свеча, может быть, в силу того, что ее колеблющееся пламя дает вокруг себя свечение, подобное гало, особому ореолу, как бы сотканному из тонких нитей. В ряде славянских поверий Богородица для спасения грешников забрасывает в ад сеть из церковных свечей. В Мытищах при свете свечи князь Андрей представляет себе «здание» (миро-здание), воздвигающееся над ним из тонких лучиков-лучинок, для Пьера мысль об объединении связывается с приснившимся ему после Бородинского сражения словом «сопрягать», т. е. творить «пряжу». Наконец, и Платон Каратаев, а не только антропонимически связанные с апостолами герои, имеет отношение к спасительной «пряже». Каратаев завязывает и разматывает какие-то веревочки, развешивает их на колышках, даже *обрезает* что-то, достав ножик. Это работа Парок, недаром возникает и мотив Рока (Каратаев приговаривает: «Рок головы ищет»). *Шитье рубашки* французскому солдату, собирание *полосок полотна*, оставшихся об-

резков, совет Пьеру обвязаться, после чего Пьер приобретает бодрость и даже физическую силу, имеют в глазах Каратаева несомненное апотропеическое значение. Ритуально-обрядовое значение сети, нити как духовной поддержки и единения выступает совершенно наглядно. Каратаев и вербально создает подобный образ, напоминая Пьеру пословицу о счастье-бредне.

Противостояние наполеоновскому нашествию выражается не только в апотропеической магии пряжи. Дважды Наполеон в представлении героев Толстого «превращается» в ничтожное насекомое. После Аустерлицкого сражения князь Андрей придает словам Наполеона не больше значения, чем жужжанию мухи. В толстовском «лабиринте сцеплений» эта деталь перекликается с упоминанием о том, что «осенняя толстая муха» не могла разрушить «здание» из «лучинок». Толкование слова «Вельзевул» как «повелитель мух» было известно автору «Войны и мира», но ассоциативный подтекст эпизода отсылает к новому Вельзевулу — *жирному* Наполеону, который *осенью* 1812 г. покушается на разрушение Москвы и всего мира. Для Каратаева Наполеон — «червь», который «капусту гложет, а сам прежде того пропадает» [Толстой, VII: 52]. Круглая, как Каратаев, построенная по концентрическому принципу Москва представляет собой непонятное для линейно ориентированного червя «иное измерение». Наполеон начинает метаться и предпринимать те извилистые ходы, которые в конечном счете погубили его. «Жирный», «толстый» и запутавшийся в окружающем пространстве и в собственных интригах — это лейтмотив образа Наполеона в сознании автора «Войны и мира». В 1890 г. в письме А.И. Эртлю Толстой повторяет «войнамирческую» характеристику Наполеона, упоминая о его биографах: «Как ни раздувают они его величие, жалкая толстая фигура с брюхом, в шляпе, шляющаяся по острову и живущая только воспоминаниями своего бывшего quasi-величия, поразительно жалка и гадка» [Толстой, XIX: 183]. В «Войне и мире» метаситуация заблуждения, любимая всей русской литературой, адресована Наполеону. «Народность Толстого в том, что весь Наполеон и вся французская армия *напугана*», — писал В.Я. Пропп [Пропп, 1998: 147]. Согласно Проппу, и рассказывание — уже магия, «средство магического воздействия на окружающий мир» [Пропп, 1996: 356]. Поэтому и пословицы, произнесенные Каратаевым, и история, им рассказанная, тоже приближают победу.

В окружении таких метафор Наполеон мифологизируется и становится не просто историческим лицом в историческом романе, а олицетворением зла, как Вельзевул. Поэтому все рассуждения о том, насколько «верен» истории образ Наполеона в «Войне и мире», лишены смысла. Например, Валтасар, известный нам, скорее, из Библии, чем из других источников, — тоже историческое лицо, но

вряд ли мы можем упрекать авторов эпизода Валтасарова пира в том, что Валтасар изображен не таким, каким он был «на самом деле». Современный историк замечает: «Троянская война была мелким эпизодом в истории Средиземноморья 2-го тысячелетия до н. э. (вероятно, XIII в. до н. э.). Но, запечатленная в гениальной «Илиаде» Гомера, она стала казаться одним из центральных эпизодов в жизни человечества» [Формозов, 1995: 145]. Справедлива и мысль о том, что «только после “Войны и мира” Кутузов стал восприниматься как великий человек» [Формозов, 1995: 146–147], Наполеон же воспринимался как Антихрист не только Анной Павловной Шерер, но и русской публицистикой и журналистикой времен наполеоновских войн, так что мифологическое «укрупнение», типизация Наполеона как олицетворения зла и всей ситуации 1812 г. как метаситуации некоего Армагеддона не противоречит даже и «духу эпохи».

Стихи А.С. Пушкина о том, что Наполеон «русскому народу высокий жребий указал», Толстой выучил еще в детстве, и его отец, Николай Ильич Толстой, участник наполеоновских войн, слушал декламации своего младшего сына с умилением. Для того чтобы показать «высокий жребий» русского народа, Толстой и создал «Войну и мир» — как Книгу и как парафраз легенды об Андрее, а еще — и свой проект вечного мира. По Толстому, Наполеон «миру вечную свободу» вовсе не завещал (у Толстого свое понимание свободы и зависимости, высказанное во второй части «Эпилога»), а наполеоновский проект вечного мира есть зло, как и «все то, что разумно» [Толстой, XVIII: 789]. «Убийство, грабеж, наказание, все разумно — основано на логических выводах. Самопожертвование, любовь — бессмысленны» [Толстой, XVIII: 789].

С этой парадоксальной точки зрения Толстой, великий парадоксалист, рассматривает и кутузовский способ ведения-неведения войны, и стояние князя Андрея перед гранатой, и поведение Пьера в занятой французами Москве. Толстовский проект вечного мира, которым является «Война и мир», — это гигантский коан или апория (недаром в «Войне и мире» есть своеобразные «тексты в тексте»: античная апория и философские парадоксы, подготавливающие читателя к главному толстовскому парадоксу о войне и мире). Кутузов «никогда не противоречил тем людям, которые хотели ему что-нибудь доказывать» [Толстой, VII: 195]. Когда Растопчин упрекал его, что он обещал не оставлять Москву без сражения, Кутузов ответил, что он и не оставит Москву без сражения, хотя в Москву уже входили французы. И в этом нелогичном, сумасшедшем, как показалось Растопчину, заявлении Кутузов оказался прав! («Знающий не доказывает, доказывающий не знает» — «Дао дэ цзин», гл. 81).

Одним из ключевых для всего произведения является эпизод, в котором объединяются концепты мира, границы и смирения, а

также заявлен синтез христианского непротivления, даосского «недеяния» («увэй») и индуистской ахимсы — протivостоЯНИЕ на поле Бородина, когда князь Андрей и его полк *не сражаясь*, но и не убегая, морально побеждают Наполеона, с ужасом наблюдающего стойкость русских в подзорную трубу. «Великое стояние» как способ обороны Толстой вообще превратил в некий концепт русской жизни: оборона Севастополя в его же интерпретации, затем задуманный в романе о декабристах образ декабриста как «мистика, христианина», наконец — «Сказка об Иване-дураке...». Герой эпоса (Арджуна в «Махабхарате», Ахилл в «Илиаде»), как известно, всегда философски медлит перед решительным сражением. Аллегорическая литература отводила изображению сражения значение процесса духовного преобразования, иногда сражение представало аллегорией внутренней борьбы со страстями. Изображение Бородинского сражения в «Воине и мире», конечно, не аллегория, но не случайно рассказ Толстого о Бородинском сражении как о *действии* завершает сцена прощения князем Андреем Анатоля, подчеркнуто соотношенная с высоким настроением эпизода созерцания облаков после Аустерлица. По мысли И.С. Аксакова, для Толстого как создателя сцены на перевязочном пункте Бородина наступило «внутреннее просветление» и «освятилось искусство» [Аксаков, 1982: 281]. Следующие две главы, последние во второй части третьего тома, посвящены подведению моральных итогов сражения.

Принцип недосказанности, близкий к понятию японской эстетики «югэн», окрашивает, возможно, и описание поведения князя Андрея в момент, когда перед ним падает граната. Перед этим он то вертел в руке веточку полыни, то шагал «от межи до межи» [Толстой, VI: 261]. Недосказанность в том, что собиранье полыни и хождение у межи может быть интерпретировано как средство отвлечься от ужасного положения резервов, находящихся под огнем и не вступающих в бой, а может быть понято как соблюдение ритуала «хождения по меже». Точно так же есть два объяснения того, что Болконский не пытается спастись от гранаты: во-первых, соображения офицерской чести и, во-вторых, проекция на ритуал почитания священных границ и протivодействия войне в форме «хождения по меже», восходящий, возможно, к митраизму. Чтобы остановить распря, войну, проводили умиротворяющий обряд. «Славяне при утверждении мирных договоров подавали пучок сорванной травы... В спорных делах о земле и межах употреблялся юридически признанный обряд хождения по меже», — пишет А.Н. Афанасьев [Афанасьев, 1983: 59–60]. Н.И. Толстой также говорит об обряде межевания, связанном с хождением по меже, и указывает, что «порог, проточная вода ... межа, окно и т. п. оказываются во многих обрядах манифестантами и символами границы» [Толстой, 2003: 302]. «В спорах о границе участков, при-

надлежащих разным лицам или общинам, тот, кто настаивал на определенной границе, должен был по ней пройти с дерном, то есть с куском земли и травы на голове, и тем самым установить правду» [Толстой, 2003: 507]. Такой обычай сохранялся в русской деревне, как свидетельствует, например С.В. Максимов, вплоть до XX в. [Максимов, 1994: 213].

Необходимость точного воспроизведения сакральных действий ритуала «хождения по меже» может объяснять то, что в Бородинском сражении Болконский не сдвигается с места при падении перед ним гранаты. Вождь или волхв, дающий клятву на меже, не должен изменять маршрут, не волен хотя бы на шаг отступить от предначертанной границы и тем самым нарушить *договор*, потому что это грозит страшной бедой всему племени. Христианско-буддистское непотивление (полк князя Андрея находится в резерве и не делает ни единого выстрела) подкрепляется языческим действием: князь Андрей, держа в руках траву (немаловажно, что это именно полынь, обладающая отчетливой народнопоэтической и христианской символикой, например в Апокалипсисе), безотчетно направляется к меже. До какой степени безотчетно — этого не знает ни автор, ни герой. Столь же интуитивно солдаты его полка, ожидая неминуемой гибели и удерживаясь от желания броситься в битву, занимались, совсем в духе героев лермонтовского стихотворения, чисткой кивера или штыка, растиранием земли в ладонях (тоже, в общем, мифопоэтический жест апелляции к матери — «сырой земле»); вот и поведение Болконского восходит к архаическому ритуалу установления мира. Произнесенная им мысленно магическая формула («Люблю эту траву, землю, воздух» [Толстой, VI: 262]), по сути, близка архаическому ритуалу исповеди земле, траве, дереву; почему-то соответствие этому ритуалу указывается в научной литературе лишь для сцены покаяния Раскольникова в «Преступлении и наказании».

Название «Война и мир» связано с Митрой уже в силу митраической этимологии слова «мир». Основная функция Митры — объединение людей и установление с ними договора, соотносящегося с универсальными космическими законами. Митра — устроитель космоса и социума, мира, дружбы, симпатии. Он осуществляет медиационную функцию между внешним и внутренним пространством («сопрягает»), между небом и людьми; он же разграничивает добро и зло. «В языке Авесты это слово означает “договор”, “согласие”. Митра, согласно древнеиндийской мифологии, следит за исполнением договоров между людьми и, если договоры соблюдаются, охраняет границы земли, где живут такие люди, — это ядро концепта “мир” в его древнейшем виде» [Степанов, 1997: 98]. Мифопоэтическая историософия «Войны и мира», книги, представляющей собой проект вечного мира, не может не вбирать в себя митраические основы

именно потому, что митраизм — религия, в которой обожествляется само согласие, объединение, взаимопонимание людей, что для Толстого было высшей ценностью.

Митраическую ненависть к недобровольным границам, разъединяющим людей, Толстой пронес через всю жизнь. В 1884 г. в трактате «В чем моя вера?» он пишет: «Я знаю теперь, что единство мое с другими людьми не может быть нарушено чертою границы и распоряжениями правительств о принадлежности моей к такому или другому народу. Я знаю теперь, что все люди везде равны и братья» [Толстой, 1928–1958: 460]. Апокалиптический образ полыни (чернобыла), растущей на меже, оказывается ключевым и в рассказе «Хозяин и работник» (1895), причем сохраняет, наряду с христианской, и митраическую семантику.

Организация пространства в «Войне и мире» близка к мифологической «внутренней точке зрения на пространство» [Стеблин-Каменский, 1976: 31], и этой внутренней, ближайшей к сакральному центру точкой является изба. В темной избе под образами происходит восстановление, воздвижение мира-пространства и мира-согласия, от которого остались «одни бессмысленные явления, без всякой связи» [Толстой, VI: 43], «одни бессмысленные развалины» [Толстой, VII: 49], как представлялось князю Андрею и Пьеру. «Завалившийся» мир вместо связанного любовным тяготением (образ, восходящий к Св. Августину) — это и восприятие окружающего, и внутреннее состояние героев Толстого, которое они переживают в 1812 г. Восстановление мира, разрушенного Наполеоном, начинается с темной избы. С этим локусом связаны два важнейших эпизода, в которых Кутузов, собрав все свои душевные силы, воздействует на ход войны (совет в Филях и получение Кутузовым известия об уходе французов из Москвы). В Филях Кутузову, оставшемуся без сочувствия своих генералов, помогает Малаша, протягивая ему незримую нить любви. Одной Малаше было видно лицо Кутузова в темной избе, и она явилась единственным существом, поддержавшим душевные силы человека, решавшего судьбу армии и столицы. Несомненна и перекличка этого эпизода со встречей князя Андрея с девочками, утащившими сливы. (Дети и плоды, дети и ягоды — это тоже лейтмотив творчества Толстого, имеющий отношение к его художественной сотериологии.) Подробно описано *пробуждение* окружения Кутузова при получении известия об ушедшем из Москвы Наполеоне, а также бодрствование Кутузова перед получением этого известия: «Погибель французов, предвиденная им одним, было его душевное, единственное желание» [Толстой, VII: 122]. Лежа в темной избе под образами, концентрируя всю свою душевную энергию, Кутузов выгоняет французов из Москвы. Библейское выражение «наложена рука» относится и к этому эпизоду, а не только к Бородинскому сражению. И здесь сильнейший

духом побеждает. Немаловажная деталь: денщики и генералы, просыпаясь, зажигают свечи. Еще один символ границы жизни и смерти, но и спасения — дверь. О Коновнице сказано, что дверь в его комнату была всегда открыта (профанное объяснение: он ждал доносений; с точки же зрения мифо-ритуальной двери храмов должны быть открыты пока идет война).

В сне князя Андрея перед смертью попытка закрыть дверь не есть только символизация борьбы со смертью (князь Андрей вообще не борется со смертью, а свободно выбирает ее как «универсализацию» своей личности [Недзвецкий, 1997: 234; Берман, 1992: 81–193]). Новозаветная символика свечи и двери, вобравшая в себя и mitraический концепт границы, здесь имеет то же сотериологическое значение: князь Андрей концентрирует душевные усилия, чтобы закрыть двери войны (тот же смысл и в заботе старого князя Болконского о новых задвижках для дверей, за которыми он посылает Алпатыча в Смоленск, почти уже занятый неприятелем). У сна Андрея Болконского есть и буддистский подтекст, который, однако, выходит за рамки темы войны.

Гостиница в Троице, потом гостеприимный дом в Ярославле, вообще тема смерти *в дороге* — отсылка к античной семантике смерти как *гостиницы широкодверной*. (Ср., например, сюжет картины передвижника С.В. Иванова «В дороге. Смерть переселенца», 1889.) Дверь как символическая деталь подчеркивается и в интерьере темной избы в Мытищах (эпизод свидания Наташи и князя Андрея). Само название «Мытищи» отсылает к пограничному локусу («именно там взимали мыту — налог» [Телегин, 2006: 242]). Андрей Болконский желает прихода Наташи так же сильно, как Кутузов желал бегства Наполеона. То и другое происходит. Вместе с тем эпизод бреда князя Андрея в Мытищах — один из кульминационных моментов произведения, сотериологический и космогонический смысл которого, «воздвижение мира», несомненен. Вишнунитские мотивы *пробуждения* и *равновесия* (в ведийской мифологии мир творится из хаоса, причем не единожды, а циклически, функция организующего мир центра принадлежит Вишну, который творит мир, *пробуждаясь* и сохраняя его *равновесие*) переплетаются здесь с мотивом жертвы, даже ритуального спарагмоса, неперемного атрибута космогонического ритуала. Так, князю Андрею кажется, что он расчленен на части, что все силы его души действуют отдельно, он чувствует, что должен держать равновесие, чтобы не «завалилось» здание из лучинок и иголок. Мотив ритуального спарагмоса имеет в этом эпизоде кросс-уровневый характер, так как базируется не только на лексической, но и на анаграмматической семантике, подобно анаграммированию в гимнах «Ригведы». Эта космогония дополнена размышлениями Болконского над новозаветной сотериологией, жертвенностью Сына. Архетипический смысл

эпизода — божество, которое творит мир (или из которого творится мир), вступает в борьбу с силами хаоса, умирает/засыпает, но мир искуплен и спасен [Полтавец, 2010: 124–147]. Мнимую оноματοпею в этом эпизоде (не понравившуюся К.Н. Леонтьеву) концептуально рассматривали Б.И. Берман, И.М. Франк, J. Weeks. Тавтология, анаграммирование, паронимия, хиазматические конструкции, которыми насыщен текст этого эпизода и которые вообще-то не характерны для стиля Толстого, говорят о том, что эпизод имеет огромное значение («анаграмматический текст в целом тяготеет к классу эзотерических текстов», как отмечает В.Н. Топоров [Топоров, 1987: 216]). Анаграммы присутствуют в «особо значимых сгущениях» содержания, при «резком возрастании смыслового напряжения» [Топоров, 1987: 195]. То же значение имеет и хиазм. («Фигура хиазма в речи или стихах выявляла глубинный, магический смысл слов, и так же крестообразное расположение вещей во внешнем мире выявляло их внутренний смысл. Хиазм — одно из древнейших проявлений символики креста» — [Степанов, 1997: 108].) Сны Пьера о «сопряжении» и шареглобусе из капель также построены на приемах анаграммирования и на паронимии («КАратаев ПЛАтон» — «КАПЛА»); оноματοпея, уже не мнимая, создает «музыку сфер» в сне Пети Ростова. Вся эта мифо-ритуальная онейротопика и есть рассказ о том, как Россия победила Наполеона в 1812 г. и о том, как вообще может «воздвигаться» (ключевое слово описания бреда князя Андрея в Мытищах и размышлений Пьера в плену) мир без войн. J. Weeks, справедливо возражая К.Н. Леонтьеву, считавшему звукообраз «пи-ти» неоправданной оноματοпеей, доказывает, что эпизод в Мытищах переносит действие в «область метафизики» (“the realm of metaphysics” [Weeks, 1989: 63] и настаивает, что Толстой рисует состояние князя Андрея как своеобразный инсайт, озарение, получение откровения (“revelatory experience” [Weeks, 1989: 73]). Звуки «шепчущей музыки», как и музыка, которую слышит во сне Петя Ростов, с точки зрения американского исследователя, рождены не внешним миром (стрекотанием сверчка), а неким мистическим озарением. Однако Weeks соотносит образный код эпизода исключительно с упоминаемым на этих страницах Евангелием, тогда как христианская сотериология в художественных произведениях Толстого (начиная с «Войны и мира») переплетается с восточной «вечно возвращаемой» космогонией.

Подобным образом эпизод с Николенькой Болконским в «Эпизоде» и репрезентирует метаситуацию Гефсиманского моления (с мотивами пробуждения и бодрствования, лампы и трехкратного обращения к «Отцу»), и содержит отсылку к античной жертвенности («люди Плутарха»). При этом (в данном случае Толстой по отношению к Плутарху вовсе не ироничен) подчеркивается именно жертва Муция Сцеволы, который спас Рим от нашествия Порсены

и преуспел не тогда, когда хотел убить завоевателя, а когда поразил его величием духа, вследствие чего вождь этрусков сам отказался от войны с Римом. В подтексте реализуется «сцепление» с темой войны 1812 г.: Порсена, так сказать, «высокий жребий указал» осажденному им Риму, дав повод проявить жертвенность и силу духа.

Имплицитная отсылка к еще одной прототипической ситуации противостояния завоевателю содержится в упоминании о раме с «изображением владетельного князя в короне» [Толстой, IV: 129], родоначальника рода Болконских. Может быть, это аллюзия на подвиг князя Михаила Черниговского, одного из древнерусских святых князей, который, подобно Сидхартхе, вышедшему навстречу врагам во время нападения на его родной город, хотел воздействовать на врагов не мечом, а словом убеждения и добровольно явился в Золотую Орду в 1246 г. Волконские, а значит и автор «Войны и мира», считали его своим предком. Это уже не мифопоэтические черты «Войны и мира», а исторические параллели. Как вольнодумец, Андрей Болконский посмеивается над тем, что его отец придает значение древности рода, однако аллюзия как текстовый сигнал сохраняет возможность и других «сцеплений», в том числе и напоминания о мирном подвиге нравственного противостояния.

Еще один аспект темы войны — концепт «небо». Для князя Андрея с его мифологическим сознанием облака — существа, с которых люди должны брать пример, облака как бы зовут в свой прекрасный мир. Можно предположить, что это что-то вроде валькирий в скандинавской мифологии, небесных дев, уносящих павших на поле боя в Вальгаллу. Имя одной из валькирий — Мист, что означает «туманная», иногда валькирии используют облака как средство передвижения; известна мифопоэтическая взаимозаменяемость облака и коня. Однако валькирии воинственны, в облаках же князя Андрея ничего воинственного нет. Согласно поверьям западных и южных славян, убитые на поле боя и вообще безвременно погибшие превращаются в демонов облаков — «планетников», получая таким образом власть над атмосферными явлениями — дождем, снегом, туманом. Иногда планетниками становятся живые люди, переносящиеся на небо временно — во время сна, тяжелой болезни и т. п.

Разумеется, восприятие облаков у князя Андрея никак не ориентировано на какие-либо конкретные поверья или мифы. Но тем самым Толстой придает всей сцене первозданный смысл, возникающий как бы впервые за всю историю человеческих войн. Нефеломания Болконского неожиданна для него самого (тем и достигается контраст между суетностью людей и возвышенностью неба) и загадочна. Не дается никаких намеков на его выздоровление, возвращение — он действительно как бы исчезает, как будто стал на время гостем Вальгаллы или сделался планетником и т. д. Не объясняется, почему родные не

получили его письма и даже где он провел четыре месяца (намек на воскрешение Лазаря четверодневною), зато он появляется в Лысых Горах вместе с метелью, которой именно планетники и управляют (планетники могут возвращаться с небес вместе с ливнем или снегом). Фантастики нет, но есть недосказанность.

В эпизоде оставления русской армией Смоленска (исхода из Смоленска) очень значима иудаистическо-христианская мистика облака: образ облака пыли, стоявшего над войском на Смоленской дороге, а также описание осыпавшихся хлебов и утренней росы напоминают ветхозаветный образ «столпа облачного» как знака присутствия Бога и другие детали блуждания по пустыне из Книги Исход, главы 13 и 14. (В русской поэзии этот образ встречается в поэзии А.Н. Апухтина и Д.Л. Андреева.) Впечатление какого-то архаического скорбного ритуала подчеркивается и словами Болконского, обращенными к Алпатычу («И народу вели уходить» [Толстой, VI: 130]). Упоминание о вытопанных и осыпавшихся хлебах, гибели урожая может являться также своеобразной инверсией фольклорного мотива «мучения злаков», потому что причиной «мучения» становится не жатва урожая, а жатва войны.

В качестве геральдического символа облако изображается на гербах, в этом случае его семантика связана с божественным покровительством, одобрением и т. д. Облако было изображено и в гербе графов Тизенгаузен. Общеизвестной прототипической ситуацией подвига князя Андрея в Аустерлицком сражении является гибель в этом сражении одного из графов Тизенгаузен. «Любимый зять Кутузова, флигель-адъютант граф Тизенгаузен, со знаменем в руках повел вперед один расстроенный батальон и пал, пронзенный насквозь пулею», — свидетельство А.И. Михайловского-Данилевского, историка, в 1812 г. одного из адъютантов М.И. Кутузова [Михайловский-Данилевский, 1844: 184]. Труды Михайловского-Данилевского были в центре внимания Толстого в период работы над «Войной и миром», а вот о знакомстве Толстого с геральдикой Тизенгаузен и заимствовании образа облаков можно только строить предположения.

Гибель со знаменем в руках сама по себе рассматривалась как знак божественного вмешательства, но не гнева, а особого благоволения высших сил к убиенному. Так, кроме Ф.И. Тизенгаузена, в эпоху наполеоновских войн «имел славную, редчайшую участь быть убитым с полковым знаменем в руках» [Мурьянов, 1996: 112] генерал-майор А.А. Тучков 4-й, на месте его гибели был возведен храм в память как о его доблести, так и о своеобразной иерофании. Конечно, в эпизоде с князем Андреем на поле Аустерлица есть и этот смысл небесного вмешательства, недаром подчеркиваются божественные символы: облака и образок.

Образ облаков в «Войне и мире» — это не девушка-облако в произведениях романтиков, а во всем эпизоде развивается вовсе не

тема любви человека к сверхъестественному существу, как, например, в рассказе «Облако» К.С. Аксакова. Однако тихие, спокойные и торжественные облака у Толстого — это и не образ-символ, и даже не образ-олицетворение, а образ-сравнение. Поведение и внешность (!) облаков князь Андрей сравнивает с поведением и «озлобленными и испуганными лицами» людей, что возможно только при наделении облаков сознанием в духе какого-нибудь царя Афаманта, пленившего красотой Нефелы. Если для Болконского возможен разговор с дубом или обличение елей в лицемерии, то совершенно закономерно и противопоставление симпатичных ему мирных и скромных существ в виде облаков несимпатичным военным. Позже Болконский так же внимательно, как он наблюдал за поведением облаков, слушает, что ему говорят волны в реке (другая ипостась облаков).

Образ неба дополняется величественной картиной разговора звезд (венчающей эпизод братания русских солдат с Рамбалем и Морелем) и созерцанием неба Пьером (несомненные отсылки к образу неба у И. Канта, а в пении солдат и Мореля “Vive Henri Quatre” — еще и к проекту вечного мира, автором которого являлся по преданию Henri Quatre, а на самом деле его министр Сюлли). Это бесподобное «Виварика!» звучит, как гимн миру, и даже «полюнь», пословицу о которой вспоминает русский солдат, теперь манифестирует терпимость и «толерантность» (как модно выражаться сейчас).

Многие исследователи (наиболее подробно Г.Я. Галаган [Галаган, 1981]) рассматривают оспариваемые Толстым в «Войне и мире» философско-исторические концепции, относившиеся в разное время их авторами к проектам вечного мира, но думается, что не только идейный, но и жанровый смысл полемики Толстого с этими проектами (и даже только упоминаний об их авторах) должен быть принят нами во внимание. Собственный проект вечного мира, каковым является «Война и мир», Толстой создавал, опираясь не на историю, философию или политику, а на этику. В этом смысле учителями человечества и, так сказать, единственно успешными создателями проекта, которые рассматривались Толстым в качестве предшественников, были Будда, Христос, апостол Андрей, св. Франциск, а также позднее оцененный Толстым Лао-цзы, словом, создатели и распространители учения о непротивлении.

Однако анализ семантики античной антропоники, которой столь насыщены первые сцены «Войны и мира» и вообще повествование о 1805 г., наводит на мысль, что в сюжете о неудачах русской армии и русской дипломатии того времени Толстым рассматривается и отвергается тот вариант проекта вечного мира, который может быть условно назван «античным». Имя Александра I проецируется (как это в действительности и происходило в русском обществе, а особенно в придворных кругах при начале войн с наполеоновской Францией)

на легенды об Александре Великом и миф о походе Агамемнона. Толстой начинает свою историсофию с демонстрации парадокса: завоеватели (к которым причисляется в итоге и Наполеон) считали себя поборниками идеи вечного мира. Александр Македонский рассматривал свои походы как средство объединения мира и прекращения распрей народов; всеахейский сбор племен и «кораблей» на Троянскую войну был бы невозможен, как известно, без некоторого проекта мира, предложенного хитроумным Одиссеем: женихи еще перед выбором Елены должны были дать клятву, что будут защищать ее избранника (античная красота «мраморной» Элен, намек на Парок в сравнении с «прядильной мастерской», проанализированный Б.М. Гаспаровым, — не единственные отсылки к теме Троянской войны на первых страницах «Войны и мира»). Таким образом, попытки объединения народов под эгидой пассионарности (как мы сказали бы сейчас, используя терминологию Л.Н. Гумилева, родившуюся, кстати, и из наблюдений над историсофией «Войны и мира»), т. е. вариант Александра Македонского и Наполеона, а также попытки дипломатического установления «политического равновесия», т. е. вариант Одиссея и Александра I, одинаково никуда не годятся. «Война и мир» должна стать, по замыслу Толстого, новым наглядным проектом вечного мира. Поэтому в первом же эпизоде подвергается сомнению проект аббата Морио (аббата Пьяттоли), в дальнейшем упоминаются И.Г. Гердер, Генрих IV, несомненные реминисценции, связанные через мотив звездного неба с Кантом (все это имена, так или иначе имевшие отношение к идее вечного мира).

Толстой имел полное право сообщить в одном из писем: «Я напишу такое бородинское сражение, какого еще не было» [Толстой, XVIII: 668]. «Фантастическое произведение» [Франк, 1993: 156], построенное на «фальсификации русской истории» [Руднев, 2000: 200], «Война и мир», конечно, не только не «исторический», но и не «роман» (сразу оговоримся, что процитированные нами слова о фантастичности и фальсификации ни у их авторов, ни у нас никаких отрицательных смыслов не несут). Летописная легенда об Андрее тоже фальсифицирует историю, но какое огромное значение имел сам факт ее присутствия в народном сознании! Толстой-то, конечно, не уставал говорить, что фальсификация свойственна любому историческому сочинению и даже рассказам очевидцев событий, поэтому задача первостепенной важности — проникнуть в нравственный смысл совершающегося.

«Есть ли национальное самоутверждение нравственная правда или, наоборот, неправда?» — задавался вопросом П.Б. Струве [Струве, 2002: 217] в связи с произведениями Толстого. На этот вопрос и без знания поздней толстовской публицистики легко ответить: конечно, неправда. «Война и мир», даже с ее знаменитой «дубиной

народной войны», ставшей на долгие годы идолом отечественного толстоведения, — произведение о том, как победили: слабость — силу, смирение — насилие, дух — плоть, а мир — войну. «Немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (I Кор.;1:27). «В этом историософский смысл «Войны и мира», а отнюдь не в какой-то национально-патриотической идее», — пишет В.Н. Ильин, цитируя послание апостола Павла [Ильин, 2000: 293]. Толстовская «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» (1885) с ее метаситуацией «дурацкого царства», не имевшего ни денег, ни армии, ни чиновников и не сражавшегося против врагов, — резюме «Войны и мира».

Патриотизм же князя Андрея и Кутузова тот, что и у русских страстотерпцев. «Подвиг непротivления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа», — считал Г.П. Федотов [Федотов, 1990: 49]. «Противление» дубины не было злом, потому что оно не было разумным, это было произвольное, бессознательное движение гиганта. Тихон Щербатый тоже показан Толстым как человек, действующий вполне инстинктивно. Когда князь Андрей говорит о том, что он не брал бы пленных (хотя во всей книге не только князь Андрей никого не убивает, но и вообще не показано ни одного случая убийства француза русским), смысл слов князя Андрея, сближающегося здесь с парадоксалистами Достоевского, в том и состоит, что заповедь «не убий» должна быть абсолютной. Почему пленных убивать нельзя, а не пленных — можно? Этот смысл становится особенно наглядным в контексте дальнейших слов Болконского, где он доказывает, что война — дело, противоречащее всему христианскому учению («Цель войны — убийство...» [Толстой, VI: 219]).

Нам трудно отрешиться от взгляда на «Войну и мир» как на патриотическое произведение о справедливой войне. Между тем Толстому становилось все яснее, что война — бедствие, к которому непрilожимы такие понятия, как справедливость (говорить о правилах войны и о «миролюбивой» войне мог только Наполеон в своих записках, которые Толстой цитирует, чтобы показать всю глубину охватившего Наполеона кесарева безумия). Сетования Наполеона на то, что русские вели войну не по правилам, Толстой комментирует в духе князя Андрея: «Как будто существовали какие-то правила для того, чтобы убивать людей» [Толстой, VII: 130]. Между тем предполагается, что «правила войны», разработанные христианами, существуют. Например, J.R. Watson в статье “Warfare and it’s Values: the Case of Tolstoy” (“Война и ее ценности: случай Толстого”) напоминает о восходящем еще к Св. Августину учении о справедливой войне и

считает, что война имеет некие нравственные ценности. «Правил» войны он называет пять:

1. Война должна быть объявлена законным правительством;
 2. Она должна вестись за справедливое дело;
 3. Она должна быть последним средством;
 4. Она должна вестись со справедливыми намерениями;
 5. Она должна вестись должным образом»
- [Watson, 1999: 30. Перевод наш. — *Е. П.*].

Вооружившись такими правилами и заручившись авторитетом Св. Августина, автор статьи находит, что Толстой вполне допускает возможность справедливой войны, что «религия и война могут рассматриваться как идущие рука об руку, при условии, что война ведется за справедливость» [Watson, 1999: 32. Перевод наш. — *Е. П.*]. В качестве примеров приводятся сцена молитвы Наташи в церкви и целование иконы перед Бородинской «справедливой» битвой. Между тем для Толстого уже в период создания «Войны и мира» ни о какой справедливой войне не может быть и речи.

Апория о победе «стоянием», непротивлением вплетена в рассказ Толстого о Бородинском сражении таким же образом, как сокровенная мысль вплетается в причудливый сюжет человеческого сновидения. В 1908 г. Толстой записал в дневнике свой сон о Христе: «Переживаю драму Христа. Я — и Христос и воин» [Толстой, XXII: 281]. Здесь действительно драма «раздирания», противоречия между непротивлением и «воином», абсолютностью заповеди и живым человеческим чувством. Толстой воспроизводит в себе, в своих снах и в своих героях, архетипические образы мудреца и воина, страдающего бога, «увечья или физической слабости, которые сочетаются с темой *sparagmos*'а и ритуальной смерти и часто являются ценой необыкновенной мудрости или мощи» [Frye, 1990: 193. Перевод наш. — *Е. П.*]. В.Н. Ильин, находивший в Толстом «конфликт мистика и рационалиста» [Ильин, 2000: 186], в сущности, не учитывал того, что этот конфликт снимается в мифологическом мышлении. «Война и мир» с упоминающимися на ее страницах Давидами и Голиафами, Ахиллесами и Сцеволами, Агамемнонами и Парисами, Петрами и Андреями, Лысыми Горами и «божьиими людьми» являет собой синтез великого множества мифологических сюжетов, причем Толстой с неземной интуицией прозревает их общий трансцендентальный источник и в синтезе этом видит залог осуществления «давнишней традиционно-русской мечты о прекращении истории в западном значении слова ... о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое "миром"», как писал О.Э. Мандельштам [Мандельштам, 1987: 90]. В поисках этого «мира» Толстой и решил остановиться на том примере русской истории (1812), который давал

возможность ответить на вопрос о предназначении России в мире, поставленный (или завещанный), судя по летописи, еще апостолом Андреем, и показать архетипическое победительное смирение, т. е. автор «фальсификации русской истории» шел не от истории к ее смыслу, а от архетипического смысла (и своего глубокого убеждения) к демонстрирующему его историческому факту. И создал свой проект всеобщего мира.

Список литературы

- Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. М., 1982.
- Анненков П.В.* Критические очерки. СПб., 2000.
- Афанасьев А.Н.* Древо жизни. М., 1983.
- Берман Б.И.* Сокровенный Толстой. М., 1992.
- Галаган Г.Я.* Л.Н.Толстой. Художественно-этические искания. Л., 1981.
- Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр). М., 1968.
- Горький М.* О литературе. М., 1953.
- Зайцев К.И.* (Архимандрит Константин). Толстой как явление религиозное // Русские мыслители о Льве Толстом. Тула, 2002.
- Зелинский В.А.* Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Ч. 3. М., 1905.
- Зелинский В.А.* Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Ч. 4. М., 1908.
- Зелинский В.А.* Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Ч. 5. М., 1911.
- Ильин В.Н.* Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб., 2000.
- Кареев Н.И.* Историческая философия в «Войне и мире» // Вестник Европы. 1887. Кн. 7.
- Катаев В.Б.* Литературные связи Чехова. М., 1989.
- Керлот Х.Э.* Словарь символов. М., 1994.
- Леонтьев К.Н.* О романах гр. Л.Н.Толстого. Анализ, стиль и веяние. *Критический этюд.* М., 2012.
- Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.
- Мандельштам О.Э.* Слово и культура. М., 1987.
- Минакова А.М.* О функциях мифа в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник. Тула, 1992.
- Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844.
- Мурьянов М.Ф.* Из символов и аллегорий Пушкина. М., 1996.
- Недзвецкий В.А.* Русский социально-универсальный роман XIX века. М., 1997.
- Николаева Е.В.* Миф и религия // Миф-Литература-Мифореставрация. М.; Рязань, 2000.

- Полтавец Е.Ю.* Космогонический миф и «миротворческий» ритуал в романе Л.Н.Толстого «Война и мир» // Язык мифа. Материалы Международной научно-практической конференции 10 октября 2009 г. М., 2010.
- Пропи В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.
- Пропи В.Я.* Поэтика фольклора. М., 1998.
- Руднев В.П.* Прочь от реальности. М., 2000.
- Серебряный С.Д.* Лев Толстой и буддизм // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2007. № 1.
- Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л., 1976.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Страхов Н.Н.* Литературная критика. М., 1984.
- Струве П.Б.* Лев Толстой // Русские мыслители о Льве Толстом. Тула, 2002.
- Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989.
- Телегин С.М.* Философия мифа. Введение в метод мифореставрации. М., 1994.
- Телегин С.М.* Миф, мифореставрация и трансцендентальная филология // Миф-Литература-Мифореставрация. М.; Рязань, 2000.
- Телегин С.М.* Миф и бытие. М., 2006.
- Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1978–1985. В квадратных скобках римские цифры обозначают тома, арабские — страницы.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 23. М., 1928–1958.
- Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М., 2003.
- Топоров В.Н.* К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- Топоров В.Н.* Ведийская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 1991.
- Ульмжиев Д.Б.* Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818–1863). Улан-Удэ, 1993.
- Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990.
- Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995.
- Франк И.М.* Третий глаз. Диалектика искусства. М., 1993.
- Хализев В.Е., Кормилов С.И.* Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». М., 1983.
- Цурганова Е.А.* Герменевтика // Современное зарубежное литературоведение. М., 1999.
- Шаховской И. (Архиепископ Иоанн).* К истории русской интеллигенции (Революция Толстого). Нью-Йорк, 1975.
- Birukoff.* Tolstoi und Orient: Briefe und sonstige Zeugnisse über Tolstois Beziehungen zu den Vertretern orientalischen Religionen von Paul Birukoff. Zürich; Leipzig, 1925.
- Frye N.* Anatomy of Criticism. Princeton; New Jersey, 1990.
- Watson J.R.* Warfare and it's Values: the Case of Tolstoy // Through Each Others Eyes: Religion and Literature. М., 1999.
- Weeks J.* Love, Death and Cricketsong: Prince Andrei at Mytishchi // In the Shade of Giant: Essays on Tolstoy. Berkley; Los Angeles; L., 1989.

Сведения об авторе: *Полтавец Елена Юрьевна*, канд. филол. наук, доцент Московского городского педагогического университета. E-mail: nedzvetsky@bk.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И.С. Сенина

КЛАССИФИКАТОРЫ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СТРОЕВОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена обзору одного из разрядов строевых слов — классификаторов, т. е. знаменательных слов, выражающих таксономические отношения и выполняющих служебные функции в составе определенных синтаксических конструкций. Рассмотрены позиции для классификаторов, условия их факультативности и особенности трансформационного потенциала

Ключевые слова: строевые слова, классификаторы, дескрипции, предикаты таксономической характеристики.

This article is devoted to the problem of structural words and particularly to one of their kinds — classifiers. Classifiers are catagorematic words that can designate subsumption relation and function as syntactic words in the positions of descriptions and predicates of taxonomic characterization. There is a review of positions for classifiers and the question of optionality is discussed.

Key words: structural words, classifiers, descriptions, predicates of taxonomic characterization.

В рамках функционального подхода к исследованию грамматики одним из основных вопросов является выявление особенностей функционирования лексических единиц разной семантики в пределах высказывания и текста. Традиционная грамматика не учитывает в полной мере синтаксический фактор при описании лексико-грамматических разрядов. Обнаружение синтаксических возможностей слов и учет при их анализе коммуникативного фактора позволяет лучше описать их семантику и грамматический статус. Так, для данного исследования актуален пересмотр некоторых семантических разрядов существительных, обнаруживающих специфику в употреблении.

У исследователей, работающих на стыке грамматики и лексики, традиционно вызывает интерес проблема имен с широким значением, обнаруживающих при значительном лексическом разнообразии определенную грамматическую общность.

К группе слов с широким значением, или широкозначных существительных (термин, используемый М.Я. Блохом и его учениками [Блох, Лотова, 1980]), относят в лексикологических исследованиях «особую категорию знаменательных слов, характеризующихся мак-

симально обобщенным, абстрактным значением. К таким словам в английском языке относятся существительных типа *thing, fact, way, matter, affair, stuff*. Своеобразная семантическая природа этих слов определяет их особую роль в строе предложения, соотносительную с ролью местоимений. Основу значения широкозначных слов составляет отнесенность к категориальным понятиям» [Блох, Лотова, 1980: 161]. Подобные широкозначные слова служат промежуточным звеном между знаменательными словами и местоимениями, располагаясь по некоторой шкале утраты знаменательности [Блох, 2000: 80]. Чем шире значение слова, тем беднее его содержание, т. е. при предельно широком денотате у подобных широкозначных существительных наименьшее количество сигнификативных признаков, фактически они десемантизированы [Блох, Лотова, 1980: 163], по значению своему приближаются к грамматическим категориям [Уфимцева, 1968: 169]. Наблюдения над сочетаемостью данных единиц натолкнули исследователей на вывод об особом синтаксическом поведении подобных слов, особенно существительных: «Значение широкозначного слова может приблизиться к категориальному лексико-грамматическому значению части речи, что делает возможным его использование в качестве “формального” заполнителя позиций, занимаемых соответствующей частью речи в структуре словосочетания и предложения. Так создаются предпосылки для полифункциональности широкозначного слова: <...> оно может выполнять разного рода полуслужебные и служебные функции. При этом широкозначные существительные обладают более широким потенциалом полифункциональности, чем широкозначные слова, принадлежащие другим частям речи» [Блох, Лотова, 1980: 162]. В частности, для английского существительного *thing* были выделены функции формального определяемого в сочетании с определением, несущим основную смысловую нагрузку, функции стержневого элемента указательно-анафорических конструкций разного рода, во множественном числе функции формального подлежащего в безличных предложениях и формального прямого дополнения в конструкциях, где наличие дополнения несущественно для содержания высказывания [Блох, Лотова, 1980]. Как показал русский материал, некоторые из этих функций характерны и для русских широкозначных существительных.

В русском языке можно выделить аналогичные английским единицам существительные типа *вещь, штука*, которые лингвисты также склонны относить к местоименным словам (см., например, [Крылов, 2010]). Но при подходе с точки зрения грамматики, при акценте на собственно служебных функциях, приобретаемых в ряде конструкций знаменательными словами, круг широкозначных слов необходимо расширить. В дальнейшем под словами с широким значением будут подразумеваться не только местоименные существительные, но и

широкозначные признаковые, событийные и предметные существительные разной степени абстракции, например, *признак, свойство, явление, событие, происшествие, предмет, материал, здание, человек, животное, мужчина, женщина, птица*. Приобретение этими словами с разной степенью последовательности и регулярности служебных функций позволяет рассмотреть эту группу через призму понятия классификаторов как одной из разновидностей строевых слов, что и предполагается в настоящем исследовании.

Данная статья посвящена обзору классификаторов как разряда строевых единиц, выделяемых наряду с реляторами и экспликаторами [Всеволодова, 2000: 40–47]¹, и рассмотрению их лексического состава, образуемых ими структур и специфики их синтаксического поведения.

Выделение разряда классификаторов, их лексический состав

Классификаторы составляют ядро поля строевых слов, выражающих таксономические отношения. Термин для обозначения этой группы взят у Е.М. Вольф [Вольф, 1982а: 332–335]. Е.М. Вольф обращается только к классификаторам состояния: *состояние, положение, настроение, самочувствие*, а также классификаторам постоянных признаков вроде *характер, натура, нрав* и т. д. [Вольф, 1982а: 333–334]. Исследовательница выделяет два критерия для отграничения данной группы слов внутри рассматриваемого смыслового поля признака: в отличие от собственно знаменательных имен, обозначающих состояния, классификаторы состояний не сочетаются с интенсификаторами, с одной стороны (*в совершенном отчаянии* — **в совершенном состоянии*), с другой — недостаточны по смыслу без распространителей (*в ужасном настроении* — **в настроении*).

В дальнейшем Е.М. Вольф значительно расширила группу классификаторов [Вольф, 1982б: 32–38], а также указала на другие критерии вычленения данного семантического типа: факультативность в предложении: *Это был человек веселого нрава* → *Это был веселый человек*; и возможность замены на классификатор более широкого значения: *Он сидел недовольный* → *Он сидел с недовольным лицом* → *Он сидел с недовольным видом* [Вольф, 1982б: 32, 35]. Концентрируясь на классификаторах признаков, Е.М. Вольф отмечает возможность выделения классификаторов событий, действий, предметных,

¹ В исследовании [Всеволодова, 2012] классификация строевых слов рассмотрена с точки зрения их роли в построении словосочетаний. Как два разряда на первом уровне противопоставлены реляторы и осложнители «словоформы», последние на следующем уровне разделены на экспликаторы — развертки одного слова — и характеризаторы — классификаторы и родовые слова.

места и времени [Вольф, 1982б: 38]: *событие, случай, происшествие; действие, поступок, шаг; вещь, штука, человек.*

Е.М. Вольф в качестве классификаторов представила в первую очередь признаковые существительные (см. подробнее: [Всеволодова, 2000: 49]), т. е. синтаксически несамостоятельные единицы — имена категорий и признаков. При расширении корпуса классификаторов по намеченному в работах Е.М. Вольф пути среди них выявляются не только признаковые существительные, но и событийные, а также некоторые предметные имена (см. приведенные выше примеры). Для систематизации этого материала необходимы другие, более определенные функциональные критерии. В функционально-коммуникативном синтаксисе был предложен функциональный критерий — участие в трансформациях семантической структуры предложения в составе дескрипций и предикатов таксономической характеристики (см. ниже). В результате были выделены следующие группы классификаторов:

1) признаковые существительные типа *обстоятельство, ощущение, период, порода, признак, принцип, свойство, способность, стадия, форма, характеристика, чувство, элемент, категория, режим, сущность, фактор, вопрос, идея, мысль, понятие, феномен, продукт, вещество, материал, пространство, создание, существо, субъект* (ср.: *субъект предложения, субъект права* и переносное употребление *поговорить с (странным) субъектом*);

2) событийные существительные: *акт, акция, дело, действие, история, операция, процедура, процесс, ситуация, случай, событие, явление;*

3) некоторые предметные существительные, в том числе родовые слова, принимающие на себя в ряде случаев функции классификаторов: *место, человек, животное, зверь, растение, мужчина, женщина, город, река, страна, планета...* Другие предметные существительные используются как классификаторы в переносном значении (*лицо, душа, тип...* например, *Граф Хвостов был замечательное лицо в литературной войне* (НКРЯ)).

Классификаторы неоднородны: заметно выделяются предметные классификаторы, особенно родовые слова, которые образуют дескрипции только с синтаксемой N_{II} собственных имен и видовыми обозначениями (*попугай Кеша, мальчик Саша, птица глухарь*), а также по семантике являются преимущественно идентифицирующими, в отличие от предикатных классификаторов: ср., *вошел человек* / *вошло создание*. Область их пересечения — характеристика предметов. Здесь используются и родовые слова, дающие родо-видовую и половозрастную характеристику, и собственно классификаторы, потому становится возможным предметы охарактеризовать по признакам, применимым первоначально только к событиям, а именно по време-

ни, частотности, происхождению: ср., например, с классификатором *явление: Аввакум — явление самородное, русское (НКРЯ); Юлий Ким — явление уникальное и исключительное (НКРЯ)*. Разнообразие классификаторов позволяет в разы увеличивать интерпретационную парадигму высказывания.

После определения лексической группы, регулярно принимающей на себя функции классификаторов, необходимо перечислить позиции, в которых данные имена становятся строевыми словами.

Основные структуры классификаторов

Критерии выделения классификаторов, предложенные Е.М. Вольф, относятся преимущественно к признаковым классификаторам: для данной группы актуально отсутствие возможности сочетаться с интенсификаторами и возможности самостоятельно употребляться. Факультативность и возможность замены на классификатор более широкого значения оказываются малоприменимыми и нечеткими критериями из-за градуированности оппозиций: классификаторы могут быть более или менее факультативными, иметь более или менее широкое значение при фактической невозможности установить четкую иерархию.

Рассмотрение классификаторов как одной из разновидностей строевой лексики предполагает выдвижение функционального критерия как основного для данной группы: именно употребление широкозначных существительных для построения синтаксических структур дает возможность говорить о семантических процессах, следствием которых становятся вышеперечисленные признаки классификаторов. Основными структурами для классификаторов являются следующие две: дескрипции и предложения с предикатами таксономической характеристики. В большом количестве возможных структур классификаторы оказываются факультативными, но возможны также случаи, когда они заполняют лакуны в формальной и семантической парадигме предложения и потому не могут быть извлечены из высказывания. В структурах, образуемых классификаторами, реализуется трансформационный потенциал предложения. Особенно актуальны подобные трансформации для высказываний информативного и генеритивного регистров в тексте.

Дескрипции и предикаты таксономической характеристики

Рассмотрим возможные типы структур классификаторов и их функционирование подробнее.

1. Дескрипции могут быть разных типов; это словосочетания, в которых один из компонентов семантически ослаблен, а другой несет основную смысловую нагрузку [Всеволодова, Куликова, 2009: 73–74;

Всеволодова, 2012]. По формальным критериям можно выделить дескрипции с синтаксемой N_p , дескрипции с прилагательным, дескрипции с $N_{И}$ собственного имени или автономноупотребленного слова и дескрипции с числительным:

1) дескрипции с синтаксемой N_p (преобладают при классификации действий и событий): *Причину **явления снижения** продуктивности нефтяных скважин Ф.А. Требин видел в концентрации <...> частиц* (НКРЯ), ср., *причина снижения*; *Здесь торжествует дарованное только им — <...> **ощущение** вкуса жизни ...* (НКРЯ), ср., *здесь торжествует вкус жизни*;

2) дескрипции с синтаксемой $N_{д}$: *...не предпринимай решительных **действий по захвату власти** и пересмотру прав собственности* (НКРЯ); *...нам нужно четкое описание каждого **случая по отказу от льгот*** (НКРЯ); могут входить в синонимико-вариативный ряд с дескрипциями с синтаксемой N_p : *случай отказа — **случай по отказу**; операция освобождения — **операция по освобождению***;

3) дескрипции с прилагательным (преобладают при классификации признаков, а также с событийными классификаторами действие, деятельность): *...штаб Хлопонина подал жалобу в суд на **процедурные действия** комиссии* (НКРЯ); *...в России появляются компании, считающие внедрение ITSM одним из ключевых направлений своей **профессиональной деятельности*** (НКРЯ); *И в доме жениха, и в доме невесты начинали варить пиво **особым способом*** (НКРЯ); в ряде случаев могут входить в синонимико-вариативный ряд с дескрипциями с синтаксемой $N_{р,д}$: *операция освобождения — **операция по освобождению** — **освободительная операция**; случай смерти — **смертельный случай**; действия по подрыву — **подрывные действия***; необходимо различать случаи:

а) прилагательное классифицирует предмет, конкретизирует его видовую характеристику при обозначении рода существительным; в случаях типа *Если кто не знает, что за птица альбатрос: это океаническая **птица** ...*; *Ель — хвойное **дерево*** — существительные, определяемые прилагательными, не опускаются [Всеволодова, 2000: 64], но возможны подобные сочетания с десемантизированными существительными-классификаторами (или родовыми словами), имеющие однословные эквиваленты: *параллельная **линия** — параллель*; *процедурные **действия** — процедуры*; *текстильные **изделия** — текстиль*;

б) прилагательное выступает как качественная характеристика; это случай более распространенный и характерный для строевых слов; в предложении эти дескрипции могут выступать как:

– несогласованные определения (синтаксема N_p): *платье **модного фасона** ← модное платье, человек **огромного роста** ← огромный человек; кошки персидской **породы** ← персидские кошки*;

– как обстоятельства образа действия (синтаксема N_T): *говорить тихим **голосом** ← говорить тихо; идти быстрым **шагом** ← идти быстро; расти уверенными **темпами** ← расти уверенно;*

– как обстоятельства времени (синтаксем $N_{B, T, П}$): *начаться в послевоенный **период** ← начаться после войны; скорым **временем** поступить ← скоро поступить, анализировать в начальной **стадии** ← анализировать в начале;*

4) дескрипции с синтаксемой $N_{И}$ имени собственного или слова, предложения, употребленных автонимно (с кавычками и без), образуются с помощью классификаторов, которые категоризируют гносеологические понятия и предметы: ***Понятие онтология**, <...> сейчас активно используется в информационных технологиях (НКРЯ); В ней авторы рассматривают вопросы содержания **категории «теневая экономика»** ... (НКРЯ); Наш глава — уважаемый **господин Нго** (НКРЯ);*

5) дескрипции классификаторов количественных признаков с числительным: *Первая партия таких автомобилей в **количестве со- рока** штук должна быть собрана уже в январе (НКРЯ); Мы выбрали из записей Мартыненко самый трудный и трагический **период** двух лет войны (НКРЯ).*

2. Предложения с предикатами таксономической характеристики²: при анализе этой структуры учитывались как собственно предикаты, так и аналогичные им полупредикаты:

1) собственно предикаты таксономической характеристики — предикаты в биноминативных предложениях, состоящие из сочетания классификатора и признакового элемента (прилагательного, предложно-падежной формы), часто с инвертированным порядком слов (классификатор + прилагательное): *Литература — **акт познания** и, вместе с тем, **акт созидания** словесной ткани — **акт одно- моментный и неразрывный** (НКРЯ); Вдохновение — **непередаваемое состояние**, предел мечтаний художников и поэтов <...> (К. Паустовский); Трошев — **человек активный**, у него есть своя политическая позиция, взгляды (НКРЯ);*

2) полупредикаты³ в позиции приложения, вставной, уточняющей, дополнительной конструкции, состоящие также из сочетания классификатора и признакового элемента с возможностью инверсии: *Однако **кепки** — «аэродромы», **отличительный признак** восточных мужчин, <...> остались в прошлом (НКРЯ); Сегодня мы видим явное*

² Термин взят из работы [Крейдлин, 1993].

³ Явление полупредикативности связывают преимущественно с усложняющими предложение обособленными оборотами; в данной работе в соответствии с взглядом, представленным в [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 218], под полупредикативными понимаются все конструкции, которые делают монопредикативное предложение полипредикативным при формальной невыраженности предикативных признаков времени и наклонения.

отчуждение идеи прогресса от большинства человечества — феномен, достойный самого глубокого осмысления (А.С. Панарин).

Факультативность классификаторов

Важным признаком классификаторов является степень их факультативности в предложении. Как строевые слова, все классификаторы и родовые слова не представлены в денотативной структуре высказывания. В перечисленных конструкциях эти слова с широким значением служат собственно для построения: их употребление продиктовано структурой, которую они образуют, в описываемой действительности им не соответствуют ни предметы, ни положения дел: *Здесь торжествует ощущение вкуса жизни* = *Здесь торжествует вкус жизни* → Локатив + экзистенциальный предикат + экзистенс. Но на семантическом и формальном уровнях устройства высказывания степень их обязательности/факультативности различна. Они могут быть как формально и семантически факультативными, так и обязательными в структуре высказывания с точки зрения формы и значения. Отсутствие эквивалентной структуры без строевого слова может быть объяснено разными причинами: семантическими (необходимостью уточнить аспект рассмотрения обозначаемого явления) и формальными (грамматическими свойствами слова, в частности, его неизменяемостью по числам для неисчисляемых или по падежам для несклоняемых). Таким образом, для системы принципиально важно разграничить случаи факультативности и обязательности строевых слов, при учете того факта, что разграничение можно провести лишь условно. Степень факультативности/обязательности может быть различной, по данному признаку может быть установлена своего рода шкала конструкций с классификаторами:

1. В подавляющем большинстве случаев классификаторы и родовые слова оказываются факультативными на семантическом и формальном уровнях: *процедурные действия* → *процедуры*; *период двух лет войны* → *два года войны*; *Трошев — человек активный* → *Трошев активен*. Это отличает строевые единицы от самостоятельно употребленных знаменательных слов. Как показано выше, в большинстве случаев конструкции с классификатором соответствует эквивалентная в большей или меньшей степени ей конструкция без этого строевого слова, ср. другие примеры в контексте: *причина явления снижения продуктивности* → *причина снижения продуктивности*; *профессиональная деятельность* → *профессия*; *господин Нго* → *Нго*; *первая партия таких автомобилей в количестве сорока штук* → *первые сорок штук автомобилей*; *Вдохновение — непередаваемое состояние* → *Вдохновение непередаваемо / непередаваемое вдохновение* и др.

2. Однако случаи обязательности классификаторов и родовых слов также многочисленны. Конструкции с классификаторами могут заполнять лауну в интерпретационной парадигме предложения (или сочетания слов) и не иметь точных эквивалентов. Значительный фрагмент системы, в котором строевые слова оказываются обязательными по семантическим причинам — дескрипции с классификаторами гносеологических понятий, ср.: *Понятие онтология, заимствованное из философии... → *Онтология, заимствованная из философии...; по квалифицирующему признаку «неоднократность» → *по квалификации «неоднократность»*; некоторые дескрипции с классификатором *чувство*: *Оценивались такие проявления в семейных отношениях, как <...> **чувство неполноценности** у ребенка, тревожность в семье (НКРЯ) → *оценивалась неполноценность у ребенка (другое значение — ‘действительные физические или психические недостатки’); От себя добавлю, что всё это люди благородные, <...> с обостренным **чувством справедливости** (НКРЯ) → *с (обостренной) справедливостью / справедливые (другое значение)*; в позиции предиката таксономической характеристики: *Литература ... — акт одномоментный и неразрывный → *Литература одномоментна и неразрывна / ?Создание литературного произведения длится один момент и не прерывается*. Классификатор в этих случаях конструктивно обязателен, так как показывает, в каком аспекте характеризуется определяемое, в каком значении из возможных значений оно выступает в предложении. В частности, выступает ли слово как односторонняя или двусторонняя единица (в случае с классификаторами *понятие, идея, вопрос, утверждение*), какая сторона ситуации, поименованной определяемым, имеется в виду (ср., *состояние покоя — ощущение покоя, процесс отдыха — ощущение отдыха, долг — чувство долга*). Аспект ситуации может характеризоваться и через главный признак ситуации: ср., *чувство неполноценности, чувство справедливости, настроение косности и обыденщины*. При этом встречаются конструкции и контексты, в которых те же классификаторы гносеологических понятий оказываются факультативными в большой степени, ср. с классификатором *понятие*: *Понятия добра и зла относительноны → Добро и зло относительноны; Успех во многом — понятие финансовое → Успех во многом связан с финансами*.

Таким образом, факультативность как формальная возможность опустить в предложении строевое слово не является основным признаком для классификаторов, так как факультативность можно рассматривать на разных уровнях устройства предложения. Формальные и стилистические запреты на употребление структур без классификаторов могут указывать на роль этих строевых слов в языковой системе.

Классификаторы как средства увеличения трансформационного потенциала синтаксической конструкции

Одной из наиболее часто используемых возможностей увеличения трансформационного потенциала предложения, которую предоставляют классификаторы, является разноаспектная характеристика предмета: см. выше имя *литература* сочетается с временными определениями благодаря событийному классификатору *акт*: *Литература ... — акт одномоментный и неразрывный ← Литература создается в один момент и без перерыва*. Однако не все случаи употребления классификаторов и родовых слов в составе дескрипций и предикатов таксономической характеристики можно считать реализацией их трансформационной функции.

Основное назначение классификаторов — участие в интерпретационной парадигме предложения, и важными с точки зрения системы являются случаи, когда благодаря классификаторам и родовым словам в языке создаются не имеющие эквивалентов номинации и структуры. При схожести построения с дескрипциями они тяготеют к фразеологизмам. В этих случаях, даже если заменить модель предложения с характеристическим предикатом на модель с предикатом акциональным или статальным, не всегда удастся подобрать точный эквивалент конструкции с классификатором: например, при антропониме в качестве определяемого — *Он был видной **фигурой** в государстве → ? Его деятельность в государстве выделялась на фоне других*; более точная синонимичная конструкция также содержит строевые слова: *Он занимал видное **положение***. Использование классификаторов для антропонимов в самых общих характеристиках деятельности лица, в кратких биографических и энциклопедических справках позволяет предположить, что подобные высказывания эквивалентны целому набору социально закрепленных акциональных и иных признаков человека: *Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, земский деятель, крупный помещик (НКРЯ); Государственный обвинитель — должностное лицо органа прокуратуры (НКРЯ); Он здесь заметная персона (НКРЯ); Николай Петров — **фигура** для нашего времени знаковая (НКРЯ)*. С помощью классификаторов формируются устойчивые номинации *юридическое лицо, физическое лицо, политический деятель, общественный деятель, историческое лицо, историческая фигура, историческая личность, исторический деятель* и др. Хотя такие номинации формально схожи с дескрипциями, но их нельзя считать собственно средствами трансформации, потому упомянутые сочетания можно отнести лишь к периферии функционирования классификаторов.

Роль трансформаций с помощью классификаторов в тексте

Классификаторы (как и родовые слова) трансформируют в первую очередь высказывания информативного и генеритивного регистров (видо-временные планы знания и универсальных истин [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 29–30]): *Петя веселый* → **Мальчик Петя веселый** / *Петя* — *веселый мальчик* / **Мальчик Петя** — **ребенок веселый** / *Пете свойственно веселое настроение* / **Свойство** *Пети* — **веселость** / *У Петю есть свойство быть веселым...*; *Вредные бактерии проникают в организм тысячами* → *Вредные бактерии проникают в организм в количестве тысяч штук* / *Вредные бактерии проникают в пространство организма тысячами* / **Свойство** *вредности* *отличает бактерии, проникающие в организм тысячами* / **Вредные существа (создания)** *бактерии проникают в организм тысячами* / *Такие существа, как бактерии, проникающие в организм тысячами, вредны* / *Вредные бактерии обладают способностью проникать в организм тысячами...* Трансформации в репродуктивном регистре возможны, но редки и распространяются только на позицию обстоятельства: *Двигались мы примерно с равной скоростью: я уходила вперед, машины трогались, обдавая тротуар грязью из-под колес, догоняли, и я снова уходила вперед* (НКРЯ). В художественном тексте используемые в дейктической функции классификаторы могут маркировать переход с репродуктивного регистра на информативный: *Засим начал он [Селифан] слегка поворачивать брिчку, поворачивал, поворачивал и наконец выворотил ее совершенно на бок. Чичиков и руками и ногами шлепнулся в грязь. Селифан лошадей, однако ж, остановил; впрочем, они остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвиденный случай совершенно изумил его* (Н.В. Гоголь) (см. [Сенина, 2011]).

Выводы

Обзор разряда классификаторов и его функциональных особенностей показывает оправданность выделения этого разряда строевых слов. Классификаторы играют значительную роль в формировании интерпретационной парадигмы предложения, повышают его трансформационный потенциал, особенно при изменении коммуникативных рангов и коммуникативной структуры (см. выше примеры трансформаций). Специфические структуры, образуемые классификаторами, были выделены первоначально в трудах таких исследователей, как Е.М. Вольф [Вольф, 1982а,б], Г.Е. Крейдлин [Крейдлин, 1993], затем рассмотрены в рамках функционально-коммуникативного синтаксиса [Всеволодова, 2000; Всеволодова,

Кузьменкова, 2003; Всеволодова, Куликова, 2009], в результате чего удалось увидеть в их особенностях закономерности функционирования, характерные для разряда строевых слов, связать с аналогичными явлениями в языке.

Классификаторы — строевые имена, выражающие таксономические отношения в составе дескрипций разного типа и предикатов таксономической характеристики. Среди классификаторов в основном встречаются признаковые существительные, но есть и событийные, и предметные имена. К предметным именам примыкают родовые слова как отдельная группа, близкая по функционированию в ряде конструкций к классификаторам.

Классификаторы выступают как одно из средств трансформации структуры предложения на семантическом уровне его организации, потому на денотативном уровне эти единицы не представлены. Высказывания с классификаторами принадлежат преимущественно информативному и генеритивному регистрам. В структуре текста классификаторы служат сигналами переключения регистра с репродуктивного на информативный или генеритивный.

На данном этапе изучения сложно говорить об универсальности классификаторов как разряда строевых слов. Близкие конструкции к рассмотренным структурам можно наблюдать, например, в английском: *In the light wind other pieces of paper floated by in an agitated manner* досл. <В легком ветре другие куски бумаги проплыли мимо в взволнованной манере>; *The union is urging strike action* досл. <Объединение есть подстегивающее борьбу действие> (Longman, 2001); *Frankly I wouldn't trust his emotional state right now* досл. <Честно я бы не доверял его эмоциональному состоянию прямо сейчас> (Longman, 2001); во французском: *J'y pensai tout l'après-midi dans une suite d'états désagréables mais tous issus de cette découverte...* досл. <Я это думала всю вторую половину дня в продолжение положений / состояний неприятных, но всех исходящих из этого открытия> (Fr. Sagan); *évènement de lancement <событие выпуска>*... Подобные параллели в других языках подтверждают лингвистическую реальность выделенной группы, при том что сочетаемость и особенности функционирования строевых слов могут быть национально специфичны.

Список литературы

- Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М., 2000.
Блох М.Я., Лотова И.С. Широкозначное существительное в структуре предложения // Исследования по лексической сочетаемости: Сборник научных трудов. М., 1980.

- Вольф Е.М.* Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982а.
- Вольф Е.М.* К вопросу о классификаторах признаков // Филологические науки. 1982б. № 2.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Всеволодова М.В.* Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 1.
- Всеволодова М.В., Кузьменкова В.А.* Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 5.
- Всеволодова М.В., Куликова Е.В.* Грамматика словосочетаний в контексте функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2009. № 4.
- Золотова Г.А., Ошпенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Крейдли Г.Е.* Таксономия и аксиология в языке и тексте (предложения таксономической характеристики) // Логический анализ языка. Ментальные действия / Н.Д. Арутюнова (ред.) М., 1993.
- Крылов С.А.* Лексическое и грамматическое в местоимениях // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: Труды и материалы. М., 2010.
- НКРЯ*— Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Сенина И.С.* Текстовые функции имен-классификаторов // Материалы V Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. 24–28 ноября 2011 г.» МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет. М., 2011.
- Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
- Longman dictionary of contemporary English. Longman. 2001.

Сведения об авторе: *Сенина Ирина Сергеевна*, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: senina_irina@mail.ru

Н.А. Багаудинова

**ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА ВТОРОГО
ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ
СОГЛАСНЫХ В ГОВОРАХ КАРАЧЕВСКОГО УЕЗДА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.**

В статье реконструируется ряд особенностей вокализма 2-го предударного слога после твердых согласных в говорах, представленных в районе города Карачева в первой половине XVII в. В исследованных текстах Карачевской от-казной книги за 1624–1639 гг., с одной стороны, имеются свидетельства наличия принципа диссимилятивности во 2-м предударном слоге в положении перед [а] в 1-м предударном слоге; с другой стороны, анализ материала позволяет предполагать и присутствие ассимилятивных отношений между гласными 2-го и 1-го предударных слогов. Факт возможности сосуществования такого рода тенденций в говорах Карачевского уезда подтверждается диалектологическими данными начала XX в.

Ключевые слова: историческая диалектология, русский язык, Карачев, памятники деловой письменности.

The article reconstructs some features of the vocalism of the second pretonic syllable after a hard consonant in the dialects that were located in the region of Karachev in the first half of the XVII century. The local business manuscript texts of 1624–1639 evidence the presence of the principle of dissimilation in the second pretonic syllable before [a] of the first pretonic syllable. On the other hand, analysis of the material allows to suppose the presence of assimilative relations between the vowels of the second and the first pretonic syllables. The possibility of coexistence of such tendencies in the dialects is confirmed by the dialectological data of the beginning of the XX century.

Key words: historical dialectology, Russian language, Karachev, business manuscripts.

Известно, что современные акающие говоры характеризуются обычно совпадением гласных <о> и <а> во 2-м предударном слоге в звуке [ъ], наряду с которым отмечается также произношение звука типа [а] (в западных говорах) или более высокого по подъему от-тенка [ъ] — звука близкого к [ы] (во многих южновеликорусских говорах) [Аванесов, 1949: 108]. При этом исследователи обращают особое внимание на говоры с диссимилятивным аканьем, в которых часто наблюдается распространение принципа диссимилятивности и на гласные 2-го предударного слога (см. [Пауфошима, 1981: 28;

Русская диалектология 1989: 54]). Иными словами, в соответствии с <о> и <а> во 2-м предударном слоге произносится звук, близкий к [ъ] или к [ы], перед следующим слогом с [а] и произносится [а] перед остальными гласными. Однако такая система предударного вокализма нередко может осложняться и наличием ассимилятивного уподобления гласных 2-го предударного слога гласным 1-го предударного слога [Пауфошима, 1981: 28], т. е. во 2-м предударном слоге возможно произношение редуцированных гласных трех типов: у-, ы- и а-образного в зависимости от качества гласного в следующем слоге. Иллюстрируя такой тип вокализма, Р.Ф. Касаткина приводит записи, сделанные в деревне Огорь (ныне село) Жиздринского района Калужской области: *пыст'ялил, памытала, зытр'асло, нь^{bi} дварам, на въ^aрѣтах, малъка* и др.; *нь^a каровах, нь^{bi}пр'ижал'и, зауар'элас'а, нь^{bi}мыгаит', нь^aначуим* и др. [Там же].

В диалектологических исследованиях первой половины XX в. имеются указания на наличие подобной ассимиляции и в говорах, локулирующих в районе города Карачева. Так, ссылаясь на кандидатскую диссертацию С.С. Высотского (1941), Р.Ф. Касаткина отмечает, что им обнаружено большое число так называемых *а-ассимиляций*, *ы-ассимиляций*, *у-ассимиляций* в ответах на программы Московской диалектологической комиссии, в том числе и в ответах из Карачевского уезда [там же: 26]. О наличии регрессивной ассимиляции в говорах Карачевского уезда в начале XX в. свидетельствует и материал, который приводит Е.Ф. Будде в работе, посвященной говорам Тульской и Орловской губерний [Будде, 1904: 66–89]. В связи с данными приведенных исследований нужно отметить и то, что село Огорь, упомянутое ранее, территориально расположено практически на границе с Брянской областью, относительно недалеко от Карачева.

Весьма информативными в плане решения вопроса о том, существовали ли в карачевском говоре тенденции к проявлению принципов ассимилятивности или диссимилятивности в далеком прошлом, оказались памятники местной деловой письменности первой половины XVII в. В текстах карачевской отказной книги 1624–1657 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 9185, записи на л. 22–453об.¹ за 1624–1639 гг.) было обнаружено немало случаев взаимной мены букв *а* и *о* во 2-м предударном слоге. Распределение примеров на основании употребления *а* на месте *о* и *о* на месте *а* в позиции перед слогом с [а] / **не-[а]** позволило проследить частотность употребления буквы *а* на месте *о* во 2-м предударном слоге перед следующим слогом с [а] в сопоставлении с количеством обратных замен *а* на *о* в аналогичной позиции (т. е. перед [а] в следующем слоге). Дело в том, что можно предполагать, что написание *о* в соответствии с этимологическими

¹ Записи на л. 1–21об. представляют собой что-то вроде оглавления с указанием номеров «книг», времени их составления и, очевидно, главных фигурантов дел.

<о> и <а> более вероятно при передаче предударного [ъ], а написание **а** — при передаче предударного [а]. Г.А. Хабургаев отмечает, что «в говорах с диссимилятивным аканьем написание **о** для передачи предударного гласного в определенных фонетических условиях могло опираться на особенности живого произношения», то есть речь идет о тех случаях, когда [ъ] под влиянием соседних согласных или гласных мог произноситься в первом предударном слоге как гласный, близкий к [о] или [у] [Хабургаев, 1966: 290–291].

Чтобы рассуждать о том, имеются ли ассимилятивные и диссимилятивные отношения между гласными 2-го и 1-го предударных слогов, следует получить представление о том, каков был вокализм 1-го предударного слога в интересующем нас говоре первой половины XVII в. Материал исследованных текстов карачевской отказной книги позволяет с достаточной надежностью реконструировать тип предударного вокализма после твердых согласных в говоре писцов. В качестве материала отбирались случаи прямого отражения аканья — замены **о** на **а** в предударном слоге, а также случаи обратной замены **а** на **о**. Примеры были сгруппированы в соответствии с фонемами, представленными в позиции под ударением. Кратко покажем полученные результаты.

Гласный под ударением	Замена о на а	Замена а на о
<и>, <у>	189 примеров	66 примеров
*<ô>	128 примеров	11 примеров
*<ê>	19 примеров	23 примера
<о> из *о, *ъ	8 примеров	1 пример
<е> из *е, *ь	27 примеров	11 примеров
<а>	51 пример	373 примера

Очевидно, что написания с прямой заменой **о** на **а** в 1-м предударном слоге преобладают перед ударными гласными верхнего подъема, тогда как случаи обратной замены **а** на **о** в абсолютном большинстве представлены в положении перед ударным гласным нижнего подъема. Такая картина может быть весьма характерна для говора с диссимилятивным аканьем жиздринского типа, что согласуется и с современными диалектологическими данными, указывающими на наличие диссимилятивного аканья жиздринского типа в говорах в районе Карачева [ДАРЯ I, карта 1].

Что касается реконструкции типа предударного вокализма после мягких согласных в рассматриваемом говоре первой половины XVII в., то основную сложность здесь представляет немногочисленность написаний соответствующего характера, что в целом типично для южновеликорусских памятников XVI–XVII вв. (см. [Хабургаев,

1966: 299]). Приведем имеющиеся примеры в соответствии с качеством гласного под ударением в виде таблицы:

Гласный под ударением	Примеры из текстов
<и>	<i>Смоляви^мцкому</i> (фамилия) 48, 51об.; <i>за Динисо^н</i> 382об., <i>о^мдили^н</i> 58, <i>силища</i> (Р.п.) 91, <i>Винидикта</i> 183, <i>Смоливи^мцкои</i> 48об.
<у>	<двор> ... <i>Пя^мрушка</i> 302, <двор> ... <i>Пятрушка</i> 271об., <i>яму</i> (Д.п.) 164, 409об.
*<ô>	<i>вояводы</i> (Р.п.) 430, <i>Ивана Перяносова</i> (Р.п.) 387, <i>надя^нно^н</i> <i>зе^нли</i> 45
*<ê>	
<о>	<i>по имяно^н</i> 234об. (впрочем, написание буквы я здесь может быть обусловлено и аналогией с формой <i>имя</i>)
<е>	<i>воскрисе^нско^н</i> 34об.
<а>	<двор> ... <i>Емя^ншка Никифорова</i> 231 об. (в написании имени, вероятно, пропущена буква я , обозначающая ударный гласный), <i>с плямя^нником^л</i> 200об., <i>помяняли^л</i> 421–421об.

Как видно, материал исследованных текстов все же позволяет сделать ряд выводов об особенностях предударного вокализма после мягких согласных в говоре писцов Карачевской отказной книги. Так, написание *воскрисе^нско^н* может указывать на произношение звука не-[а] в позиции перед <е> под ударением, из чего допустимо предполагать наличие принципа диссимилиативности. В то же время перед ударным гласным нижнего подъема в 1-м предударном слоге произносился звук [а] (по крайней мере, перед мягкими согласными), так как имеется достаточно надежный пример *Емя^ншка*, что в свою очередь может свидетельствовать о наличии также ассимилятивности. Таким образом, велика вероятность того, что реконструируемая система предударного вокализма после мягких согласных могла иметь ассимилятивно-диссимилиативный характер, т. е. перед ударным гласным нижнего подъема и гласными верхнего подъема в 1-м предударном слоге произносился [а]. Кроме того, для говора с любым типом ассимилятивно-диссимилиативного яканья (не учитывая бельский тип) в 1-м предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема характерно произношение [а] в положении перед *<ô> и <о> под ударением, а также произношение звука не-[а] перед ударной <е> (кроме [ʰo] из [e]). В остальных положениях (т. е. перед ударными *<ê> и [ʰo] из [e]) употребление [а] или не-[а] определяется типом ассимилятивно-диссимилиативного яканья, установлению которого препятствует отсутствие соответствующих примеров. Иными словами, для говора писцов карачевской отказной книги предполагается следующая модель предударного вокализма после мягких согласных:

В слоге под ударением	В первом предупредном слоге
<и>, <у>	а
*<ѓ>	а
*<ѣ>	?
<о>	а
<е>	и
[ʼо] из [е]	?
<а>	а

Что касается написаний *за Динисо^м, о^м дили^л, силища* (Р.п.), *Винидикта, Смоливи^мцкои* (если, конечно, не расценивать их как результат описки под влиянием последующей буквы *и*), то они, вероятно, могут указывать на наличие иканья в говоре писцов как сосуществующей системы наряду с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем.

Перейдем теперь к реконструкции вокализма 2-го предупредного слога в карачевском говоре первой половины XVII в. В текстах карачевской отказной книги имеются примеры взаимной мены букв *а* и *о* в этой позиции. Существенно, что замена *о на а* отмечена **18** раз в позиции не перед [а] в следующем слоге и **57** раз в положении перед [а] в следующем слоге.

Замена о на а не перед [а] в следующем слоге

Перед [и], [ы], [у]: *с бабыле^м 58, 60, Га^рбунова* (Р.п.) 69, *Дакучаеву 105, 113, Дакуча^м 105, Дакучаю* (Д. п.) 78об., *к пачи^мку 225, Радиво^м 247, Радивонь 359, 360, Радивона 120, Радио^м 187об., Фамину 179об.–180; ат усадища вни^р 363об., да пусто^м земли 33об.*

Перед [ъ]: *па нока^рно^м (грамоте) 268.*

Перед не-[а] после мягких согласных: *да Семънава² помъстья* (Р. п.) 104.

В последних двух случаях во внимание принимались восстанавливаемые для говора писцов жиздринское аканье и ассимилятивно-диссимилятивное яканье.

Замена о на а перед [а] в следующем слоге

На^д вадомо^мнаю <ямой> 403об., гарадавога 407, горадово^м 54, 84, 90, 91, 94об., 95об., 97, 97об., 98об., 99об., 101, 102, 103, 104об., 106об., 107, 107об., 108об., 109об., 111, 119, гора^{да}вои 199, горадавого 86, горадова^с (прика^рщика) 115 (писец употребил церковнославянскую флексию *-аго*, хотя тут под ударением звучал [о]), *Да^ггарукова 57, Кравопускава 54об., Навокщенова* (фамилия, Р. п.) 75, *На^сдрачовы^х* (фам., Р. п., мн.ч.) 399, *плавина 97, пара^сло 422об., паросло 180, по ... старане 285об., по^лтары стараны 304, по... старонъ 363об., по*

² Употребление буквы ѣ на месте ударного гласного, по всей видимости, свидетельствует об отсутствии перехода [е] в [ʼо].

объ стороны 363об., *не левы стороны* (так!) 183; *да бо^шо^с лѣсу* 413, *на таму^ж* 95, 171, 190.

С учетом предполагаемого для говора писцов ассимилятивно-диссимилятивного яканья сюда же следует отнести примеры, где в 1-м предупредном слоге должен был звучать [’а] (т.е. для 2-го предупредного слога это тоже позиция перед [а]): *акте^рря* 75, *з даче^рми* 300, *дравеного* 369а об., *для ... дравеного лѣсу* 173об.–174, *для лесу дра^но^с* (так!) 422об., *дравенои* 293об., *дравено^и* 84об., 224, 225об., *дравено^и* 285об., *для... дра^вяно^с* (Р.п.) 320, 325, 325об.; *да ве^рхо^вя* (Р.п.) 104, *да рѣки* (Р. п.) 98.

Имеется также написание *на реке* 82, которое не учитывалось при анализе примеров, поскольку недостаточно сведений о типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья, который мог характеризовать рассматриваемый говор первой половины XVII века (см. таблицу выше) и, следовательно, неясно, какой гласный ([а] / не-[а]) мог звучать в 1-м предупредном слоге перед *<ѐ>.

В числе примеров с обратной заменой **а на о** 25 случаев представлено в позиции **не перед [а] в следующем слоге** и 8 — в позиции **перед [а] в следующем слоге**.

Замена а на о не перед [а] в следующем слоге

Перед [и], [ы], [у]: *Бготыре^с* (под титлом) 128, *Боготыре^с* 84, 87, 331, *Боготырева* 86, 127, *Боготырѣвъ* 113, 113об., *Боготыреву* (Д.п.) 332, *Б[о]готыреву* (Д.п.) 331об., *Восилисе* (Д.п.) 302, 302об. (2 р.), 303, 303об., 393об., *Восилиси^и дво^р* 302, *на ... Восилиси^и жеребе^и* 303, 303об., *Восилисиной половины* 303об., *Восилисы* (Р. п.) 394об., *Лохтиону* 105об., 106.

Перед [ѣ]: *х Караче^сскому до ко Бря^искому ... помѣстью* 237об.

Перед не-[а] после мягких согласных: *По^ителѣвъ* 298.

При приведении последних двух примеров учитывались реконструированные для говора писцов типы предупредного вокализма — жиздринское аканье и ассимилятивно-диссимилятивное яканье.

Замена а на о перед [а] в следующем слоге

<с> ... *Боготыревою пуста^шью* 183–183об., (*Сер^ика ши^и*) в *розаре^ия* ³ 97, 163об., в *розаре^и[е]* 111об., *о^и розаренья* 90об., в *розо^ре^ия* (В.п.) 366, *стороду^бцу* 137об.

С учетом ассимилятивно-диссимилятивного яканья сюда же отнесем написание *Мо^рте^иянова* (фамилия; Р.п.) 54.

Как видно из приведенного материала, замен **о на а** существенно больше, чем обратных замен; при этом замены **о на а** чаще обнаружива-

³ Данное отглагольное существительное восходит к др.-русск. *разорити* [Фасмер, 1987: т. 3, 435].

ются в положении перед следующим слогом с [a]⁴, тогда как обратных замен *a* на *o* в позиции перед слогом с [a] почти в три раза меньше, чем аналогичных замен перед другими гласными. При этом отметим, что замена *a* на *o* может свидетельствовать о произношении звука типа [ɤ], хотя, конечно, это *o* может носить и гиперкорректный характер. Следовательно, велика вероятность, что говору писцов карачевской отказной книги могла быть свойственна регрессивная «*a*-ассимиляция» гласного 2-го предударного слога гласному 1-го предударного слога.

Кроме того, в текстах рассматриваемой рукописи встретились также написания *по стыране* 122об. и *по тары стураны порожи* 334об. Данные орфограммы, очевидно, отражают произношение во 2-м предударном слоге звука, близкого к [ɤ] или даже к [ɤ], в первом случае и звука, близкого к [y], — во втором. Если учесть, что замены *o* на *ы* и на *у* осуществляются в слоге перед [a], то рассматриваемые примеры могут свидетельствовать о распространении принципа диссимилятивности на гласные 2-го предударного слога — ведь этот принцип действовал и в 1-м предударном слоге (как было показано выше, материал рукописи дает достаточно надежные свидетельства наличия в говоре писцов диссимилятивного аканья жиздринского типа). При этом в современных говорах в районе Карачева не-[a] — это преимущественно звук [ы] в сосуществовании с лабиализованным гласным верхнего подъема [ДАРЯ I, карта 2; Строганова, 1975: карты]. Можно ожидать, что при распространении диссимилятивного принципа на гласные 2-го предударного слога в качестве не-[a] здесь также может выступать звук, близкий к [ɤ] или [y] (ср. приведенные ранее примеры из статьи Р.Ф. Касаткиной). Вероятно, и в XVII в. в карачевском говоре ситуация была такой же.

Итак, в карачевском говоре первой половины XVII в. во 2-м предударном слоге перед следующим [a] мог произноситься наряду со звуком типа [a] звук, близкий к [ɤ] или к [ы], а также лабиализованный звук близкий к [y], т. е. на гласные 2-го предударного слога, вероятно, мог распространяться принцип диссимилятивности. Однако отношения гласных 1-го и 2-го предударных слогов, видимо, также могли осложняться тенденцией ассимилятивного уподобления. Следовательно, предполагаемая система предударного вокализма могла быть очень похожа на ту, которая, по сведениям Р.Ф. Касаткиной, представлена в настоящее время в говоре села Огорь, где диссимилятивный принцип функционирования гласных 2-го предударного слога сосуществует на равных правах с ассимилятивным.

Следует отметить, что наши выводы вполне согласуются с данными о говоре Карачевского уезда начала XX в., представленными в работе Е.Ф. Будде. Прежде всего в его материале находим указания на нали-

⁴ Впрочем, нельзя не учитывать и тот факт, что в говоре с аканьем и яканьем в первом предударном слоге чаще выступает [a], чем остальные гласные.

чие в говоре диссимилятивного аканья: *бѣвѣать, я бѣла, Тэтьяна*. Что касается позиции 2-го предударного слога, то, судя по большому числу примеров (преимущественно перед слогом с [а]), здесь в равной мере могли выступать звук типа [а] и редуцированный гласный. Кроме того, имеются примеры, свидетельствующие о возможности произношения во 2-м предударном слоге звука типа [ы]: *зыһрѣй, дыраһых* (Р.п., мн.ч.). В первом слове гласный [ы] — результат регрессивной ассимиляции гласному следующего слога; во втором же примере появление звука [ы] в безударном слоге, возможно, обусловлено распространением диссимилятивного принципа построения безударного вокализма на гласные 2-го предударного слога. Как видно, данная система предударного вокализма мало отличается от той, которая, очевидно, могла характеризовать рассматриваемый говор в первой половине XVII в.

По данным современной лингвистической географии, в говорах в районе Карачева во 2-м предударном слоге после твердых согласных (не между губными и не перед слогом с [у]) представлено произношение звуков [ъ], [ы], [а] ([ДАРЯ I, карта 9]), что может подтверждать наши выводы. При этом тенденция ассимилятивного уподобления гласных предударных слогов в современных карачевских говорах, по всей видимости, получила более широкое распространение, о чем может свидетельствовать материал, представленный в исследовании Е.Ф. Будде, а также обнаруженные С.С. Высотским многочисленные примеры таких ассимиляций в ответах на программы Московской диалектологической комиссии, полученных в Карачевском уезде.

Список литературы

- Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Будде Е.Ф.* О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование и словарь // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 76. № 3.
- ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I: Фонетика. М., 1986.
- Пауфошима Р.Ф.* О произношении гласных второго предударного слога в некоторых русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
- Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989.
- Строганова Т.Ю.* О характере реализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем // Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 2 т. Т. I–II. М., 1986.
- Хабургаев Г.А.* Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия (Введение. Вокализм) // Учен. зап. Моск. обл. пед. института. Т. 163. Вып. 12. М., 1966.

Сведения об авторе: *Багаудинова Наталья Александровна*, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: natalie2112@ Rambler.ru

В.С. Полилова

ИСПАНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ В ПЕРЕВОДЕ К. БАЛЬМОНТА

В данной статье анализируется сборник переводов испанских народных песен «Любовь и ненависть», подготовленный К. Бальмонтом и опубликованный в 1911 г. Рассмотрены разные редакции переводов, идентифицированы оригиналы, проведен метрический и лингвостилистический анализ текстов. Кроме того, в статье показано, что композиция сборника не во всем следует за композицией сборника-источника. Поэт-символист организует тексты иначе, создавая самостоятельное законченное произведение.

Ключевые слова: испанские народные песни, К.Д. Бальмонт, переводы, метрика.

In the present text the author analyzes the book of translations of Spanish folk songs “Love and hate”, prepared by K. Balmont and published in 1911. The author describes different versions of translations, identifies original sources, discusses the metrical structure of the texts and conducts a linguostylistic analysis of the peculiarities of translations. The author demonstrates that the composition of Balmont’s book does not follow the composition of the Spanish edition. The Russian symbolist poet organizes texts in his own way, creating a genuine independent work complete in itself.

Key words: Spanish folk songs, K.D. Bal’mont, translations, metrics.

Исследователи творчества Бальмонта не раз отмечали роль, которую испанская культура играла в его жизни [Орлов, 1969: 32; Markov, 1988: 138; Макогоненко, 1989: 684; Азадовский, Дьяконова, 1991: 7–8; Куприяновский, Молчанова, 2001: 70, 78–79, 85, 95 и др.], однако филологические экскурсы в область испанских увлечений поэта до недавнего времени оставались крайне немногочисленными и были посвящены лишь частным эпизодам его переводческой деятельности¹. Интерес к занимающей нас проблематике усилился в последние годы: взаимоотношения Бальмонта с Испанией стали предметом нескольких специальных работ [Белоусова, 2008а; Чулян,

¹ См. работы Д. Г. Макогоненко [Макогоненко, 1989] и Н.И. Балашова [Балашов, 1989] из академического двухтомника Кальдерона, статью В.Е. Багно о переводах «Севильского обольстителя» Тирсо де Молины [Багно, 2005: 144–152] и его же разбор бальмонтовского перевода «Песни пирата» Х. де Эспронседы [Багно, 2006: 109–111], а также работу В.Г. Гинько «Кальдерон в России» [Гинько, 2006], где большее внимание уделено роли Бальмонта в актуализации кальдероновского театра в России, и диссертацию А.В. Ждановой о Лопе де Вега в России [Жданова, 2008].

2010; Азадовский, 2011]², авторам которых удалось дать предварительное описание связей Бальмонта с испанской культурой. При этом детализация и углубление наших представлений об «испанской составляющей» в творчестве поэта остается задачей будущего, решению которой сможет поспособствовать и предлагаемая статья.

Мы ставим перед собой цель осветить эпизод бальмонтовской «испаномании», не привлекавший до сих пор внимания исследователей, но, безусловно, его заслуживающий³ — работу поэта над переложениями испанских народных песен. Этот объемный переводческий опыт не получил до сих пор даже самого скромного комментария, удостоившись только хлесткой характеристики знаменитого переводчика Анатолия Гелескула, назвавшего его «курьезным и по-своему непревзойденным образцом переводческого легкомыслия»⁴ [Гелескул, 2000]. Между тем даже такого рода исключительность заставляет внимательнее всмотреться в эту работу Бальмонта.

Знакомством с испанской народной поэзией Бальмонт, по видимому, был обязан французскому испанисту Лео Руане, о дружбе с которым известно благодаря воспоминаниям второй жены поэта [Андреева-Бальмонт, 1997: 321, 348]. Этот французский переводчик и исследователь испанской литературы ко времени знакомства с русским поэтом (1897) уже опубликовал книгу переводов испанских народных песен [Rouanet, 1896] и работал над переложениями драм Кальдерона на французский язык. Бальмонт принял деятельное участие в этих занятиях, можно также предположить, что именно в разговорах с Руане родился замысел перевода на русский язык испанской народной лирики [подробнее об отношениях Бальмонта с Руане см.: Полилова, 2012]⁵.

Точное время начала работы Бальмонта над переложениями испанских песен определить трудно, однако уже в 1899 г. в «Журнале

² К. Азадовский ошибочно пишет, не указывая на работу [Чулян, 2010]: «<...> ни диссертации, ни обстоятельной научной работы, в которой исследовалась бы история многолетней “испанофилии” Бальмонта, насколько известно, не существует» [Азадовский, 2011: 6]. Впрочем, ни сама диссертация А.Г. Чулян, ни ее автореферат не были присланы в Российскую государственную библиотеку и остаются недоступными в России.

³ Некоторое исключение составляет диссертация А.Г. Чулян, где резюмированы высказывания поэта об испанской народной песне [Чулян, 2010].

⁴ Косноязычие перевода также заставило А. Гелескула подозревать, что Бальмонт переводил с подстрочника: «<...> неладья с русским языком у поэта вполне грамотного заставляют подозревать, что мэтр едва ли прикасался к уготованным ему подстрочникам» [Гелескул, 2000]. Это, безусловно, не так. Поэт хорошо владел испанским языком и переводил Кальдерона, Эспронседу и других поэтов с подлинника.

⁵ Следы влияния традиции русских переводов испанских песен к началу XX в. уже весьма представительной [Алексеев, 1964: 171–206] в работе Бальмонта не обнаруживаются: в его переводах не отражены ни стилистические, ни ритмические решения предшественников.

для всех» была напечатана их первая небольшая подборка. В 1904 г. в книге «Горные вершины» следом за заметкой «Испанские народные песни» шли переводы 24 *soleares* (*soleá, soleares*), 118 *coplas* и 19 *seguidillas* (*seguidillas*)⁶. Предваряя эту публикацию, Бальмонт признавался, что готовит к печати «<...> целый том этих *soleares, coplas, и seguidillas* <...>» [Бальмонт, 2010, 6: 412]. И действительно, через 7 лет собрание бальмонтских переводов из испанской песенной лирики увидело свет в качестве отдельной книги с ярким заголовком «Любовь и ненависть: Испанские народные песни» [Бальмонт, 1911]⁷ и изящным оформлением.

В предисловии к переводам в «Горных вершинах» и в книге 1911 г. Бальмонт указывает на собрание, по которому он знакомился с испанской народной лирикой, — это обширное пятитомное издание, подготовленное поэтом и фольклористом Франсиско Родригесом Марином [Marín, 1882–1883]. Его сопоставление с бальмонтскими переводами позволило нам определить тексты-источники⁸, что в свою очередь дало возможность оценить их лексическую и стилистическую точность.

Перевод испанской народной поэзии представляет большие формальные трудности: каждая строфа (в три, четыре или семь строк) является самостоятельным произведением (а значит, длина контекста крайне невелика), строки коротки — обычно восьмисложные в *coplas* (8-8a-8-8a) и *soleares* (8a-8-8a), семи- и пятисложные в *seguidillas* (7-5-7-5-5-7-5, свободная рифмовка), — и при этом связаны ассонансом, а иногда консонансом. Переводчики-предшественники Бальмонта использовали в своих переводах четырехстопники. Так, П.А. Вяземский в своих подражаниях испанским *seguidillas* избирает 4-стопный ямб («Вчера, когда прохладной тьмою...»), 4-стопный хорей («Не страшусь я смерти жадной...»), распространяя содержание одной строфы источника на две строфы подражания, и цезурованный восьмисложный ямб («Хоть вы красавица, хоть вы и баронесса...»), а у В.И. Немировича-Данченко в переводах лидирует песенный 4-стопный хорей. Аналогом ассонанса переводчики избирают рифму.

⁶ *Soleares, coplas, seguidillas* — строфы испанской народной лирики (трехстишия, четырехстишия и семистишия соответственно). В книге Руане тексты тоже распределены по разделам согласно типу строфы, но выбор песен не совпадает.

⁷ Вл. Орлов при составлении бальмонтского тома «Библиотеки поэта» [Бальмонт, 1969] включил в него подборку испанских народных песен в редакции сборника «Горные вершины». Такое решение отвечает общей эдичионной политике тома, в котором тексты преимущественно даются по первым публикациям. Однако сопоставление публикаций показывает, что, во-первых, не все переведенные песни вошли в «Любовь и ненависть» (из 24 *soleares* «Горных вершин» было исключено 14, из 118 *coplas* — 46, из 19 *seguidillas* — 14), а во-вторых, тексты некоторых переводов для нового издания были отредактированы.

⁸ Далее испанские оригиналы цитируются по изданию Марина [Marín, 1882–1883] с указанием раздела и номера строфы.

Бальмонт подошел к переводу испанских песен иначе. Анализ метрической природы его переводов приводит к выводу, что единого эквивалента для передачи испанской силлабики поэт не нашел, в разных случаях он обращается к разному стиху. Подборка в «Горных вершинах» показывает, что сначала Бальмонт избрал для перевода 4-стопный хорей, метр, знаменитый своей «испанской» семантикой (если он белый или с рифмой через строку) [см., например: Гаспаров, 1999: 200–201]. 24 трехстишия, открывающие подборку, переведены белым 4-стопным хореем⁹. 4-стопным хореем с рифмовкой 2-й и 4-й строки в «Горных вершинах» переведены и первые 4 коплы. Однако затем в переводе копл и сегидилий теряется единое метрическое задание, хотя и сохраняется определенная ориентация на длину строки: используются двустопные трехсложники, трехстопные двусложники, дольник и акцентный стих длиной в 6–8 слогов. В репертуаре переводчика лидируют трехстопные ямб и хорей, значительное число строф переведено двухстопным трехсложником с переменной анакрусой. Однако в переводах песен немало как более длинных метров — например, трехстопных и четырехстопных трехсложников с постоянной и переменной анакрусой¹⁰ или пятистопных хореев¹¹; так и более коротких — например, одностопных трехсложников с переменной анакрусой¹². Также нужно отметить, что из всех метров лидирует все же трехстопный ямб, а в сборнике 1911 г. первоначальную хореическую установку обнаружить невозможно из-за изменения принципа организации строф: если в ранних публикациях песни были разделены по отделам в зависимости от типа строфы, то теперь они организованы тематически, а, следовательно, пространственные хореические блоки рассыпались.

В переводе Бальмонта также отсутствует последовательная передача ассонансов подлинника. В «Любви и ненависти» зарифмовано менее трети строф (ощутимая доля рифм тавтологическая), причем схема рифмовки может быть любой. В большинстве случаев

⁹ См., например: *Я иду вперед как пленник, / Тень моя идет за мною, / Предо мною — мысль моя* (Горные вершины, Soleares, 2). Переводы испанских песен из сборника «Горные вершины» (далее — «ГВ») здесь и далее даются по изданию [Бальмонт, 2010, 6] с указанием раздела и номера строфы.

¹⁰ Например (тексты переводов из книги «Любовь и ненависть» — далее «ЛиН» — даются по изданию [Бальмонт 1991] с указанием раздела и номера строфы): *Брови твои — как две новых луны, / Очи — две утренних ярких звезды, / Светят и ночью, и днем, / Светлей, чем на небе родном.* — ЛиН, Влюбленность, 14; *С тех пор, как увидел тебя, — полюбил, / Мне жаль, что случилось это так поздно, / Затем что хотел бы, счастье мое, / Тебя обожать от минуты рожденья.* — ЛиН, Признания, 26).

¹¹ Например: *Красная, красивая гвоздика, / Сорванная с каплями росы, / Эти раскрасневшиеся губы / Не твои, теперь они мои.* — ЛиН, Влюбленность, 28.

¹² Например: *Губы твои — / Две гвоздики, / Дай им напиться, — / Засохли.* — ЛиН, Влюбленность, 24.

с оглядкой на испанский текст рифмуются только 2-я и 4-я строка (рифма может быть и мужской, и женской, хотя доля мужских рифм больше); но есть примеры и сплошной рифмовки, как охватной, так и перекрестной; иногда зарифмованы 1-я и 3-я строки, есть строфы, где рифмуются 2-й и 3-й или 1-й и 2-й стихи.

Очень любопытно, что в подборке «Горных вершин» ситуация с рифмовкой существенно отличается. Там зарифмовано больше половины копл (65 из 118; все *soleares*, как мы указали выше, даны без рифм, в сегидильях встречаются отдельные редкие созвучия). Кроме того, 28 зарифмованных строф из «Горных вершин» не были включены Бальмонтом в книгу 1911 г.

Из числа песен, переложения которых были опубликованы ранее, а потом вошли в состав «Любви и ненависти», переделка коснулась восьми (кроме того, есть расхождения в пунктуации: в частности, многие строфы «потеряли» восклицательные знаки). Редактура текстов для сборника была как совсем незначительной (например, изменение порядка слов), так и вполне серьезной. В части переводов причины изменений не вполне ясны¹³, ряд других примеров демонстрирует отчетливое стремление Бальмонта приблизить текст к оригиналу. Рассмотрим некоторые из них.

¹³ В одном из примеров внесенная правка, по всей видимости, носит стилистический характер. «Луна» из «полнолицей» становится «полнолицкой», а вслед за этим слово «лик» из последней строки коплы исчезает, вызывая замену прилагательного «зеркальный» на характерную бальмонтговскую «зеркальность». Ср.: *Предстань пред окном твоим, / Луна полнолицая, / Звезда предрасветная, / Зеркальный мой лик* (ГВ, *Soplas*, 42); *Предстань пред окном твоим, / Луна полнолицая, / Звезда предрасветная, / Зеркальность моя* (ЛиН, *Серенада*, 5). Оригинал: *Asómate á esa ventana, / Cara de luna redonda, / Lucero de la mañana, — / Espejo de quien te ronda* (*Serenata y despedida*, 3305). Неверная интерпретация испанского *espejo* (=зеркала) видна и в переводе следующей коплы: *Когда ты проходишь по улице, / Говоря со своими друзьями, / Ты как будто король надо всеми, / И нежен зеркальный мой лик* (ЛиН, *Влюбленность*, 3). Оригинал: *Cuando te veo en la calle / Hablando con tus amigos, / Pareces el rey de todos. / Dulce espejo en que me miro* (*Requiebros*, 1095). В другом случае, как кажется, Бальмонт стремиться избавиться от ненаходящего соответствия в подлиннике личного глагола *угадал*: *Я тебя хочу — и не хочу, / Разницу ты верно угадал. / Я тебя хочу — и не хочу, / Чтоб ты это знал* (ГВ, *Soplas*, 109); *Тебя хочу я и не хочу я, — / Тут разнородность / Тебя хочу я и не хочу я, / Чтоб это знал ты* (ЛиН, *Признанья*, 23). Оригинал: *Yo te quiero y no quiero, / Que son dos cosas: / Yo te quiero y no quiero / Que lo conozcas* (*Declaración*, 1731). В переводе одной солеа исчезает соответствующее испанскому оригиналу обращение *кروشка*: *Как же ты безумна, крошка! / Ты — как колокол, в который / Каждый может позвонить* (ГВ, *Soleares*, 8); *О, безумна, ты безумна, / Ты как колокол, в который / Каждый может позвонить* (ЛиН, *Ревность*, 9). Оригинал: *Chiquiya, tú eres mi loca; / Eres como las campanas, / Que toito 'r mundo las toca* (*Celos, quejas y desavenencias*, 3798). Во второй редакции перевода коплы “*Soy peñasco, soy risco...*”, первая строка которой переводится как «я утес, я скала», Бальмонт меняет прилагательное *гранитный* на неологизм *обрывный*. Ср.: *Я утес гранитный, / Я суровый камень, / Я для всех — как бронза, / Для тебя — как воск* (ГВ, *Soplas*, 5); *Я утес обрывный, / Я суровый камень, / Я для всех — как бронза, / Для тебя — как воск* (ЛиН, *Нежности*, 8). Оригинал: *Soy peñasco, soy risco, / Soy dura piedra; / Para todos soy bronce; / Para tí cera* (*Ternezas*, 2291).

При редактировании перевода коплы “Soy el herido sin sangre...” были исключены отсутствующие в подлиннике формы глагола (*сражен, убит, терпя*) и прилагательное *острой*, также не находящее соответствия в оригинале. Испанское сочетание *sin sangre*, в первом варианте переведенное с помощью прилагательного *бескровный*, получает точное лексико-грамматическое соответствие *без крови*. Таким образом, словарный состав и синтаксическая структура стихотворения во втором варианте передаются с исключительной бережностью. Единственная потеря, допущенная Бальмонтом при редактировании, — анафора оригинала (*soy—soy—soy—soy*), отраженная в первой редакции (*я—я—я—я*) и утраченная во втором варианте перевода.

Soy el herido sin sangre;	Я сражен бескровной раной,	Я ранен без крови,
Soy el muerto sin acero;	Я убит без острой стали,	Я мертвый без стали,
Soy el que penando vivo;	Я живу, терпя страданья,	Тоскую, живу я,
Soy el que penando muero.	Я в страданьях умираю.	В тоске умираю.

(Penas, 5323) (ГВ, Coplas, 60) (ЛН, Сетованья, 33)

Редактируя перевод коплы “Tus ojos son dos espejos...”, Бальмонт исправляет порядок слов, приводя его в соответствие с подлинником:

Tus ojos son dos espejos	Два зеркала — твои глаза,	Твои глаза — два зеркала,
En donde me miro yo;	Я в них смотрюсь. Пстой.	Я в них смотрюсь. Пстой.
No los cierres, vida mia;	Не закрывай их, жизнь моя,	Не закрывай их, жизнь моя,
No los cierres; ábrelos.	Не закрывай! Открой!	Не закрывай. Открой.

(Requiebro, 1157) (ГВ, Coplas, 11) (ЛН, Влюбленность, 12)

Приближением к оригиналу обусловлены переделки и в следующей строфе:

Eres el clavel de Abril	Ты майская роза,	Ты гвоздика апреля
Y la rosita de Mayo,	Гвоздика апреля,	И ты майская роза,
La hermosa luna de Enero,	Луна над снегами,	Лунный лик ты январский,
Que me tienes hechizado.	Колдунья моя.	И я в чаре твоей.

(Requiebro, 1532) (ГВ, Coplas, 29) (ЛН, Влюбленность, 45)

Исправлено нарушение эквилинеарности, вместо отсутствующего в оригинале *снега* появляется соответствующее испанскому *de enero* прилагательное *январский*, конструкция *me tienes hechizado* (=ты меня околдовала) получает более близкий перевод *я в чаре твоей* вместо *колдунья моя*. Однако несмотря на стремление приблизиться к подлиннику, Бальмонт при редактировании вводит в текст перевода новый «бальмонтизм»: меняет не точное лексически, но вполне верное стилистически, сдержанное и простое сочетание *луна над снегами* на не имеющий никакого отношения к испанской *красивой январской луне (la hermosa luna) январский лунный лик* (отмечу, что у Бальмонта слово *лик* часто выполняет роль пустого поэтизма-«затычки», который появляется по воле переводчика и вопреки тексту оригинала).

Во втором варианте перевода коплы “Lo blanquito de tus ojos...” Бальмонт выправляет множественное число, заменяя его на соответствующее оригиналу единственное. Дает для испанского *azul* этимологически тождественное русское *лазурный*, вводит аналог испанского *cuando* — временной союз *когда*.

Lo blanquito de tus ojos	Белки твоих глаз,	Белок твоих глаз
Con las venillas azules	С их синими жилками,	С лазурными жилками —
Se parecen á los cielos	Похожи на небо,	Как будто бы небо
Cuando se cargan de nubes.	Покрытое облаком.	В тот день, когда облачно.
(<i>Requiebros</i> , 1134)	(ГВ, <i>Coplas</i> , 9)	(ЛуН, <i>Влюбленность</i> , 9)

В переводе сегидильи “Con el mismo abanico...” переводчик убирает не находящие соответствия в подлиннике прилагательное и наречие (*нежный, тихонько*), уточняет перевод выражения *te echas aire* — вместо *веешь* дается перевод *веешь ветром*, исчезают глаголы *освежиться, можешь* и *окружить*.

Con el mismo abanico	Нежным веером ты веешь,	Тем же веером, которым
Que te echas aire	На себя, чтоб освежиться,	На себя ты веешь ветром,
Estás haciendo señas	И даешь тихонько знаки	Ты тому, кого ты знаешь,
A quien tú sabes.	Незаметные другому.	Посылаешь тайно знаки.
Y aquí se halla	Тем же веером ты можешь	Тот же веер и движенье,
Lo que á tí te refresca,	Окружить себя прохладой,	Для тебя в нем освеженье,
Y á mí me abraza.	Окружить меня огнем.	Для меня пожар.
(<i>Celos, quejas y</i> <i>desavenencias</i> , 3710)	(ГВ, <i>Seguidillas</i> , 9)	(ЛуН, <i>Ревность</i> , 22)

Разобранные примеры показывают, что перевод Бальмонта, при всех своих неизбежных расхождениях с оригиналом, тяготеет к буквализму с его вниманием к порядку слов, точной передаче грамматических форм, стремлением к эквилинеарности и т. д. Кроме того, сопоставление первой и второй редакции переводов позволяет прийти к заключению, что движение к буквализму было осознанной стратегией переводчика¹⁴.

¹⁴ Возможно, именно этим стремлением объясняется исключение из состава сборника переведенных с рифмой и опубликованных в «Горных вершинах» *coplas*. Также в некоторых случаях причина исключения могла заключаться в том, что поэт пересказывает содержание опущенных строф во вступительном эссе «Испанец-песня». По крайней мере, так происходит в трех случаях. Ср.: 1) «Любовь — луна: от новолуния — до новолуния, ущерб — и снова» [Бальмонт, 1991: 415]. Соответствует копле: *Меж любовью и луною / Совершенное есть сходство. / Начинают — новолунием, / И кончаются — ущербом* (ГВ, *Coplas*, 101). 2) «Любовь — книга: прочтешь первые листы — в страхе и ужасе, а дойдешь до середины, и забота пропала» [Бальмонт, 1991: 415]. Соответствует сегидилье: *Женщины как книги, — / Думаешь: «Вот новость, / Дай-ка, я куплю». / Развернешь, помотришь, — / Читано давно уж. / Сколько переделок / Заново идет!* (ГВ, *Seguidillas*, 10). 3) «Любовь есть ребенок: когда родится, ей малого довольно, а потом давай все больше и больше» [Бальмонт, 1991: 414]. Соответствует сегидилье: *Любовь есть ребенок. / Когда он родится, / Даешь ему мало, / Он больше не просит, / Но чуть подрастет, / Все больше он хочет, / Все просит еще* (ГВ, *Seguidillas*, 11).

В некоторых строфах, включенных поэтом в «Любовь и ненависть», перевод настолько следует за оригиналом, что нарушает нормы русского языка. См., например (далее выделение полужирным наше. — В.П.):

Sólo puedo decirte
Medias palabras;
Lo que empieza la lengua
Lo acaba el alma.
Porque sucede
Que el amor es **muuy niño**
Y hablar no puede.

(Declaración, 1726)

Только могу говорить тебе
Полуслова.
То, что язык начинает,
Довершает душа.
Ибо так уж выходит,
Что любовь есть **очень ребенок**,
И не может она говорить.

(ЛиН, Признания, 20)

Несмотря на сильную подчиненность перевода оригиналу, в нем встречаются и заметные отступления. Так, в процитированном ниже куплете вторая строка представляет собой чистую фантазию переводчика, отягощенную к тому же выразительным неологизмом-бальмонтизмом *расцветность*:

Eres el mejor clavel
De las orillas del Darro,
Que se abrió con el rocío
En las mañanas de Mayo.

(Requiebros, 1537)

Ты лучшая гвоздика,
Расцветность молодая,
Расцветшая с росой
Начавшегося мая.

(ЛиН, Влюбленность, 48)

Также, например, в переводе следующей коплы Бальмонт на месте *florido* (=цветущий) дает излюбленный эпитет-неологизм *расцветный*:

Asómate á esa ventana,
Cara de jazmín florido,

Приблизься к этому окошку,
О, лик расцветного жасмина,

Однако это объяснение не вполне удовлетворительно, поскольку другие пересказанные в эссе строфы не были исключены из сборника. См., например: «Он видит, что губы напоминают гвоздику, любимый цветок испанцев, что рот напоминает закрывшиеся лепестки, что зубы — как жемчуг в темнице из кораллов, и он описывает подробно все лицо, поэтизируя каждую подробность. Он говорит о глазах. Но вы думаете, что глаза — не более как глаза? Какая ошибка! Глаза состоят из зрачка, всегда переменчивого, из белка с синими жилками, напоминающими облачное небо, из острых, как иглы, ресниц, черных, как ночь, из бровей, похожих на луну в новолуние» [Бальмонт, 1991: 411]. Ср. коплы: *Брови твои — как две новых луны, / Очи — две утренних ярких звезды, / Светят и ночью, и днем / Светлей, чем на небе родном* (ГВ, Sorlas, 10; ЛиН, Влюбленность, 14). *Твой нежный рот — тюрьма, / Темница без ключей, / В нем узники — жемчужины, / В нем из кораллов дверь* (ГВ, Sorlas 22; ЛиН, Влюбленность, 21). *Губы твои — / Две гвоздики, / Дай им напиток, — / Засохли* (ЛиН, Влюбленность, 24). *Твой рот, моя малютка, / Закрывшийся цветок, / О, если б поцелуем / Его раскрыть я мог* (ЛиН, Влюбленность, 23). *Красная, красивая гвоздика, / Сорванная с каплями росы, / Эти раскрасневшиеся губы, / Не твои, теперь они мои* (ГВ, Sorlas, 7; ЛиН, Влюбленность, 33). *Белок твоих глаз / С лазурными жилками — / Как будто бы небо / В тот день, когда облачно* (ЛиН, Влюбленность, 9). *Твои ресницы, крошка, / Пригорини острых игол: / Чуть только ты посмотришь, / И душу мне пронзишь* (ГВ, Sorlas, 8; ЛиН, Влюбленность, 19).

Que te ha venido á cantar
El que ha de ser tu marido.
(*Serenata y despedida, 3309*)

Тебе слагает серенаду,
Кто будет мужем для тебя.
(*ЛуИ, Серенада, 6*)

А перелгая строфу “Eres la palma gallarda...”, не только вместо *стройной (palma gallarda)* ставит *роскошную пальму*, но и добавляет *figura etymologica (гвоздика гвоздик)*.

Eres la palma gallarda
Y hermosísimo laurel:
Eres azucena blanca
Y bellissimo clavel.
(*Requiebro, 1538*)

Ты пальма роскошная,
Ты красивейший лавр,
Ты белая лилия,
Ты гвоздика гвоздик.
(*ЛуИ, Влюбленность, 49*)

Важно отметить, что косноязычие перевода, вызвавшее упрек А. Гелескула («нелады с русским языком») и убедившее его в том, что Бальмонт с оригиналом знаком не был, напротив, однозначно указывает на перевод с подлинника, с установкой на точное, калькированное воспроизведение испанского текста. См. полное соответствие синтаксиса перевода оригиналу:

Ya viene marzo con flores,
Y con sus rosas abril,
Y mayo con sus claveles
Para coronarte á ti.
(*Requiebro, 1098*)

Приходит Март с цветами,
И с розами Апрель,
И Май, он весь в гвоздиках,
Чтоб увенчать тебя.
(*ЛуИ, Влюбленность, 4*)

Отдельного внимания заслуживают переводы колыбельных, выделенные Бальмонтом в отдельный раздел. Примечательно, что из 32 песен 19 переведены с рифмой. В этих переводах, в отличие от всего массива текстов «Любви и ненависти», видно желание Бальмонта добиться естественного звучания русских стихов. Справедливость нашего предположения подтверждается тем, что Бальмонт включил переводы пяти колыбельных («Засыпает роза...», «Спи, мое дитяtko малое...», «Пред дверью, что в Рай ведет...», «Спи, мое дитяtko, спи...», «Спи, моя деточка...») в состав первого издания¹⁵ своего сборника «Фейные сказки: Детские песенки». В этой книге, посвященной дочери поэта Нине, переводам испанских колыбельных предшествует стихотворение Бальмонта «Колыбельная песня» («Детка, хочешь видеть Рай...»), связанное с испанскими *coplas de cuna* тематически и стилистически. Так, в первом издании сборника переводные стихи были включены в ткань оригинального произведения Бальмонта, таким образом получив самостоятельную поэтическую ценность. Добиваясь живого звучания слова в переводе, Бальмонт в меньшей степени остается верным букве оригинала. Несмотря на

¹⁵ Начиная со второго издания переводы были исключены из состава сборника.

то, что испанский оригинал удается определить для каждой строфы перевода, он все же больше походит на подражание. Ср.:

Duérmete, niño chico,
Duérmete, mi bien;
Que aquí está la cunita
Que te ha de mecer.

(*Nanas o Coplas de cuna, 18*)

Спи, мое дитячко малое,
Нежу я детку мою,
Вот колыбель закачалася,
Баюшки-баю-баю.

(*ЛиН, Колыбельные, 2*)

Или:

En los brazos te tengo
Y considero
Qué será de tí, niño,
Si yo me muero.

(*Nanas o Coplas de cuna, 2*)

Я тебя ласкаю,
На руки беру.
Что с тобою будет,
Если я умру?

(*ЛиН, Колыбельные, 11*)

В этих примерах допускается нехарактерное для этой переводческой работы Бальмонта нарушение эквилинеарности, есть как добавления (*нежу, ласкаю, баюшки-баю-баю*), так и опущения (*considero, niño*). При всей своей незначительности эти отступления выделяют колыбельные в контексте строгого буквализма прочих переводов сборника.

Еще одним свидетельством более вольного обращения с подлинником в случае колыбельных служит перевод следующего куплета:

Ea la nana,
Ea la nana,
Duérmete, lucerito
De la mañana.

(*Nanas o Coplas de cuna, 25*)

Судя по всему, эта строфа послужила источником двух текстов сборника (по крайней мере, нам не удалось обнаружить ничего похожего в сборнике Марина). Если первый из них определенно является переводом, то второй больше похож на подражание:

Эа-ля-нана,
Эа-ля-нана!
Звездочка утра,
Спи, еще рано.

(*ЛиН, Колыбельные, 28*)

Спи, моя деточка,
Ты, незаметная,
Спи, моя звездочка,
Спи, предрассветная.

(*ЛиН, Колыбельные, 35*)

Вместе с тем и в переложении некоторых колыбельных песен Бальмонту удается соблности исключительную точность. См., например:

— A la nana, nanita,
Nanita y duermes.
— En la cunita, madre,
Quiero mecerme.

(*Nanas o Coplas de cuna, 16*)

Баю-бай, мое дитяtko,
Баю-бай, засыпай.
— В колыбельке, родимая,
Ты меня укачай.

(*Лилу, Колыбельные, 12*)

В переводе этой строфы из собрания Марина Бальмонт сохраняет лексический состав оригинала, строго передает расположение слов и рифмует те же глаголы (*duermes — mecerme, засыпай — укачай*).

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что перевод испанских народных песен, выполненный Бальмонтом, демонстрирует пристальное, порой даже излишнее, внимание к форме оригинала. Сохраняя строфическую и отчасти ритмическую структуру подлинника, Бальмонт не позволяет себе вольности и в отношении лексического состава: в переводе утраты, замены и добавления минимальны, а вторая редакция переводов свидетельствует о сознательной работе Бальмонта над приближением текста к оригиналу. Кроме того, параллельно с исключительным вниманием к вербальной точности, переводчик стремится воспроизвести синтаксическую структуру подлинника, достигая в переводе эффекта подстрочника¹⁶.

Еще несколько слов необходимо сказать о композиции сборника переводов. Песни в книге «Любовь и ненависть» разделены на 8 разделов: 7 из них включают любовные куплеты («Влюбленность», «Нежности», «Ревность», «Признания», «Сетованья», «Ненависть и презрение», «Серенада»), 8-й составляют колыбельные. Источником такой организации текстов, безусловно, является издание Марина, где, как уже было отмечено выше, песни сгруппированы не по типу строфы, как во французском издании Лео Руане или бальмонтской публикации в «Горных вершинах», а по тематике. Однако Бальмонт не во всем следует за книгой-источником.

Второй и третий тома испанского издания, озаглавленные «Amoros», содержат 12 тематических разделов. Из 12 рубрик Марина

¹⁶ В работе А.И. Ивановой [Иванова, 2007] на основании лингвостилистического анализа переводов Бальмонта с английского языка был сделан вывод о дуалистической природе его переводческого метода, в котором сочетаются традиции «вольного» перевода-пересказа и открытия формирующейся школы буквального перевода. Мы пришли к схожему заключению, изучив бальмонтские переводы драм Кальдерона и Шелли («Жизнь есть сон» и «Освобожденный Прометей») [Белоусова, 2008б] с помощью количественной методики М.Л. Гаспарова [Гаспаров, 1975]. Случай перевода испанских народных песен вносит значительные дополнения в эту сложившуюся картину. История работы над сборником «Любовь и ненависть» показывает, что две полярных переводческих тенденции — буквализм и вольность — не просто сочетаются у Бальмонта в рамках одного текста. Вместо неосознанного произвольного соединения двух переводческих стратегий мы видим выраженную ориентацию на задачу формы.

Бальмонт-переводчик представляет только 7, кроме того, он существенно меняет порядок следования разделов (см. таблицу).

Выбирая песни для перевода, Бальмонт игнорирует целые рубрики издания Марина: опущены песни о верной любви (4), разлуке (6), примирении (11) и браке (12). Два раздела — с песнями о ненависти и о презрении — переводчик объединяет в один.

Разделы в книге-источнике	Разделы в переводе
1. Requeibros (=Ухаживания, комплименты)	1. Влюбленность
2. Declaración (=Признание)	4. Признания
3. Ternezas (=Нежности)	2. Нежности
4. Constancia (=Постоянство, верность)	
5. Serenata y Despedida (=Серенада и прощание)	7. Серенада
6. Ausencia (=Разлука)	
7. Celos, quejas y desavenencias (=Ревность, жалобы и размолвки)	3. Ревность
8. Odio (=Ненависть)	6. Ненависть и презрение
9. Desdenes (=Презрение)	
10. Penas (=Терзания)	5. Сетованья
11. Reconciliación (=Примирение)	
12. Matrimonio (=Брак)	

По свидетельству Е. Андреевой, Бальмонт, ничего не менявший в своих текстах, «старательно и вдумчиво подбирает стихи по отделам» [Андреева-Бальмонт, 1997: 352]. Случай переводов испанских народных песен показывает, что внимание к структуре и композиции, порядку и следованию текстов характерно и для собраний переводов поэта. Так, предваряя подборку испанских народных песен в «Горных вершинах», поэт пишет: «Для большей полноты впечатления я придал им <песням. — В.П.> <...> некоторую скрытую архитектуру, и разместил, например, часть *sonlas* в таком порядке, что они являются как бы сплошной серенадой, обращенной к одному лицу» [Бальмонт, 6: 412]. Эта «скрытая архитектура» еще более выражена в «Любви и ненависти», где песни не только складываются в длинные серии, но и, будучи разделенными на семь тематических разделов, следуют друг за другом в логической последовательности, не во всем соответствующей последовательности собрания Марина, а определенной поэтом-переводчиком. Крайне показательно в этом отношении завершение «любовной» части сборника, где друг за другом следуют прощальные строфы: *Я с твоей прощаюсь дверью* <...> (Серенада, 35); *Прощай, серафим бессмертный, / Прощай, серафим прекрасный, / Я ухожу с надеждой / Снова увидеть тебя* (Серенада, 36); *Прощай, волшебница души, / Прощай, восторг существованья, / Прощай, полярный свет*

любви. / *Прощай, о, море упования!* (Серенада, 38); *Хоть ухожу, не ухожу я, / Хоть ухожу не отлучаюсь <...>* (Серенада, 39); *Прощай, возлюбленное сердце, / Прощай, победа красоты, / Прощай, жасмин, прощай, звездика, / Прощайте, светлые черты* (Серенада, 40).

Яркий пример выверенной композиции — открывающий сборник раздел «Влюбленность», где строфы читаются как серия из обращений лирического героя к возлюбленной. Поклонник переходит от одной черты любимой к другой, сначала хвалит волосы (коплы 6–8): *Сбрось, молю, мантилью эту, / Дай мне волосы увидеть <...>* (Влюбленность, 6); *Волна твоих волос / Есть цепь для многих душ <...>* (Влюбленность, 7); *Кудри украла / Светлянка у солнца <...>* (Влюбленность, 8). Потом глаза (10–18): *Белок твоих глаз / С лазурными жилками — / Как будто бы небо / В тот день, когда облачно* (Влюбленность, 9); *Эти синие глазенки / Ты украла у небес <...>* (Влюбленность, 10) и т. д. Переходит к ресницам (19–20) и губам (21–28) (например, строфа 26: *Когда ты смеешься, / Румяные губы, / По блеску и краске, / Как яркий рубин* (Влюбленность)). Восхищается пурпуром щек и белизной кожи (30–35, 38), изяществом рук (40–42). Затем Бальмонт ставит друг за другом 9 песен (45–53), начинающихся сравнениями в первую очередь с цветами и деревьями (*Ты лучшая звездика <...>* (Влюбленность, 48); *Ты пальма роскошная <...>* (Влюбленность, 49); *Ты как вербена <...>* (Влюбленность, 52)) и завершает раздел строфами, где красота любимой сравнивается с блеском звезд и сиянием луны и солнца (54–55, 57–60). В других разделах, выстроенных менее искусно, строфы тоже складываются в серии по три-четыре строфы (например, в разделе «Ненависть и презрение» друг за другом следуют «кинжальные» стихи: *Чтоб в тебя угодили кинжалом <...>* (14); *Пусть тебя ранят кинжалом <...>* (15); *Он да погибнет от кинжала <...>* (16)).

Кажется закономерным, что Бальмонт, писавший, что «у Испанца одна только логика — логика чувства, у него одно лишь построение — план войны, которая все разрушает, он весь в порыве, в безумьи хотенья» [Бальмонт, 1991: 407], не выбирает для перевода песни о браке или примирении. Ведь выстраивая сборник, поэт строго следовал своим представлениям об испанской нации, отсеивая «нехарактерное». Вместе с тем в отборе песен видно известное за Бальмонтом стремление переводить близкое, родственное и созвучное его поэзии.

Сборник «Любовь и ненависть» — пример того, что теория перевода называет переводческим сдвигом, модификацией, модуляцией или трансформацией текста. Через строгий отбор и выстроенную композицию Бальмонт создает в некотором роде самостоятельное и

цельное произведение. Очень важно подчеркнуть, что таким образом поэт «ищущий себя» во всей истории литературы и «воплощающий себя» в переводах, пересаживал на русскую почву чужое слово, делая его одновременно своим¹⁷. Бальмонту для этого не нужно перелагать переводимое на «наши нравы», ему нужно усилить (*exagérer*) впечатление. Кроме того, стоит отметить, что структура сборника «Любовь и ненависть» позволяет поставить вопрос о «книге переводов» как об особом поэтическом высказывании в контексте творчества Бальмонта. Возможно, случай испанских народных песен только один из множества.

В завершении укажем на два стихотворения Бальмонта, написанные под влиянием испанской песенной поэзии.

На испанский провенанс «Колыбельной песни» из сборника «Фейные сказки» (1905) указывают не только текстуальные соответствия, но и композиция сборника, в первом издании которого «Колыбельная» непосредственно предшествовала переводам *coplas de cuna* (под заглавием «Испанские колыбельные песенки»). В случае же стихотворения «Нежный жемчуг, Маргарита...» («Только любовь», цикл «Жемчуг», 1903) на влияние испанских любовных народных песен прямо указывает вторая строка — *Как поют в испанских песнях*: действительно, каждая последующая строфа представляет собой вариацию испанских куплетов.

Список литературы

- Marín F.R.* Cantos populares españoles recogidos, ordenados e ilustrados por Francisco Rodríguez Marín. Sevilla, 1882–1883.
- Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont, 1890–1909. Köln; Wien, 1988.
- Rouanet L.* Chansons populaires de l'Espagne traduits en regard du texte original par Léo Rouanet. Paris, 1896.
- Азадовский К.М., Дьяконова Е.М.* Бальмонт и Япония. М., 1991.
- Азадовский К.М.* «Толедское предание» (Бальмонт — переводчик Хосе Соррильи) // Культурный палимпсест: Сборник статей к 60-летию В.Е. Багно; отв. ред. А.В. Лавров. СПб., 2011.
- Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений. Л., 1964.
- Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М., 1997.

¹⁷ В этом контексте особенно знаменателен стихотворный инскрипт Бальмонта на одном из экземпляров «Любви и ненависти»: *Брату, рыцарю мечты — / Темноцветной и узорной, / Что звездой из бездны чёрной, / Из полнотной темноты, / В мир стремится свой луч упорный, / Тьмой своею усладясь / И струя слезу — алмаз, — / Брату, в край его надгорный / Я свои гвоздики иллю, / Свой морской привет задорный / Вливиши в верное „Люблю!“* <выделено мной. — В. П.> [цит. по: Петрова, 2010: 113].

- Багно В.Е.* Русская поэзия Серебряного века и романский мир. СПб., 2005.
- Багно В.Е.* Россия и Испания: общая граница. СПб., 2006.
- Балашов Н.И.* На пути к неоткрытому до конца Кальдерону // П. Кальдерон де ла Барка. Драммы: В 2 кн. Кн. 1. М., 1989.
- Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Л., 1969.
- Бальмонт К.Д.* Собр. соч.: В 7 т. М., 2010.
- Бальмонт К.Д.* Избранное: Стихотворения, переводы, статьи. М., 1991.
- Бальмонт К.Д.* Любовь и ненависть: Испанские народные песни / Предисл. и пер. К. Бальмонта. М., 1911.
- Белоусова В.С.* (=Полилова В.С.) «Я предан испанской звезде...»: Бальмонт и Испания // *Studia slavica*: Сборник научных трудов молодых филологов. Вып. VIII. Таллин, 2008а.
- Белоусова В.С.* (=Полилова В.С.) Между вольностью и буквализмом: Кальдерон и Шелли в переводе Бальмонта // *Русская филология*: Сборник научных работ молодых филологов. Вып. 19. Тарту, 2008б.
- Гаспаров М.Л.* Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999.
- Гелескул А.М.* «Капли дождя»: Испанская песенная поэзия. Перевод с испанского и вступление А. Гелескула // *Иностранная литература*. 2000. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/7/kapli.html>.
- Гинько В.Г.* Кальдерон в России // Педро Кальдерон де ла Барка. Библиографический указатель / Сост. и автор вступ. ст. В.Г. Гинько. М., 2006.
- Жданова А.В.* [Диссертация на соискание степени кандидата наук] Драматические произведения Лопе де Веги в России: история и сопоставительный лингвостилистический анализ русских переводов XVIII–XX вв. М., 2008.
- Иванова А.С.* К.Д. Бальмонт — переводчик английской литературы. Иваново; СПб., 2009.
- Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.
- Макогоненко Д.Г.* Кальдерон в переводе Бальмонта. Тексты и сценические судьбы // П. Кальдерон де ла Барка. Драммы: В 2 кн. Кн. 2. М., 1989.
- Орлов Вл.* Бальмонт: Жизнь и поэзия // Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л., 1969.
- Полилова В.С.* Еще раз о Бальмонте и Испании // Феномен К.Д. Бальмонта в современном культурном пространстве: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (XXXIV Бальмонтские чтения. ИвГУ — ШГПУ, 16 июня 2012 г., г. Шуя). Иваново, 2012.
- Чулян А.Г.* [Диссертация на соискание степени кандидата наук] К.Д. Бальмонт — исследователь и переводчик испанской литературы. Ереван, 2010.

Сведения об авторе: *Полилова Вера Сергеевна*, аспирант кафедры истории зарубежной литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vega.polilova@gmail.com

Е.Э. Фетисова

**НЕОАКМЕИЗМ КАК «РЕНЕССАНС» АКМЕИЗМА:
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ, И. ЛИСНЯНСКАЯ,
А. ТАРКОВСКИЙ, Д. САМОЙЛОВ**

Данная статья иллюстрирует на отдельных примерах отличительные черты неоакмеизма в межтекстуальной коммуникации с неоклассицизмом и акмеизмом. В центре сопоставительного подхода — подобие выразительных средств и авторской стилистики — от литературоведческих приемов, общих фраз, цитат вплоть до общности концепции акмеизма, сходным образом представленной в «Божественной комедии» Данте и поэзии неоакмеизма.

Ключевые слова: лирический герой, неоакмеизм, «Божественная комедия», литературный контекст.

This article illustrates with particular examples how distinctive peculiarities of neoacmeism function in extra-textual communication with neoclassicism and acmeism. The comparative approach centres around the similarity of expressive means and the author's stylistics ranging from purely literary means, shared phrases, quotations up to the community of acmeism conception, similarly represented in Dante's Divine Comedy and neoacmeistic poetry.

Key words: lyric hero, neoacmeism, Divine Comedy, literary context.

Неоакмеизм («ренессансный» акмеизм) наследует от своего достойного «отца» пафос мужественного преодоления разрывов в пространстве и времени, панхроническую концепцию исторического «эона», христоцентричность художественного мира, пребывающего в ожидании «нового Адама», дарующего номинации вещам, предметам и образам, божественное могущество Слова-Логоса, которое в акмеистическом тексте становится сакральным, молитвенным, обретая надвременной статус (А.Ф. Лосев выделял в слове его «допредметную» и собственно «предметную» сущность, с чем перекликается мандельштамовское сравнение слова то с камнем (в «Утре акмеизма»), то с Психеей (в «Слове и культуре»); поэт неоакмеизма, как, впрочем, и поэт-акмеист, предстает многоипостасной, «ренессансной личностью», романтиком, обладающим спонтанной, высокоинтеллектуальной интуицией о происходящем в недрах Вселенной (Бытия), о креативных возможностях Слова, в связи с чем на первый план вновь выдвигается фигура Данте Алигьери, а мотивы, аллюзии, образы, реминисценции «Божественной комедии» и “Vita nuova”

пронизывают художественную ткань произведений неоакмеистов; утверждается единство сакрального (высшего) и профанного (низшего) бытия, непререкаемый авторитет памяти. Литературными эмблемами неоакмеизма становятся философы и художники-подвижники, поэты-Демиурги, а также неживые, но ожившие культурные образы — Григорий Сковорода, Сократ, Прометей, Марсий, Эдип, Анджело Секи (у Арс. Тарковского), Данте Алигьери, Винсент Ван Гог, Ахилл, Нефертити, Кора (мифическая царица), статуи, камни-валуны, сфинксы, могилы (у Д. Самойлова), имеющие собственную историю. Несмотря на то что творчество «старших» неоакмеистов стало объектом пристального рассмотрения в отечественной критике (работах тартусско-московской семиотической школы¹, эссе и монографии С. Чупринина², В. Баевского³, пособия Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого⁴ и др.), в данной статье предлагается принципиально новый исследовательский ракурс: мифопоэтика И. Лиснянской, Арс. Тарковского и Д. Самойлова рассматривается в свете механизма памяти культуры (в сопоставительном аспекте с «Божественной комедией» Данте), что выявляет наличие стадийального перехода от акмеизма к неоакмеизму, при котором традиции акмеизма неизбежно экстраполируются на художественно-эстетическую платформу «нового акмеизма». Таким образом, акмеизм и неоакмеизм впервые осмысляются как единая жанрово-стилевая парадигма — посредством литературно-художественного «ренессанса», культурного «взрыва», реконструкции вертикального контекста «вечных образов» акмеистической культуры, в которой далеко не последнюю роль занимает «Божественная комедия» Данте.

Так, стихотворение «Разыгрался мой сон не на шутку...»⁵ 1972 г. И. Лиснянской — своего рода квинтэссенция ахматовского цикла «Тростник». Помимо образно-тематического и формально-реминисцентного сходства «Надписи на книге» А. Ахматовой (с посвящением М. Лозинскому) и вышеназванного стихотворения И. Лиснянской (согласно лирическому сюжету героиня совершает путешествие в «залетейский» мир, сопровождаемая таинственным спутником — проводником в мир иной), оба произведения ориентированы на общий «прототекст» — «Божественную комедию» Данте. На

¹ См.: Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая культурная парадигма // Russian Literature (Hague). 1974. № 7–8.

² См.: Чупринин С. Арсений Тарковский: дудка Марсия // Крупным планом. Поэзия наших дней: Проблемы и характеристики. М., 1983.

³ См.: Баевский В. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М., 1986.

⁴ См.: Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: В 2 т. Т. 2. 1968–1990. М., 2006.

⁵ Лиснянская И.Л. Шкатулка: в которой стихи и проза. М., 2006. С. 39. Далее ссылки на это издание даются с указанием страницы в круглых скобках.

это указывают образы «задумчивой Леты» (у А. Ахматовой), «воды» (у И. Лиснянской), являющейся аналогом «ручья», т. е. вод Леты, дарующей забвение грехов и опоясывающей Земной Рай в *Canto XXXI* «Чистилища» («Ответь мне! Память о годах печали / В тебе волной еще не сметена»⁶), «рыбака» («И какой-то рыбак безутешный, / За рыбешку дыханье сочтя, / Поплавок поправляет поспешно / И смеется легко, как дитя» (с. 39) — проводника в «обитель умерших» (аналог перевозчика душ «Чистилища» Катона), а также лейтмотивный образ «ожившего тростника», «тростниковой дудки», символизирующий, с одной стороны, тот факт, что голос (пение) поэта прорывается к читателю даже «с берегов Леты», из потустороннего мира, нарушая уготованное ему забвение, а, во-вторых, безусловно, отсылающий нас к Песне I «Чистилища» Данте: «Весь этот островок обвив во-круг, / Внизу, где море бьет в него волною, / Растет тростник вдоль илистых излук»⁷. Тростник здесь выступает символом смирения и ниспосланного Богом усердия (сорванный стебель вновь обретает свой первоначальный облик), и гордый Данте, совершая путешествие по кругам Чистилища, по совету старца Катона обязан препоясаться стеблями тростника: «Здесь пояс он мне свил, как тот назначил. / О, удивленья! Чуть он выбирал / Смиранный стебель, как уже маячил / Сейчас же новый там, где он сорвал»⁸.

Образ «тростниковой дудки» в стихотворении И. Лиснянской («Я опять на земле не живу, / А дыша в тростниковую дудку, / Под водою неслышно плыву» — с. 39) может восходить к тростниковому поясу, в который облачается лирическая героиня, чтобы беспрепятственно перемещаться в пространстве иного мира. Данное сопоставление подтверждается тем, что образ «воды» вновь ассоциируется с родником Чистилища в Песне XV, источающим «влагу примирения» («Тебе был сон, чтоб сердце ни на миг / Не отвращало влагу примиренья, / Которую предвечный льет родник» [Данте Алигьери. Чистилище. Песнь XV, 261]). М. Лозинский в своих примечаниях к «Божественной комедии» дает толкование этому образу: «*Влага примиренья*» — кротость, гасящая огонь гнева. О крайней вспыльчивости поэта рассказывает Боккаччо в «Жизни Данте» [Лозинский, 1982: 576]. Добродетель смирения (кротости), одна из восьми (любовь, радость, мир, долготерпение, милосердие, вера, кротость, воздержание — Иоанна 15:5–6) христианских добродетелей (плодов Духа) является лейтмотивом стихотворения, выражаясь и в эпитете «неслышно» («Под водою неслышно плыву» — с. 39), и в образе «немоты чудесной», утраты поэтического Слова ради приобщения к

⁶ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песнь тридцать первая / Пер. с итал. М. Лозинского; вступ. ст. К. Державина. М., 1982. С. 337.

⁷ Там же. С. 190.

⁸ Там же. С. 191.

ценностям божественного Бытия («Но не звуки восходят из дудки, / А серебряные пузыри» — там же), и, особенно, — в слезах радости, слезах покаяния, особое внимание на которых акцентирует героиня: «И уже я от радости плачу, / Рот разжав и теряя тростник» — там же). Восхождение в Царство Божие совершилось.

Мифология неоакмеизма в значительной мере опирается на образно-тематические доминанты акмеистической традиции. Симптоматично, что здесь, вслед за Ахматовой, Арс. Тарковский называет своим духовным наставником и Учителем великого флорентийца Данте Алигьери: «Вы, жившие на свете до меня, / Моя броня и кровная родня / От Алигьери до Скиапарелли, / Спасибо вам, вы хорошо горели» [Тарковский, 2000: 64].

Мини-цикл стихотворений Арс. Тарковского, объединенных общим названием «Степная дудка», являясь реализацией библейского мифа об Исходе, обретении земли обетованной («Земля неплодородная, степная, / Горючая, но в ней для сердца есть / Кузнечика скрипица костяная / И кесарем униженная честь» [Тарковский, 2000: 167]), явно проецируется на сюжет Песни четвертой “Inferno”, где Данте спускается в Лимб, первый круг католического Ада, где пребывают души ветхозаветных праведников и добродетельных нехристиан, среди которых — воспетый поэтами Овидий (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.): «Гомер, превысший из певцов всех стран; / Второй — Гораций, бичевавший нравы; / Овидий — третий, а за ним — Лукан» [Данте Алигьери. Ад. Песнь IV: 34]. М. Лозинский отмечает: «Метаморфозы» Овидия, равно как «Фарсалия» Лукана, служили автору «Божественной комедии» немаловажными источниками» [Лозинский, 1982: 526].

Из четверых прославленных поэтов древности, почитаемых Данте, герой стихотворного цикла выбирает Овидия, творчество которого, в том числе знаменитые «Метаморфозы», в наибольшей мере запечатлело философские, глубинные реалии времени, противоречия современной эпохи. Герой Арс. Тарковского готов мужественно «вкушать в Лимбе горечь своей доли», учиться смирению, почитая Овидия своим духовным Учителем («С Овидием хочу я брынзу есть / И горевать на берегу Дуная...») [Тарковский, 2000: 166]. Итак, герой посмертно изъявляет желание примкнуть к «славнейшей» школе ученых мужей.

Образ неоднократно упомянутого Дуная восходит, очевидно, к «приветливому роднику» у Данте: «Высокий замок предо мной возник, / Семь раз обвитый стройными стенами; / Кругом бежал приветливый родник» [Данте Алигьери. Ад. Песнь IV: 35]. Число «семь» рефреном повторяется в стихотворном цикле Арс. Тарковского и «Божественной комедии» Данте не случайно: изгнание Овидия из Рима длилось семь лет, великий Данте был изгнан из родной Флоренции — об этом событии вспоминает лирический герой: «Изгнание

чужое вспоминая, / С Овидием и я за дестью десть / Листал тетрадь на берегу Дуная» [Тарковский, 2000: 167]. Семь раз обвит стенами высокий замок в Лимбе и «Сквозь семь ворот тропа вовнутрь вела; / Зеленый луг открылся перед нами» [Данте Алигьери. Ад. Песнь IV: 35]. Расстояние до Рима в цикле «Степная дудка» («И говорил: — Семь лет пути до Рима!») [Тарковский, 2000: 168]) — расстояние до столицы Италии измеряется временем отлучения от родины. Лирический герой мечтает разделить муки первого адского круга вместе с легендарным античным поэтом Овидием («И он ответил: “Именем своим / Они гремят земле, и слава эта / Угодна небу, благостному к ним”») [Данте Алигьери. Ад. Песнь IV: 34]).

Образность многих стихотворений Арс. Тарковского непосредственно восходит к «Божественной комедии» Данте. Образы «Ада», «Чистилища» и «Рая» четко дифференцированы, но иногда поданы в переносном, метафорическом смысле: в стихотворении «Полевой госпиталь» больница для раненых солдат уподобляется Лимбу — первому кругу дантовского Ада, где казнятся добродетельные нехристиане («Ни оттепелей не было в том лимбе, / Где я лежал в позоре, в наготе...») [Тарковский, 2000: 97]); в стихотворении-послании «Елене Молоховец» категории Ада, Чистилища и Рая погружаются в иронический контекст: «Где ты, писательница малосольная, / Молоховец, холуйка малохольная, / <...> / В каком раю? чистилище? мучилище? / Костедробилище?..») [Тарковский, 2000: 120]; в стихотворении «Камень на пути» вновь центральными становятся образы «ада» и «рая» («Вначале мы предполагаем / Какой-то взгляд со стороны / На то, что адом или раем / Считать для ясности должны...») [Тарковский, 2000: 156]); образ «ивы» — символа загробной жизни — пронизывает художественную ткань стихотворения «Флейта» из цикла-диптиха «Две японские сказки» («Наклоняется ива / Над студеным ручьем...») [Тарковский, 2000: 216]), — а также лирической песни «Иванова ива», где ива олицетворяет собой смерть («В своей плащ-палатке, убитый в бою, / Иван возвратился под иву свою...») [Тарковский, 2000: 101]).

Стихотворение «Берег мертвых» Д. Самойлова 1968 года также отсылает к «Божественной комедии», лугу Прозерпины — «царству теней», месту встречи родных и любящих душ («Там я видел и отца и друга, / И отца и друга, / Сына и жену, / Там я видел отдаленность луга, / Даль и тишину») [Самойлов, 1998: 294–295]); к подножию горы Чистилища («берег мертвых» у Д. Самойлова соответствует «берегу спасения» у Данте, где души сольются в беззвучном хоре); и, наконец, к Долине Земных Властителей, которой посвящена Песнь седьмая «Чистилища» (отсюда не случаен образ «толпы теней», сидящих на берегу уединенной долины и мирно беседующих, — это души Земных властителей, поглощенные мирскими делами).

Упомянутая поэтом река, к которой слетаются тени в поиске родственных душ, не может быть Летой, так как Лета дарует забвение и утешение («Медленно течет, / Не утешая, / Вдоль пустынных берегов» — там же); прообразом ее, вероятно, служит река Тибр, упомянутая во второй Песне «Чистилища». Указание на *челн* тоже не является спонтанным. М. Лозинский отмечает: «Каселла рассказывает поэту, что души тех, “кто не притянут Ахероном” (ср. А., III, 70–129), то есть не осуждены на муки Ада, слетаются после смерти к устью Тибра (ср. Ч., XXV, 85–87), откуда ангел отвозит их в челне на остров Чистилища. <...> вот уже три месяца, как ангел “берет свободно” в свою ладью всех, кто ни попросит» [Лозинский, 1982: 526].

Поэт в стихотворении Д. Самойлова жаждет «слиться телом и душой» со своей возлюбленной и, наряду с новоприбывшими душами умерших, «глотнуть летейской воды», дарующей забвение грехов. Встреча с воображаемой возлюбленной, прообразом Беатриче, происходит в Земном Раю Песни тридцать первой «Чистилища», где Данте и Беатриче «пьют воды Леты» для последующего восхождения к розе Эмпирея.

На протяжении развертывания лирического сюжета герой меняет несколько ипостасей: если в первых строках стихотворения он предстает в образе Данте, ожидающего появления своей возлюбленной — Беатриче («Станем мы единым телом / И одной душой» [Самойлов, 1998: 294]), то в конце он неожиданно изъявляет желание стать величественным старцем Катонем — перевозчиком душ Чистилища: «Я хочу спуститься с теплохода, / В тусклом свете полдня / К ним направить челн / И бродить меж ними / Год от года / Ничего не помня / И не зная ни о чем» [Самойлов, 1998: 295].

Стихотворение «Меня ты не отпустишь. Осторожно... 1986 г. Д. Самойлова отсылает к Песне третьей «Ада» Данте, где впервые возникает образ «Хароновой ладьи». Возлюбленная лирического героя прощается с его грешной душой, распределенной Хароном в соответствующий ее вине, но не маркированный в стихотворении круг Ада (согласно концепции Данте, «тяжелая ладья» перевозчика Харона держит путь к берегу адской реки, опоясывающей первый круг Ада — Ахерону): «А бес Харон сзывает стаю грешных, / Вращая взор, как уголья в золе, / И гонит их и бьет веслом неспешных» [Данте Алигьери. Ад. Песнь III, 30]. Старик Харон, перевозчик душ античной преисподней, превращенный в Аду Данте в беса, упомянут также в VI Песне «Энеиды» (Эн., VI, 295–330). В стихотворении Д. Самойлова Харон, напротив, «нетороплив и тих», занимает позицию стороннего наблюдателя (он дает возможность лирическому герою «благословить на жизнь» своих детей): «Но перевозчик строго, отрешенно / Нас будет ждать, нетороплив и тих, / Покуда я из той

ладьи Харона / Благословлю на жизнь детей моих...» [Самойлов, 1998: 688].

Цикл стихотворений «Беатриче» (1985) Д. Самойлова, по признанию автора, «сложился как ряд переживаний, связанных с категориями чувств» [Самойлов, 1998: 633]. Прежде всего для поэта была важна опора на традицию зарубежной и русской литературы («ссылка на накопленные значения составляет суть культурной традиции, вне которой не существует развитая поэзия» — там же), в первую очередь на творчество мэтра акмеизма — А. Ахматовой, отсюда не случайно в калейдоскоп сменяющихся эпизодов-кадров лирического цикла, объединенных пространством лирического поиска, «вкрадывается» стихотворение, обращенное непосредственно к «Анне всея Руси» («Ах, наверное, Анна Андреевна...»), содержащее внутреннюю полемику с ахматовским пониманием сути искусства («Не из сора родятся стихи, / А из горькой отравы...» [Самойлов, 1998: 641]).

Если рассматривать цикл стихотворений «Беатриче» как лирическую мелодраму с прологом (вступительной частью к драматическим действиям диалогического типа, включающей авторский комментарий), репликами («Реплика Данте»), перебиваемыми лирическими отступлениями в философском ключе — антистрофами («Ждать не умею! Вмиг! Через минуту!...»; «Желанье и совесть — две чаши...»; «Бабочка»; «Действительно ли счастье — краткий миг...»), служащими отдельными самостоятельными *прологами* к каждой новой самостоятельной минидраме любовного цикла (так, лирическое отступление исповедального характера «День» — «Увижу рассвет за венозным окном...» — «обрамляет» любовную драму «Дон Кихот», а подобное ему лирическое отступление-исповедь «Ты подарила мне вину...» — предшествует дионисийским страстям «Леди Макбет» Шекспира — стихотворению «Страсть» и т. д.); эксодом (заключительной частью трагедии, подводящей в философском ключе итог совершившегося — так, музыкальный дивертисмент «45-я Гайдна» подводит итог драме «Леди Макбет», однако эксод всего цикла — «грустной драмы» — отсутствует, о чем говорит автор, выступающий в роли античного корифея, в своем завершающем цикл стихотворении «Последний проход Беатриче» — «Не надо. У меня не хватит духа / На монолог — венец старинных драм» [Самойлов, 1998: 651]); эксод заменяет «Финал», так как автор, следуя традиции театрального канона, восходящей к канону античных драм, тут же ее нарушает («Но, перекраивая наново / Все театральные каноны, / Вдруг дать перед финалом занавес / И пасть в объятья Дездемоны» [Самойлов, 1998: 650]), — то вышеупомянутое стихотворение, посвященное Анне Ахматовой, выступает своего рода интермедией, восходящей, в свою очередь, к эподу, вводимому в трагедию лишь на правах

вспомогательного компонента; действительно, данное стихотворение по содержанию и смысловой доминанте выбивается из общего ряда любовных драм лирического цикла, однако ссылка на поэта-акмеиста не случайна: в «Поэме без героя» Ахматова аттестует «Интермедию» как «бродячие строфы», которые она «не пустила в основной текст», но которые являются маркером-границей, разделяющей прошлое и будущее, трагедию века (эпизодий-главу «Девятьсот тринадцатый год») и частную трагедию самоубийства (эпизодии-главы второй-четвертой, ознаменованные трагической развязкой).

Синхронно-реминисцентный хронотоп (образ Лысой горы в стихотворении «Она» отсылает к одной из граней «ахматовского мифа» — «колдунье с Лысой горы», «киевского Брокена»; образ Люцифера в стихотворении «Фантазия» — к дантовскому Аду, Сатане-Деснице) — ведущая доминанта построения акмеистического текста — позволяет сфокусировать в едином лирическом цикле несколько любовных драм, восходящих к отдаленным временам и эпохам: Данте и Беатриче («Божественной комедии» Данте, а также автобиографической исповеди «Новая жизнь» — “Vita nuova”, написанной у могилы Беатриче Портинари, скончавшейся в 1290 г.), Лауры и Петрарки (сонеты Петрарки), Дон Кихота и Дульсинеи из Тобозо («Дон Кихот» Сервантеса), скрепленных личной авторской драмой. Таким образом, лирический цикл Д. Самойлова представляет собой античную **тетралогию**, в которую входят три вышеперечисленные трагедии (драма Лауры и Петрарки, Дон Кихота и Дульсинеи, а также личная драма автора) и одна **сатирическая драма**, причем в роли последней выступает драма «Данте и Беатриче», прокомментированная автором в прологе (аналоге ахматовского «Вместо предисловия» к «Триптиху») следующим образом: «Наверное, ученые педанты, со своей стороны, упрекнул меня в невежестве относительно реалий подлинных отношений Данте и Беатриче» [Самойлов, 1998: 633]. Беатриче для автора — не более чем знаковый образ эпохи Возрождения («Но вдруг услышу Беатриче шаг, / Когда она походкой Возрожденья / Минует зал и делает мне знак» [Самойлов, 1998: 651]), культурный символ, наряду с «Прекрасной Дамой» Блока («Стихи о Прекрасной Даме»), подаваемый зачастую в сатирическом, пародийном ключе («Говорят, Беатриче была горожанка, / Некрасивая, толстая, злая» [Самойлов, 1998: 633]). Автор подчеркивает искусственность, театральность этого образа. Сюжет «Данте и Беатриче» выбивается из авторской «грустной драмы», ориентированной на драмы Ибсена и Метерлинка, олицетворяя собой «легкий десерт, все тот же немного дурашливый раздвоенный след Дионисовых спутников»⁹.

⁹ Дорофеев О. Школа Эллады // Эсхил, Софокл. Трагедии / Пер. с др. греч. М., 2001. С. 8.

Ориентация лирического цикла «Беатриче» на структурообразующие принципы драмы Ибсена и Метерлинка становится очевидна в заключительном стихотворении «Последний проход Беатриче» (1985): «Ах, реквизит не нужен. Только тени / Вещей, предметов, туч, деревьев, трав. / Я предпочту играть на голой сцене, / Всю нашу бутафорию убрал» [Самойлов, 1998: 651]. Тем самым автор берет за основу характерные черты стриндберговской драмы, натуралистического театра, провозглашая отсутствие всякой искусственности, «бутафории», «театральности», превращение сцены во фрагмент жизни, бесхарактерность персонажей, обстоятельное предисловие-манифест, максимальную иллюзию действительности («Сыграю среди этой ахинеи / Деревья, травы, тучи и дожди...» — там же), «сквозные» характеры («По окончанье этой грустной драмы / Пусть Беатриче снова просквозит» — там же), субъективные ассоциации («Я бы сыграл одни лишь наважденья» — там же), отсутствие развернутых драматических коллизий. Лирический цикл Д. Самойлова напоминает ряд сменяющихся кинокадров-эпизодов, подобно ахматовской поэме «Путем всея земли», философских размышлений, лирических этюдов, разносторонне освещающих трагизм человеческой любви.

Список литературы

- Баевский В.* Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М., 1986.
- Дорофеев О.* Школа Эллады // Эсхил, Софокл. Трагедии / Пер. с др. греч. М., 2001.
- Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Русская семантическая культурная парадигма // Russian Literature (Hague). 1974. № 7–8.
- Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е годы: В 2 т. Т. 2: 1968–1990. М., 2006.
- Чупринин С.* Арсений Тарковский: дудка Марсия // Крупным планом. Поэзия наших дней: Проблемы и характеристики. М., 1983.

Источники

- Данте Алигьери.* Божественная комедия / Пер. с итал. М. Лозинского; вступ. ст. К. Державина. М., 1982.
- Лиснянская И.Л.* Шкатулка: в которой стихи и проза. М., 2006.
- Самойлов Д.* За третьим перевалом / Сост. Г.И. Медведев. СПб., 1998.
- Тарковский А.А.* Стихотворения и поэмы. М., 2000.

Сведения об авторе: *Фетисова Екатерина Эдуардовна*, канд. филол. наук, библиограф ИНИОН РАН. E-mail: edit@philol.msu.ru

А.В. Назарова

ЛЕГЕНДА ОБ АНТИХРИСТЕ В СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКЕ Е.Н. ЧИРИКОВА «ОТЧИЙ ДОМ»

В статье рассматривается своеобразие авторской трактовки легенды об Антихристе в семейной хронике Е.Н. Чирикова «Отчий дом», с помощью которой писатель стремился осмыслить реалии отечественной истории первой четверти XX в. Образ Антихриста, с одной стороны, персонифицирован в конкретном историческом лице (руководителе большевистской партии В. Ленине), с другой — в соответствии с распространенным в среде раскольников учением о «духовном» Антихристе интерпретируется как безличное злое начало, воцаряющееся в мире на финальном этапе его истории.

Ключевые слова: Евгений Чириков, легенда об Антихристе, семейная хроника.

In the article the author's distinctive interpretation is being discussed of the identity of the Antichrist legend in E.N. Chirikov's family chronicle "The Father's House", with which the writer tried to find profound meaning in the realities of the domestic history of the first quarter of the twentieth century. The image of the Antichrist, on the one hand, personified in a particular historical person (the Bolshevik party leader Vladimir Lenin), on the other hand, in accordance with the doctrine (common among dissenters) of "spiritual" Antichrist is interpreted as an impersonal evil presence, reigning in the world at the final stage of its history.

Key words: Eugeny Chirikov, the family chronicle, legend of the Antichrist.

Образ Антихриста всегда привлекал к себе значительное внимание не только богословов, но и представителей русской философской мысли и литературы. Регулярно возобновляющийся интерес к этому персонажу христианской эсхатологии обусловлен своеобразным мировосприятием русского человека, который посредством легенды о пришествии на землю противника Христа осмысливает реалии отечественной истории и прогнозирует будущее. Отмечая данную особенность национального сознания, современный исследователь объясняет ее тем, что в условиях, когда «нормой жизненного ритма становится перманентная катастрофа, горизонт исторической надежды немедленно сужается в эсхатологическую перспективу, по центральной оси которой выстраиваются столь знакомые и неизменно впечатляющие знамения последних времен» [Исупов, 1995: 5]. Причиной же, по которой больше «ни один вселенский оппонент Бога, включая наиболее приметных персонажей демонологии и

самого Князя Тьмы» [там же], не занял центрального места в сочинениях, пророчествующих о «конце мира», историки культуры называют уникальное свойство этой фигуры, чьи очертания легко накладываются и совпадают с «обликами оперативно разыскиваемых исторических претендентов» [там же: 6]. Заметную роль здесь играет тот факт, что библейские тексты не дают сколько-нибудь цельного жизнеописания существа, уготованного стать противником Бога, в них нет упоминания о юности и годах учения Антихриста, его мировоззренческом созревании и пути к богоборчеству. Это позволяет художнику слова, мыслителю, теологу и простому обывателю детализировать, дополнять и модернизировать историю Антихриста применительно к современности, что, как уже отмечалось, помогает уяснить смысл подчас непонятных и оттого пугающих внутренних и внешних общественно-политических, военных и экономических потрясений и задуматься о поведении в резко изменившихся, враждебных обстоятельствах.

В этой связи, несомненно, показательным становится творчество Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932), в произведениях которого легенда об Антихристе стала предметом художественного осмысления. Она выступила в качестве сюжетной основы легенды «Девьи горы», вошедшей в сборник писателя «Волжские сказки» (1916). По сюжету автор-повествователь во время путешествия по Волге на пароходе становится свидетелем спора, разгоревшегося между мещанином и стариком-сектантом. Первый утверждает, что Антихрист скрывается под личиной германского императора Вильгельма (идет Первая мировая война), старик же заявляет, что Антихрист был уже однажды рожден, но «его еще во чреве материнском прикончили и тем спаслись» [Чириков, 2000: 253]. В доказательство он рассказывает присутствующим легенду, события которой относятся к XIII в., времени завоевания Волжской Булгарии монголами. Согласно ей, Сатана принял образ «святого пустытника» и соблазнил красавицу-булгарку по имени Варвара, которая понесла от него дитя. Но сатанинский замысел был разгадан праведником, помешавшим его осуществлению ценой собственной жизни. Приняв облик соблазнителя, он заманил Варвару в лодку, и когда они оказались на середине реки, прорубил днище топором. «Хлынула вода в лодочку <...>, разверзлась Волгаматушка и поглотила всех» [там же: 263]. Однако концовку сказания не следует рассматривать как знак полной и окончательной победы над Сатаной, в человеческом облики стремящимся внедриться в мир людей и поработить его. Старик предупреждает собравшихся, что Сатана не оставит попыток захватить землю, и Антихрист родится вторично, «и опять его узнают и вовремя погубят, а потом родится он в третий раз, и тогда — кончено!...» [там же: 253].

Опубликованная накануне Октябрьского переворота, эта легенда звучала, по мысли автора, грозным предостережением погрязшему в пороках, безбожному и обреченному миру, который, свидетельством чему стали все последующие события конца 1910-х — начала 1920-х годов, так и не внял ему.

Воссоздавая десятилетие спустя уже в эмиграции масштабную панораму предреволюционной России, Чириков в семейной хронике «Отчий дом» постарался доказать, что пришествие Антихриста было подготовлено самим ходом российской истории последних десятилетий XIX — начала XX в. И та легкость, с какой ему удалось ослепить и повести за собой массы, явилась закономерным результатом политического авантюризма, провокаторства, корысти и равнодушия, царивших в русском обществе, а отнюдь не игры случая или происков неких таинственных сил. «Настоящее рождается из прошлого, а будущее из настоящего и <...> их никак нельзя разорвать, — писал художник, — <...> существует своеобразная «круговая порука» поколений и <...> колесо истории <...> не поворачивается и не останавливается <...> даже по приказу самодержавного императора. <...> Революции не сваливаются с небес, а готовятся долгим историческим процессом. Вот только этот исторический процесс мне и хотелось отразить» [Чириков, 2010: 474].

По мысли Чирикова, революция стала возможна потому, что русский мужик был «обольщен» и обманом втянут в бессмысленную возню вокруг получения земли, окончившуюся братоубийственной войной. Кто же столь расчетливо и цинично использовал для осуществления своих планов «власть земли», искони определявшую все народное бытие? В поисках ответа писатель размышлял и о том, способен ли человек, пусть даже наделенный «дьявольскими» коварством и изворотливостью, в одиночку одурманить народ, подтолкнув его к смуте, или ему кто-то содействовал, подчас неосознанно? В таком случае о скольких воплощениях Антихриста в «Отчем доме» может идти речь, и на какие традиции опирался Чириков, намекая на этот образ?

Согласно авторской концепции, искусителем миллионов стал Ленин, жаждавший воссесть на трон вождя революции и переступивший ради своей цели все моральные границы. Чириковская мысль была созвучна мнению части русской общественности, для которой революция представляла как осуществившийся апокалипсис, советское государство виделось царством Антихриста, а возникший общественный строй — воплощением Антихристового духа. Например, в ряд персонификаций Антихриста наравне с Григорием Распутиным и Александром Керенским включил Ленина один из участников сборника статей о русской революции «Из глубины» (1918) С.А. Аскольдов

[Аскольдов, 1995: 176–207]. Олицетворением «духа зла», «духа небытия, ничтожества» назвал вождя мирового пролетариата Д.С. Мережковский [Мережковский, 2001: 112], «планетарным злодеем» окрестил Ильича в речи о миссии русской эмиграции И.А. Бунин [Бунин, 1924: 4–5], а Петр Струве в воспоминаниях писал о его «рациональной и дьявольской праведности», которая столь же далека от «праведности Христа, как фантастический образ Антихриста далек от исторического образа Христа» [Струве, 1991: 220].

Какие же качества и поступки Ленина в интерпретации Чирикова раскрывают его дьявольскую сущность? Опираясь на традиционное богословское толкование образа Антихриста, писатель прежде всего отмечает присущую Ильичу непомерную, буквально «сатанинскую» гордыню и высокомерие, следствием которых стали его жажда всемирной славы и стремление любым способом закрепить свое имя в истории. Наиболее заманчивой и притягательной для него становится идея устроить социальный пожар в России, рассчитывая, что вспыхнувшая за ним следом у немцев и других народов революция очистит земной шар для нового строительства. Как замечает один из персонажей хроники, «это не марксист, а Герострат какой-то, вознамерившийся сжечь не один храм Дианы, а все храмы на земле вообще» [Чириков, 2010: 266].

Одним из ярчайших проявлений этой гордыни становится полное презрение Ильича к любым авторитетам. Он открыто смеется над учителями, называя теоретиков немецкого социализма Бебеля и Каутского «старыми портянками» [там же: 461], а в одной из бесед надменно заявляет оппоненту, уличившему его в непоследовательности и извращении слов Маркса: «А не приходит вам в голову, что не я устарел, а Маркс со своей социальной научной эволюцией? Я признаю Маркса, когда он не скучный профессор, а революционер» [там же: 264]. По той же причине он стремится отеснить от «кормила правления» социал-демократической партии всех «мягкотелых» руководителей, которые, по его мнению, думают вовсе не о свержении самодержавия, а о превращении рабочего класса в «благополучных мещан» [там же: 460]. Не скрывает Ильич своего презрения и к народу, в котором видит лишь «прекрасную дубину» [там же: 721] для расправы над противниками. Желая ускорить приближение восстания, он призывает однопартийцев провоцировать недовольство низов всеми возможными способами, а на упреки в аморальности подобных действий отвечает, что революции всегда творятся «без перчаток, галстука и крахмала» [там же: 460]. Готовность переступить через все моральные нормы и принципы роднит чириковского персонажа с однозначно понятным Раскольниковым, чья

теория о праве избранных, великих людей жертвовать ради своих интересов жизнями ничем не выдающегося большинства становится для Ленина прямым руководством к действию: «Пешка в шахматной борьбе бывает дороже офицера. Надо только умело употребить ее в дело в подходящий момент. Фигуры — это герои, а пешки — толпа... <...> Толпа всегда и прежде всего — дура. А разве для точки опоры требуется еще что-нибудь, кроме дубовой крепости материала?» [там же: 215] Но если Раскольников так и не сумел переступить через мораль, переживая после совершенного им убийства сильнейшие нравственные мучения, то Ленин, напротив, абсолютно свободен от каких бы то ни было сомнений и колебаний этического характера, что в свою очередь находит самое непосредственное отражение в его политической тактике.

В борьбе за власть над массами Ильич не гнушается никакими средствами, главным из которых становится обман. Понимая, что «произвести в России социальную революцию силами одного рабочего класса невозможно» [там же: 720], Ленин решает натравить на самодержавие многомиллионное крестьянство, которое «расчистит путь для будущей диктатуры пролетариата» [там же: 721]. Приманкой становится лозунг о полной и безвозмездной конфискации всех помещичьих угодий в пользу народа, поскольку, считает Ильич, нет ничего проще, чем надуть мужика землей, о которой тот исторически бредит. Но поддерживать «мужицкие аппетиты» он планирует лишь до того момента, пока к власти не придет рабочий класс, после чего большевикам «придется вести новую войну с этим мелким буржуем» [там же: 721]. Точно так же в целях вербовки новых сторонников марксистского лагеря использует Ленин народную устремленность к правдоискательству. Например, в беседах с обитателями сектантских общин начетчик Ильича Вронч-Вруевич (так писатель сатирически переименовал фамилию известного большевика В.Д. Бонч-Бруевича) незаметно подменяет «христову общину» и «христово воинство» социалистической коммуной и революционным воинством, чтобы, в конце концов, превратить в сознании сектантов «единое стадо людей» в «единый класс», а «Единого Пастыря» — в Ленина [там же: 397]. Тем самым его сторонники тоже являются своего рода антихристами, ведь в церковной традиции так именуют не только самого ставленника Сатаны, но и всех лжепророков и учителей, которые проповедуют поклонение человеку, возмечтавшему о мировом господстве.

Как показал Чириков, Ленину и его окружению удалось обмануть не только народ, в котором они видели всего лишь слепую силу, годную быть использованной в качестве революционного тарана, но и собственных сторонников. Поддержка Плеханова и других «осно-

воположников научного социализма» в России была выгодна Ильичу только до тех пор, пока он не сумел «влезть в самый верховный центр марксизма» [там же: 459], воспользовавшись партийной «чехардой», предшествовавшей II съезду РСДРП. И как только ему это удалось, начал методично и целеустремленно вытеснять оттуда прежних «рулевых» и открыто переделывать марксистское учение на свой лад.

Помимо традиционной ортодоксально-богословской концепции Чириков в «Отчем доме» опирается и на раскольничье учение о «духовном» Антихристе, согласно которому тот понимается как безличное злое начало, воцаряющееся в мире на финальном этапе его истории. Описываемые художником события, происходившие в России в последней четверти XIX — начале XX в., можно рассматривать как своеобразные знамения приближающегося «конца времен»: неурожай и голод 1890-х гг., за которыми следовали вспышки холеры, война с Японией и первая русская революция, всеобщий упадок веры и нравов, кризис семьи и общества и т.п. Но предлагая читателю устрашающую картину охвативших страну бедствий, писатель в то же время демонстрирует, что едва ли не большая их часть во многом была спровоцирована самой властью.

В книге Чириков приводит множество фактов и эпизодов непродуманной, недалновидной, а часто и прямо ошибочной политики последнего русского императора. Характеризуя личность Николая II, он с сожалением констатирует, что царь не обладал «ни твердой волею отца, ни государственным кругозором, необходимым для самодержавного властелина огромного царства» [там же: 470] и всегда сильно зависел от своего окружения. Именно в слабости самодержца писатель видит его главную «вину» перед историей, поскольку добрый, но беспомощный император, «к великому несчастью России, не обладал еще и даром удачного выбора помощников» [там же: 470], которые «не столько думали о России и народе, сколько торопились <...> сделать блестящую карьеру» [там же: 470], получить «широкий доступ к государственному карману» [там же: 630] и готовы были ради легкой наживы даже подтолкнуть Россию к бессмысленной войне. Когда же в 1904 г. началась война с Японией, «придворная камарилья» (писатель не жалеет хлестких слов, описывая придворный круг Николая II) принялась беззастенчиво обкрадывать собственных солдат. И воровство в частях армейского снабжения достигло настолько вопиющих размеров, что (это доказано историками) стало одной из причин поражения России в русско-японской войне.

«Роковую» же ошибку правительство Николая II совершило, по мысли Чирикова, не доведя до конца земельную реформу 1861 г., которая, хотя и принесла крестьянам личное освобождение, не оправдала

их надежд и ожиданий, поскольку оказалась «сильно укороченной в интересах дворянства» [там же: 470]. О порочности такой политики свидетельствовала сама история. «Россия въезжала в ворота XX столетия с хроническими “голодными годами”, с эпидемиями, с вспыхивающими то там, то сям аграрными беспорядками» [там же: 469]. Однако «неразумное» царское окружение, состоящее прежде всего из консервативного дворянства, не только не замечало надвигавшейся грозы, но как будто всеми силами стремилось повернуть колесо истории вспять, чтобы вернуть страну назад, в эпоху крепостничества, полагая, что «мужик» бунтует только оттого, что ему дали слишком много «воли». Этим, в конце концов, и воспользовался Ленин.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в семейной хронике Чирикова фигура Антихриста не только персонафицирована в конкретной личности — руководителе большевистской партии Владимире Ленине, но также интерпретируется как коллективный образ («легион» мелких антихристов, «бесов») большевиков и более обобщенно — состояние погрязшего в грехах мира на его последнем этапе.

Список литературы

- Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Антихрист (Из истории отечественной духовности): Антология / Сост. коммент. А.С. Гришина, К.Г. Исупова. М., 1995.
- Бунин И.А.* Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) // Руль. 1924. № 1013 (3 апр.).
- Исупов К.Г.* Русский Антихрист: сбывающаяся антиутопия // Антихрист (Из истории отечественной духовности): Антология / Сост. коммент. А.С. Гришина, К.Г. Исупова. М., 1995.
- Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001.
- Струве П.Б.* Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. 1991. № 4.
- Чириков Е.Н.* Девьи горы // Чириков Е.Н. Зверь из бездны / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М.В. Михайловой. СПб., 2000.
- Чириков Е.Н.* Отчий дом / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М.В. Михайловой, А.В. Назаровой. М., 2010.

Сведения об авторе: Назарова Анастасия Викторовна, специалист по учебно-методической работе 2-й категории кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nav32@rambler.ru

Н.А. Прозорова

ИСТОРИЯ ЗАЧЕРКНУТЫХ СЛОВ В ДВУХ СТИХОТВОРЕНИЯХ БОРИСА КОРНИЛОВА

Автор рассматривает историю публикации двух стихотворений Б. Корнилова: выявлено вторжение публикаторов в текст стихотворения «Знакомят молодых и незнакомых...»; обосновывается необходимость дальнейшего воспроизведения этого произведения с учетом новонайденного архивного источника. Анализируются новые архивные документы, связанные с публикацией стихотворения «Соловьяха». Предполагается, что отсутствие в печати авторского посвящения этого произведения Зинаиде Райх является не проявлением воли поэта, а следствием цензурного вмешательства.

Ключевые слова: стихотворение, публикатор, вторжение в текст, архив, цензура.

The author examines the history of publications of two poems by B. Kornilov: an unacceptable editors' intrusion into the text of the poem "Znakomiat molodyh i neznakomyh..." is revealed. The new archival sources were taken into consideration, allowing to substantiate the need for subsequent publication of the poem. The new documents, related to the publication of the poem "Solov'ikha", are also analyzed. The absence of its dedication to Zinaida Reich in the press is interpreted not as a manifestation of the poet's will, but as a consequence of censorial interference.

Key words: poem, publisher, intrusion into the text, archives, censor.

Творческое наследие Б.П. Корнилова (1907–1938) невелико. После смерти поэта, расстрелянного по обвинению в причастности к «троцкистско-зиновьевской террористической организации», его произведения не печатались почти двадцать лет. Первое посмертное издание, подготовленное О.Ф. Берггольц и М.П. Берновичем, вышло лишь после реабилитации в 1957 г.¹

Стихотворения поэмы Корнилова последних лет жизни сохранились в двух рукописных тетрадях — «коричневой» и «оранжевой». Их удалось сберечь, несмотря на годы террора и войны, второй жене поэта Людмиле Григорьевне Басовой. Продолжая собирать корпус стихотворений Корнилова, Бернович обратился к ней летом 1959 г. и познакомился с «коричневой» тетрадью. Исследователь загорелся желанием опубликовать неизвестное тогда стихотворение «Знакомят

¹ См.: *Корнилов Б.* Стихотворения и поэмы / Сост. О. Берггольц, М. Бернович; [предисл. О. Берггольц; ред. И. Авраменко]. Л., 1957.

молодых и незнакомых...» (написанное Корниловым в 1934 г.), послал его в «Литературную газету», где оно и было опубликовано².

Как только произведение появилось в печати, Людмила Григорьевна написала Берновичу: «...интересно, кто изменил строчку в стихотв <орении> Б <ориса> П <етровича> — “не принимающие директив” <в рукописи: не признавающие. — Н. П.> на “живущие без директив”»? Этим очень нарушился ритм стихотв <орения>, и Б <орис> П <етрович>, обладавший хорошим поэтическим “слухом”, никогда так не написал бы»³. Обратимся к единственному рукописному тексту этого стихотворения в «коричневой» тетради и процитируем строки, вызвавшие недоумение Басовой.

В тетради:

А под окном щебечут клен и ясень,
не признавающие директив⁴.

Напечатали:

А под окном щебечут клен и ясень,
живущие без директив⁵.

Словообразование действительного причастия настоящего времени «не признавающие» (вместо правильного «не признающие») было признано редакцией «Литературной газеты» неграмотным и произвольно заменено («живущие») ⁶. Модус исправленного слова при этом изменился: произошла смысловая подмена, исчез протестный характер действия, особенно в сочетании со словом «директива». Если в картине мира поэта накануне Большого террора еще дозволялось не «признавать директив» (по крайней мере, деревьям), то редактор центральной газеты в 1959 г. — в начале хрущевской оттепели — был более осторожен, «разрешая» деревьям просто «жить» без директив. Между тем литературный чиновник мог минимизировать вторжение в текст, скажем, напрашивающейся заменой «не признавающие директив» на «не принимающие директив» (как, кстати, написала Басова Берновичу). В этом случае сохранился бы оттенок несогласия, но именно этого, как представляется, и не хотел редактор-публикатор.

При следующей публикации произошло новое вмешательство в авторский текст. М. Бернович, готовивший произведения Корнилова

² Корнилов Б. Из неопубликованного: «Знакомят молодых и незнакомых...» // Литературная газета. 1959. 1 авг. № 95. С. 3 (далее: Корнилов Б. Из неопубликованного: «Знакомят молодых и незнакомых...»).

³ Корнилов Б. «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012. С. 455–456.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 600, № 44, л. 10–10 об. («коричневая» тетрадь Б.П. Корнилова).

⁵ Корнилов Б. Из неопубликованного: «Знакомят молодых и незнакомых...»). С. 3.

⁶ Для поэтического языка Корнилова характерны нестандартные формы слов, неправильные ударения, «окраинные» словечки, «корявая» инверсия. О случаях замены при публикации подобных «неправильных» слов см.: Поздняев К. Продолжение жизни. Книга о Борисе Корнилове. М., 1978. С. 204, 227–228.

для издания «Библиотека поэта» (Большая сер.) в середине 1960-х годов, не мог легитимизировать отвергнутое редакцией «Литературной газеты» эстетически ущербное слово («не признавающие»). Но исследователь должен был принять во внимание и возмущение Л. Басовой о нарушении ритма стиха. И тогда Бернович «отретушировал» неудобную строчку, сделав деревья «не понимающими» директив.

А под окном щебечут клен и ясень,
не понимающие директив⁷.

Вновь произошла смысловая замена. Книга готовилась на излете хрущевской оттепели, когда в политическом дискурсе тех лет быть аполитичным (т. е. жить без директив) уже не дозволялось, но не понимать руководящих указаний (явление временное и исправимое), видимо, было можно. В дальнейшем стихотворение публиковалось по изданию «Библиотеки поэта» как наиболее авторитетному.

Однако судьба исправленного или «зачеркнутого» слова в стихотворении «Знакомят молодых и незнакомых...» имеет некоторую допечатную предысторию. При обращении к архивным материалам Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ) выяснилось, что сам поэт делал попытки опубликовать стихотворение в журнале «Литературный современник». Об этом свидетельствует наборная рукопись произведения, в которой «неудобное» слово подчеркнуто красным карандашом и на полях поставлен знак вопроса⁸. Стихотворение было написано 9 апреля 1934 г. и сдано в печать в разгар инициированной М. Горьким борьбы за чистоту и качество литературного языка. В статьях «О бойкости» и «О языке» Горький призывал бороться с засорением языка «мусором уродливо придуманных слов»⁹, считал недопустимым ссылаться на то, что «в нашей области так говорят»¹⁰ и т. д. Центральная и местная периодическая печать поддержала имени того писателя и объявила войну «областническим», «безграмотным», «растрепанным» словам и неряшливому литературному стилю. Возможно, в этом заключалась главная причина того, что стихотворение в «Литературном современнике» опубликовано не было.

Еще об одной попытке Корнилова напечатать стихотворение «Знакомят молодых и незнакомых...» свидетельствует новонайденный архивный документ, имеющий принципиальное значение для дальнейшей публикации этого произведения. В неразобранной части

⁷ Корнилов Б. Стихотворения и поэмы (Б-ка поэта. Большая сер.). М.; Л., 1966. С. 216.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 443, № 514, л. 4.

⁹ Горький М. О бойкости // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 27. С. 155.

¹⁰ Там же.

архива Государственного издательства художественной литературы (Ленинградское отделение) был обнаружен корректурный лист¹¹, в котором текст стихотворения воспроизводился, что совершенно очевидно, из «коричневой» тетради со строкой «не признавающие директив». Но «корявое» слово в корректуре было исправлено. Внешенная правка выражает, как нам представляется, последнюю волю автора:

А под окном щебечут клен и ясень,
совсем не признавая директив¹².

Грамматическая правильность текста была восстановлена, а модус исправленного слова трансформировался в сторону усиления протестного действия: «совсем не признавая директив». Между тем стихотворение было снято с печати, о чем свидетельствует все тот же корректурный лист: после внесенной правки все произведение в целом было перечеркнуто корректорским знаком, а рядом сделана помета: «в разбор»¹³.

Таким образом, вновь найденный архивный документ делает известный текст из «коричневой» тетради черновиком, а сам становится последним известным вариантом — чистовиком. Для того чтобы дальнейшее воспроизведение «неудобной» строчки в печати шло с учетом обнаруженного исправления, необходимо ответить на последний вопрос: действительно ли перед нами *авторская* правка? Для ответа на него рассмотрим весь корректурный лист в целом и проанализируем правку в другом стихотворении поэта, напечатанном там же.

В верхней части корректурного листа набрано стихотворение Корнилова, начинающееся словами «У меня к тебе дела такого рода...». Черновой и единственно известный автограф этого стихотворения с первоначальным названием «Ревность» имеется в «коричневой» тетради¹⁴. Стихотворение печаталось под каноническим названием «Соловьях». В исследуемой корректуре представлен промежуточный текст-вариант стихотворения (между «коричневой» тетрадью и первой публикацией), поскольку название произведения еще до конца не оформилось. В корректурный лист был сначала вписан, а затем зачеркнут заголовок «Из цикла “Соловьи зовут на травку”»¹⁵.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 124 (корректурный лист со стихотворениями Б. Корнилова «У меня к тебе дела такого рода...» и «Знакомят молодых и незнакомых...»). Указания на номер дела не дается, так как научно-техническая обработка фонда не завершена.

¹² Там же.

¹³ Там же. Вопрос о том, в каком именно издании шла корректура остается открытым, так как атрибуция документов архива не закончена.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 600, № 44, л. 4 об.–6 об.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 124 (корректурный лист).

Такое специфическое название произведению, на наш взгляд, мог дать только автор, что косвенно подтверждает (помимо схожести почерка) тот факт, что правка в данной корректуре выражает именно *авторскую* волю.

В связи с новонайденным корректурным листом стихотворение «Соловьиха» заслуживает отдельного внимания с точки зрения спорного вопроса о посвящении (или непосвящении) этого произведения известной актрисе Зинаиде Райх. Известно, что стихотворение было впервые прочитано Корниловым в семье Мейерхольда, где поэта любили и привечали. «Это одно из самых лучших стихотворений Корнилова, — вспоминал Я. Смеляков. — Он читал его при мне на квартире Мейерхольда за большим столом, вокруг которого сидели очень известные артисты, музыканты. Всеволоду Эмильевичу нравился Корнилов, и не совсем “бескорыстно”: он хотел, чтобы тот написал пьесу для его театра. В доме Мейерхольда Корнилова любили, к нему относились крайне внимательно. Зинаиде Николаевне Райх — известной актрисе и жене хозяина — “Соловьиха” понравилась чрезвычайно. Она попросила, чтобы стихотворение было посвящено ей. Корнилов с удовольствием согласился.

Об этом я вспоминаю между делом, ради памяти, но все же непонятно, почему в книжке¹⁶ это посвящение снято»¹⁷. Рассмотрим историю посвящения/непосвящения по порядку.

В рукописном тексте в «коричневой» тетради у стихотворения посвящения не было и быть не могло, так как оно было записано до чтения его в семье Мейерхольда. В первой публикации в газете «Известия» 12 июля 1934 г. стихотворение появилось без посвящения. И во всех последующих изданиях посвящения у «Соловьихи» тоже не было. Но были ли какие-то неучтенные в библиографии поэта публикации этого стихотворения в *периодической* печати? Исключить этого полностью нельзя. Так, например, Михаил Луконин вспоминал, что *весной* (а не летом) 1934 г. в каком-то *журнале* (а не в газете) он с другом читал стихотворение «Соловьиха»¹⁸. Конечно, здесь могла иметь место аберрация памяти. Но в библиографии Корнилова замечены отдельные пропуски¹⁹, поэтому не учитывать мемуарное свидетельство Луконина нельзя.

¹⁶ Речь шла об издании: *Корнилов Б.* Стихотворения и поэмы. М., 1963.

¹⁷ *Смеляков Я.* Лирическая рецензия // Москва. 1963. № 12. С. 207.

¹⁸ *Луконин М.* Товарищ поэзия. М., 1963. С. 238.

¹⁹ Так, например, в библиографию не вошли стихотворение «Франция» (опубл.: Звезда. 1931. № 1. С. 84–86) и пародия «В гостях у Громобоя» с подзаголовком «Маленький фельетон (в стихах)» за подписью «Онисифор Антидюринг» (опубл.: Литературный Ленинград. 1934. 14 сент. С. 4). Ср.: Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. М., 1988. Т. 11. С. 178–311.

Вторая известная публикация «Соловьи» была в сборнике Корнилова «Новое», наборная рукопись которого сохранилась в том же архиве издательства. Анализ наборной рукописи показал, что первоначально в стихотворении посвящения З. Райх не было, потом оно было вписано печатными буквами, а затем зачеркнуто²⁰, поэтому в сборнике произведение было напечатано без посвящения. Однако один экземпляр издания сохранился в архиве первой жены поэта О. Берггольц. В этом экземпляре рукой Ольги Федоровны к стихотворению приписано посвящение «Зинаиде Райх»²¹. В литературных кругах, вероятно, посвящение «Соловьи» знаменитой актрисе считалось известным «фактом», что подтверждает и дневниковая запись Берггольц от 13 марта 1941 г. «Перечитываю сейчас стихи Бориса Корнилова, — писала поэтесса, — сколько в них силы и таланта! Он был моим первым мужчиной, моим мужем и отцом моего первого ребенка, Ирки. <...> Борис в концлагере, а может быть, погиб.

Превосходное стихотворение “Соловьи” было посвящено им Зинаиде Райх, он читал его у Мейерхольда. Мейерхольд, гениальный режиссер, был арестован и погиб в тюрьме.

Райх зверски, загадочно убили через несколько дней после ареста Мейерхольда, и хоронили тишком, и за гробом ее шел один человек.

Смерть, тюрьма, тюрьма, смерть...»²².

Таким образом, имеется два независимых мемуарных свидетельства «в пользу» посвящения стихотворения Райх: дневниковая запись Берггольц, сделанная в 1941 г., и рецензия Смелякова, написанная в 1963 г.

И наконец, документальное свидетельство — все тот же найденный корректурный лист. Стихотворение в наборе не содержало имени актрисы, но при работе с корректурой Борис Корнилов сдержал обещание и вписал посвящение «Соловьи» Зинаиде Райх²³. Это, по меньшей мере, странное то появление, то вычеркивание (исчезновение) посвящения, наводит на мысль, что вопрос о нем имеет характер, скорее, не узкотекстологический, а политический: похоже, что у поэта было намерение сделать посвящение, но ему не позволили. Прямого доказательства этому нет, но есть косвенное. Обращает на себя внимание тот факт, что на закате оттепели (в 1963 г.) Смеляков описал эпизод с посвящением «Соловьи» в «Лирической рецензии», процитированный выше, но — позднее (в 1967 г.) он включил

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 124, № 172, л. 24.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 870. Книги с инскриптами и маргиналиями О.Ф. Берггольц.

²² *Берггольц О. Ф. Встреча / Сост. М.Ф. Берггольц. М., 2000. С. 276.*

²³ РО ИРЛИ, ф. 124 (корректурный лист).

свой мемуар о Корнилове в книжное издание, расширил его новым сюжетом о Мейерхольде, но в книге отсутствовал пассаж о З. Райх²⁴. Исчезновение имени известной актрисы у Корнилова и у Смелякова, как представляется, не является актом их творческой воли, а имеет характер цензурного вторжения.

Таким образом, обращение к архивным источникам дает основание полагать, что дальнейшее воспроизведение стихотворения «Знакомят молодых и незнакомых...» должно учитывать авторскую правку в новонайденном корректурном листе. Вопрос о посвящении/непосвящении стихотворения «Соловьяха» Зинаиде Райх следует рассматривать не столько в текстологическом, сколько в широком политическом контексте, что делает возможной легитимизацию этого посвящения при публикации.

Список литературы

- Берггольц О.Ф.* Встреча // Сост. М.Ф. Берггольц. М., 2000.
- Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. М., 1953.
- Корнилов Б.* Из неопубликованного: «Знакомят молодых и незнакомых...» // Литературная газета. 1959. 1 авг.
- Корнилов Б.* Соловьяха // Известия. 1934. 12 июля.
- Корнилов Б.* Стихотворения и поэмы / Сост. О. Берггольц, М. Бернович; [предисл. О. Берггольц; ред. И. Авраменко]. Л., 1957.
- Корнилов Б.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Л.А. Аннинского; сост., подгот. текста и примеч. М. Берновича. М.; Л., 1966 (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).
- Корнилов Б.* «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012.
- Луконин М.* Товарищ поэзия. М., 1963.
- Поздняев К.* Продолжение жизни. Книга о Борисе Корнилове. М., 1978.
- Смеляков Я.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1967.
- Смеляков Я.* Лирическая рецензия // Москва. 1963. № 12.
- Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. Т. 11. М., 1988.

Сведения об авторе: *Прозорова Наталья Аркадьевна*, старший научный сотрудник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. E-mail: arhivistka@mail.ru

²⁴ *Смеляков Я.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 326–329.

А.М. Бибикова

**«ТРАГЕДИИ В ДВЕ РЕПЛИКИ»
АКИЛЛЕ КАМПАНИЛЕ**

Статья представляет собой результат исследования «Трагедий в две реплики» (“Tragedie in due battute”) итальянского писателя Акилле Кампаниле (1899–1977). Драматургия этого автора мало изучена в отечественном и мировом литературоведении, хотя творчество Кампаниле представляет интерес для изучения с точки зрения генезиса европейского театра абсурда, а также в связи с историей развития комических жанров в Европе. В статье анализируются жанровые и поэтические особенности коротких юмористических пьес Кампаниле.

Ключевые слова: комедия, пьеса, итальянский, Акилле Кампаниле, реплика, трагедии в две реплики.

The article is the result of a study of “Tragedies in Two Cues” (“Tragedie in due battute”) of an Italian writer Achille Campanile (1899–1977). The dramatic works of the author are little studied, although Campanile’s works are interesting for examination from different points of view: first of all from that of the genesis of the European theatre of the absurd and also in connection with evolution of the comic genres in Europe. In the article genre features and poetics of Campanile’s short comic works are analysed.

Key words: comedy, play, Italian, Achille Campanile, cue, Tragedies in Two Cues.

Первую «Трагедию в две реплики» под названием «Два локомотива» (более позднее название «На вокзале») Акилле Кампаниле написал в 1924 г., опубликовав ее в газете «Коррьере Итальяно» (“Corriere Italiano”), с которой сотрудничал в 1923–1924 гг. В это время «Трагедии в две реплики» — небольшие юмористические вещи в форме пьес — охотно публиковали итальянские газеты. Вещицы полюбились публике, и даже многие высокопоставленные представители римских интеллектуальных кругов в то время пересказывали друг другу «Трагедии в две реплики». Один из ярчайших драматургов театра абсурда Эжен Ионеско в одном из интервью говорил, что знаком с «Трагедиями в две реплики» Кампаниле. Однако установить возможность прямого влияния Кампаниле на Ионеско не удастся. Сам Кампаниле говорил, что «писал реплики для пьес Ионеско», когда тот еще и не думал о том, чтобы стать драматургом. Но, учитывая склонность Кампаниле к мифотворчеству — в том числе и по отношению к себе — в научном исследовании мы не можем полностью

положиться на такие замечания автора. Популярность зарисовок в жанре пьес Акилле Кампанале также подтверждает тот факт, что одна из самых его известных трагедий в две реплики «Поцелуй» становится эпизодом в фильме Алессандро Блазетти «Наши времена» (“Tempi nostri”, 1954).

Как верно замечает историк и критик театра, университетский профессор Фердинандо Тавиани, и прозаические, и театральные произведения Акилле Кампанале состоят из шуток и хохм, как живой организм — из клеток¹. Именно поэтому Кампанале мог использовать одну и ту же шутку как элемент разных произведений и легко мог менять жанры. Маленькими шедеврами юмора являются «Трагедии в две реплики», но представить их на сцене очень сложно: это доказали и опыты постановок при жизни автора, и более поздних². Сам Кампанале вспоминал³ о постановке трагедии в две реплики «Завтрак на открытом воздухе»: она заканчивалась так быстро, что зрители просто не успевали ничего понять.

25 октября 1925 г. состоялась премьера трагедии в две реплики «Завтрак на свежем воздухе» (“Collazione all’aperto”). Сюжет пьесы таков: днем в саду случайно встречаются два молодых человека — коренастый и застенчивый. Застенчивый решает в один день потратить всё свое состояние — и покупает бутерброд с четырьмя кусочками салями. Он подсаживается к сидящему на скамейке в саду коренастому парню, который его не замечает, погружившись в чтение газеты недельной давности. Застенчивый парень с множеством церемоний готовится съесть свой драгоценный завтрак, но, прежде чем откусить первый кусок, из вежливости обращается к сидящему рядом:

“Il giovine timido (*cerimonioso, al Giovinotto Robusto*) Vuoi favorire?

Il giovine robusto (*alzando il capo dal giornale e accorgendosi ora per la prima volta della presenza del Giovine Timido*) Grazie. (*Prende il panino e ne fa un sol boccone, immergendosi di nuovo nella lettura, mentre una smorfia di dolorosa sorpresa si dipinge sul volto poc’anzi raggianti del Giovine Timido*)⁴”.

Позже Кампанале вспоминал про опыт постановки этой пьесы:

¹ Tavianni F. Comedia corta. Oppure lunga una vita — per figurarsi il teatro di Achille Campanile // introduzione a “Achille Campanile. L’inventore del cavallo e altre quindici commedie”. Rizzoli, 2010.

² Например, как постановка 2007 г. в Туринском театре “Piccolo Regio Puccini” или постановка 2010 г. мантуанской театральной группы “Il Camattino”.

³ Как рассказывает его сын Гаэтано Кампанале, а также сам драматург — в частности в автобиографической пьесе «Автопортрет» (*Campanile A. Autoritratto*. Torino, 2008. P. 45–47).

⁴ Застенчивый молодой человек (*вежливо, коренастому молодому человеку*): Не желаете?

Коренастый молодой человек (*поднимая глаза от газеты и в первый раз замечая присутствие застенчивого молодого человека*) Спасибо! (*Берет бутерброд и съедает его в один присест, снова погружаясь в чтение, в то время как полная боли*

«... однажды в римский Театр Маргерита прибыла труппа, созданная для постановок балетов и коротких сцен. Руководитель труппы, Пьеро Маззуккато, спросил у меня, не могут ли они поставить одну из моих трагедий в две реплики [...] После долгих размышлений, я решился на постановку “Завтрака на открытом воздухе” [...] Труппа поставила эту трагедию с богатейшим разнообразием средств: я попросил сделать отдельный сценарий, заказал костюмы. Я доверил роли одним из лучших актеров труппы. Реквизитор предоставил настоящую салями высочайшего качества и настоящую булку. Настал вечер премьеры. Могу сказать, что за неделю до этого весь Рим был обклеен огромными афишами, которые объявляли: “Театр Маргерита. Завтрак на открытом воздухе Акилле Кампаниле. Доселе невиданное зрелище!” [...]

В тот вечер я бродил вокруг театра, испытывая все те муки, что так хорошо знакомы каждому начинающему автору. [...] На следующий день я с тревогой пролистал все газеты, читая театральные рубрики. О моей работе не было ни слова. Изумленный, я узнаю, что моя «трагедия» по причине своей лаконичности прошла незамеченной [...] Когда поднялся занавес, публика не обратила большого внимания на первые реплики [...] а так как первые реплики были и последними, все с удивлением увидели, что занавес тут же опустился»⁵.

«Завтрак на открытом воздухе» Кампаниле приближен, таким образом, к жанру *леве де ридо* — одноактной пьесе, сопровождающей основной спектакль, часто тематически никак с ним не связанной, очень распространенной в XIX в.⁶

Самая первая трагедия в две реплики была опубликована в 1924 г. в «Коррьере делла сера» и называлась «Два локомотива». В ней в духе футуризма — но, конечно, с иронией — одушевляются машины: два локомотива тех времен, когда еще они были на угле и выпускали тучи черного дыма, т. е. «курили» (в итальянском языке используется одно и то же слово для обозначения выражений «выпускать дым» и «курить (сигарету)»). Комичность пьесы строится на вежливом общении двух машин и многозначности слова “*fumare*” — «дымить, курить»: «Вас не беспокоит дым?» — «Что вы! Пожалуйста, курите (дымите)! Я тоже курю». Итальянский литературовед Де Кьяра усматривает в этой (и некоторых других) трагедии в две реплики даже карикатуру на идеалы футуризма, учитывая почти религиозное отношение представителей этого художественного направления к машинам и всему механическому.

Необходимо, однако, заметить, что Кампаниле часто вводит в свои трагедии в две реплики необычный персонажей: не только ло-

и удивления гримаса рисуется на только что сиявшем лице застенчивого молодого человека). Пер. — А.Б.

⁵ *Campanile A. Autoritratto. Torino, 2008. P. 45–47. Пер. — А.Б.*

⁶ *Пави П. Словарь театра. Статья «Лево де ридо». М., 1991.*

комотивы, но и микробов, планету Сатурн с кольцами, луну с озером, гору с извергающимся вулканом, звезды, говорящих животных и мертвецов. Часто персонажами трагедий в две реплики Кампанале делает героев других литературных произведений или исторических персон. Упоминаются или присутствуют как персонажи Адам и Ева, Петрарка, Леопарди, Эдип, Гамлет, Наполеон, Данте, Ламартен и др.

Говоря о композиционных особенностях «Трагедий в две реплики», Де Кьяра и Мазолино Д'Амико отмечают значительность роли ремарки, которая обычно очень развернута и предшествует одной-двум репликам, таким образом усиливая комический эффект. Важность ремарки заметна у Кампанале и в более крупных пьесах, в том числе в комедиях в четыре акта. В некоторых одноактных комедиях Ремарка и Пролог появляются как персонажи.

В отдельных случаях в «Трагедиях в две реплики» у Кампанале наблюдается совершенное исключение всякого действия, например, как в «*Dramma inconsistente*» «Несостоятельной драме»:

«*Peronaggi: Nessuno.*

La scena si svolge in nessun luogo.

*Nessuno: (tace)*⁷.

По мнению Д'Амико, этой «трагедией» Кампанале более чем на три десятилетия предвосхитил появление «Сцен без слов» (1956) Самюэля Беккета⁸. Этот же исследователь указывает на близость построения трагедий в две реплики диалогам Эжена Ионеско. Оба драматурга добиваются комического эффекта, используя свойство языка не выражать именно то, что необходимо. Их диалоги полны двусмысленностей, доходящих до абсурда. Часто у Ионеско мы сталкиваемся с обрывками разговоров, что приводит нас к растерянности, отчужденности и вызывает смех. То же — и у Кампанале в трагедии «Разговоры, которые слышатся вокруг»:

«*Personaggi: un Tale — un Altro. All'alzarsi del sipario, il Tale ha detto qualche cosa e l'Altro approva con qualche riserva.*

L'Altro: Sì, sì; no, no.

Il Tale: Sì, o no?

L'Altro: Sì e no.

Il Tale: No?

L'Altro: Sì.

Il Tale: Sì?

L'Altro: Sì.

⁷ «Персонажи: Никто.

Действие происходит нигде.

Никто: (молчит)». — Пер. А.Б.

Campanile A. Tragedie in due battute. Milano, 1978, 2008. P. 192.

⁸ *D'Amico M. Le tragedie in due battute // Campanile A. Tragedie in due battute. Milano, BUR, 2008. P. III.*

(Sipario)⁹».

Комизм некоторых трагедий в две реплики заключается исключительно в особом звучании реплик, и они напоминают скороговорки: «La maliarda e i viziosi»: «... Si dice che seduce sedici sudici sadici», «Postumi dell'eruzione vulcanica»: «... Eva, l'ava, leva la lava, lava l'avo e alleva l'Iva con l'ova e l'uva»; «Non sappiamo»: «... Parola di Cora, signora Dinorah: sinora di Nora s'ignora se ignora «Signora»; «Drammi alla Scala»: «Il tenore fa le scale per le scale della Scala»; «Quando Lucio lascia l'ascia»: «... Licio, lascio l'ascia liscia all'uscio liscio?»; «In tram»: «... Il tran tran del tram»¹⁰.

Часто Кампаниле в своих трагедиях в две реплики открывает комичность фраз-шаблонов, этикетного поведения (в том числе и речевого). В качестве примера можно процитировать «Старинную вежливость»:

«Старая маркиза: Этот закат прекрасен.

Старый граф: Вам нравится? Он Ваш¹¹»;

или «Знакомство»:

«... синьор Перикле Фискетти (представляясь другому господину): Позвольте? Я синьор Перикле Фискетти. А Вы?

Другой господин: Я нет¹²».

Кампаниле любил пародировать литературные произведения. Это отразилось и в трагедиях в две реплики. Например, вещьца с говорящим названием «Эдип в Колоне», отсылающим к трагедии Софокла. Посланник приходит к дверям Фивского дворца и спрашивает стражников:

«Посланник: Эдип здесь?

Часовой: Нет, он в Колоне¹³»;

или «Гамлет в кабаке»:

«... Гамлет (изучая микроскопического цыпленка, поданного ему): Официант, что это вы мне подали?

Официант: О, сударь, то, что было цыпленком, но теперь он умер, мир его душе, и более он ничего». Здесь перефразирована реплика

⁹ «Персонажи: Один, Другой. Когда занавес открывается, Один говорит что-то, и Другой сдержанно одобряет.

Другой: Да, да; нет, нет.

Один: Да или нет?

Другой: И да, и нет.

Один: Нет?

Другой: Да.

Один: Да?

Другой: Да.

(Занавес)». Ibid. P. 76–77.

¹⁰ *Campanile A. Tragedie in due battute*. Milano, BUR, 2008. P. 9, 29, 64, 85, 113, 128.

¹¹ Ibid. P. 11.

¹² Ibid. P. 62.

¹³ Ibid. P. 15.

могильщика из пьесы Шекспира в беседе с Гамлетом на кладбище перед похоронами Офелии.

Есть у Кампаниле трагедии в две реплики, где улыбка, вызываемая писателем, скорее, похожа на грустную усмешку. Так, в «Злой шутке» мусульманин взывает к Аллаху, которого, оказывается, не существует. В «Плохой игре» Время, Молодость, Любовь и Жизнь играют в бридж, и каждый из игроков по очереди объявляет “Passo”, что обозначает с одной стороны «пас» (в игре), а с другой «Я прохожу». Здесь миниатюра напоминает о средневековых аллегориях.

Подводя итоги, можно сказать, что «Трагедии в две реплики» сложны для постановки на сцене, во-первых, в силу своего малого объема, во-вторых, часто в силу минимализации (а в некоторых случаях и абсолютного отсутствия) развития действия. В этом плане Кампаниле предвосхитил появление «Сцен без слов» Беккета. Дополнительную сложность для постановки часто создает ремарка, предшествующая репликам персонажей. Обычно она играет важную роль в понимании предлагаемой ситуации и служит средством создания или усиления комического эффекта. Кампаниле также часто использует как комический прием игру с многозначностью слова, двусмысленности, из которых рождаются каламбуры, а также игру с особым звучанием реплик. Он выявляет комичность фраз-шаблонов, этикетного поведения (в том числе и речевого) и пародирует паттерны литературных жанров. При этом юмористический писатель затрагивает такие серьезные темы, как жизнь и смерть, существование Бога, быстрое течение времени. Художественный мир автора зачастую перестает быть реалистичным. Особенно это видно, когда он вводит в свои пьесы (в том числе и в трагедии в две реплики) необычных персонажей: животных, предметы, небесные тела и природные стихии, наделенные антропоморфными чертами.

Список литературы

Пави П. Словарь театра. М., 1991.

Campanile A. Tragedie in due battute. Milano, 2008.

Campanile A. Autoritratto. Torino, 2008.

Amico M. de. Le tragedie in due battute // *Campanile A.* Tragedie in due battute. Milano, 2008.

Chiara G. de. Achille Campanile. Inventore dell'assurdo // *Ridotto.* 1984. N 3. Marzo.

Taviani F. Comedia corta. Oppure lunga una vita — per figurarsi il teatro di Achille Campanile // *Introduzione a “Achille Campanile. L'inventore del cavallo e altre quindici commedie”.* Rizzoli, 2010.

Сведения об авторе: *Бибикова Александра Михайловна*, преподаватель кафедры романского языкознания, аспирант кафедры зарубежной литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alexandra.m.b@mail.ru; facondealex@gmail.com

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Русистика и компаративистика: Сборник научных статей. Вып. VII: В 2 кн. Кн. 2: Литературоведение / Отв. ред. М.Б. Лоскутникова. М.: МГПУ, 2012. 168 с.

Рецензируемый сборник научных статей «Русистика и компаративистика» является уже 7-м по счету выпуском, представляющим результаты совместных усилий русистов двух образовательных центров — Московского городского педагогического университета и Литовского эдукологического университета. Помимо представителей этих двух организаций к участию в сборнике были привлечены научные силы других вузов двух стран. Данное издание продолжает серию, истоки которой уходят в начало 2000-х годов. С того времени каждый год поочередно на базе обозначенных выше вузов Москвы и Вильнюса выходит очередной том исследований. Серия уже получила положительные отзывы в печати¹. Следовательно, выходящие издания можно обозначить как принципиально перспективные, которые позволяют понять уровень развития современной русистики и компаративистики, обозначить новые направления и новые подходы к изучению литературы в целом.

Удачным следует признать расположение статей по разделам: «Вопросы теории компаративистики» (две статьи); «Вопросы поэтики и эстетики» (семь статей); «Вопросы мифопоэтики» (две статьи); «Писатель о писателе» (одна статья); «Рецензии» (две рецензии). Разделам предшествует короткое вступление «Вместо введения», в котором представлены принципы формирования сборника, дана краткая характеристика работ. Завершается издание информационно-справочным разделом «Коротко об авторах» с информацией о научном статусе каждого автора, его месте работы, сфере профессиональных интересов и электронном адресе, причем дан и английский перевод имени и фамилии автора.

В расположении разделов наглядно реализована структура книги: от теории к аналитическим материалам. В теоретической части помещены работы специалистов в области теории литературы и компаративистики *А.Я. Эсалнек* и *М.Б. Лоскутниковой*, удачно коррелирующие друг с другом, поскольку первая статья касается

¹ См.: *Николаев П.А.* Русистика и компаративистика. Вып. 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2007. № 4. С. 166–169; *Киселева И.А.* Русистика и компаративистика. Вып. 5 // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия «Русская филология». 2012. № 1. С. 112–113.

теоретических аспектов современной компаративистики, а вторая углубляется в историю вопроса: это анализ теории и практики компаративистики в наследии В.М. Жирмунского.

Статьи в историко-литературных разделах расположены по принципу хронологического восхождения, и в своем анализе мы будем придерживаться этой последовательности.

Статья *Т.А. Алпатовой* обращена к проблемам русско-английских связей и посвящена «воспроизведению» отдельных элементов поэмы А. Поупа «Виндзорский лес» в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина, причем автор прослеживает разнотипность этого «воспроизведения» — от игры с «чужим словом», раскрытия концепций садово-паркового искусства XVIII столетия до «работы» с читательским восприятием, что в итоге формирует новую повествовательную стратегию карамзинской прозы. Т.А. Алпатова исходит из положения, что в век Просвещения «метаморфоза как специфическое проявление синкретизма мифологического сознания», определявшая и оформлявшая «самую сущность античного космоса» (с. 39), в значительной степени рационализируется, становится частью нравственных «уроков». Особенно это очевидно в текстах Карамзина, для которого религиозно-нравственные проблемы выходят на первый план. Особый интерес представляет работа *М. Романенковой* «Сатирические традиции русской комедии в перспективе имперской идеологии. Комедия “Встрѣча вновь назначеннаго доводцы (Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 года)”», поскольку она вводит в научный обиход затерянную на страницах регионального издания анонимную пьесу, включающую аллюзии на комедию Н.В. Гоголя «Ревизор», причем в утрированно политизированном аспекте.

Мысль о творческом взаимодействии художественных поэтических миров А.С. Пушкина и И.С. Тургенева стала основой статьи *Т.Г. Дубининой*. Но думается, что автор преувеличивает значение тургеневско-пушкинского диалога, осуществляемого в поэтических произведениях Тургенева, ибо особенности поэтического мировосприятия Тургенева можно и должно рассматривать также в русле полемики с романтической традицией в целом, в том числе русской, что, конечно, расширит диапазон возможных переключек и соответствий. В ракурсе исследования генезиса русского классического романа в работе *И.А. Беляевой* рассмотрены проблемы русской фаустианы. Сквозь эту призму выявлены особенности образной системы романа «Преступление и наказание», а Раскольников трактуется как первый «русский Фауст», хотя, несомненно, черты фаустианства могли бы быть выявлены и у некоторых его литературных предшественников, что опять-таки придало бы размышлениям автора более масштабный характер. Однако статьи, выводы которых не могут быть признаны

окончательными, не свидетельствуют о редакторской недоработке, а, напротив, пробуждают интерес к содержательной стороне подготовленного сборника и желание дискутировать в научной прессе.

Типологический характер переключки в символическом мотивном аспекте творчества Мандельштама и Малларме устанавливает *Я.С. Линкова* в статье, озаглавленной «“Друг друга отражают зеркала”»: О.Э Мандельштам — русский С. Малларме?». Яркая статья *Г. Михайловой* (может быть, излишне перегруженная ультрасовременной терминологией, что затрудняет чтение и понимание, и поэтому несколько выбивающаяся из общего ряда научных текстов) обращена к шекспировскому тезаурусу в творчестве А.А. Ахматовой и раскрывает «гамлетовско-офелиевские» реминисценции в ее раннем творчестве и цикле «Полночные стихи». Можно с уверенностью ждать продолжения размышлений автора в следующих публикациях, когда она в «офелиевском ракурсе» разберет, например, стихотворение «срединного» этапа ахматовского творчества — «Когда погребают эпоху...». В статье *А.И. Смирновой* и ее аспирантки *А.В. Макаровой* на материале рассказов В.Г. Распутина и Б.П. Екимова (как писателей неопочвеннического направления в современной прозе) рассмотрены особенности проблематики и поэтики русской новеллистики конца XX в. в плане соотношения концепции человека и жанровой парадигмы произведения.

К рассмотрению вопросов мифопоэтики обратились *Е.Ю. Полтавец* и *А.В. Громова*. Первая исследовательница под углом экзегетики рассмотрела рассказ Л.Н. Толстого «Хозяин и работник», привлекая к анализу и другие тексты писателя, в том числе и его религиозные сочинения. В статье проводится мысль не о буквальной, а о духовной экзегетике творчества писателя. Мифологический подтекст романа А.М. Ремизова «Крестовые сестры» продемонстрирован в статье *А.В. Громовой*, последовательно рассмотревшей античные, библейские и новозаветные аллюзии в снах Маракулина (Прометей, пророк Иезекииль, Иоанн Креститель, новый Христос). Нам, однако, не хватило в использованной автором литературе опоры на одну из ранних статей о творчестве Ремизова, где уже поднималась означенная тема, хотя, конечно, и не был употреблен термин «мифопоэтика». Мы имеем в виду статью *Г.И. Чулкова* «Сны в подполье», которую он готовил для издания С.А. Венгерова «Русская литература XX века», но опубликовал только в 1922 г. Вообще нам кажется, что современные ученые почему-то склонны игнорировать критику, появлявшуюся одновременно с публикацией произведений писателей. А там сохраняется много ценного, хотя справедливости ради стоит сказать, что та же Громова упоминает о провинциальном издании (Одесса) 1913 г. — книге *А.В. Рыстенко* «Заметки о сочинениях Алексея Ремизова».

В разделе «Писатель о писателе» представлена статья *С.А. Джанумова*, проанализировавшего отношение А.И. Герцена к творчеству Н.В. Гоголя. Автор работы сосредоточился на острых, порой прогностических замечаниях русского изгнанника, внимательно вглядывавшегося в творчество великого соотечественника.

В раздел «Рецензии» помещены отклики *С.А. Мартыановой* на учебное пособие И.А. Беляевой «Генезис русского классического романа (“Божественная Комедия” Данте и “Фауст” Гете как истоки жанра)» в двух частях (М., 2011) и *А.И. Иваницкого* на монографию Т.А. Алпатовой «Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования» (М., 2012). Мартыановой удалось прочертить магистральные линии развития мысли в работе Беляевой, сделать акцент на тех местах, которые могут быть очень полезны студенту при освоении курса истории русской литературы XIX в. В частности, исследовательница напомнила о диссертации С.П. Шевырева, посвященной «Божественной комедии» Данте: она, по всей видимости, была известна студенту Гончарову, которому молодой профессор читал лекции в Московском университете. И это не могло не отозваться «дантовским кодом» в гончаровской романистике. А.И. Иваницкий рассмотрел проблемную организацию рецензируемого текста, сосредоточившись на полноценном освещении влияния атмосферы екатерининского времени на творчество Карамзина. Хотелось бы, правда, пожелать, чтобы рецензенты указывали не только позитивные аспекты избираемых для отзыва работ, но и выявляли те «болевы точки», которые у авторов разработаны, возможно, недостаточно основательно. Это являлось бы реальным подспорьем для дальнейших исследований ученых.

В целом все структурные составляющие литературоведческой книги «Русистика и компаративистика» отвечают требованиям, которые можно предъявить к исследованиям со статусом «научное издание». При этом особо хочется подчеркнуть культуру подготовки текстов к печати: унификацию сносок, точное соблюдение всех требуемых к оформлению норм, наличие аннотаций и ключевых слов на русском и английском языках, а также оглавления на английском языке. Несомненно, все это позволяет расценить данный сборник научных статей как необходимый современной филологической науке труд.

М.В. Михайлова, Е.В. Толкачева

Сведения об авторах: *Михайлова Мария Викторовна*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАЕН. E-mail: mary1701@mail.ru; *Толкачева Елена Владимировна*, соискатель кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: editor2002@mail.ru

В а й с к о п ф М. Я. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 692 с.¹

Начиная, по крайней мере, со второй половине XVII в. русская литература сложным образом взаимодействует с тем комплексом идей, в глубине которого явственно проступают контуры гностической картины мира и того понимания интеллектуальных возможностей человека, которое с ней связано и из нее вытекает.

Первый этап русской литературной эволюции, обычно ассоциирующийся с так называемым русским классицизмом или, реже, с «русским барокко», оказался связан с темой «темного», «нижнего», «падшего», «проклятого» мира, который в рамках гностицизма не подлежит спасению (хотя и способен вобрать в себя, обычно в некотором претворенном и искаженном виде, отдельные искры или отблески истинного света). Разумеется, с этим можно было согласиться. Но весь смысл русского имперского проекта заключался не в том, чтобы приблизить смерть мира, а в том, чтобы его спасти. Петербургская империя создавалась на основе идеи преображения падшего: «Где нет ни правил, ни закону, / Премудрость тамо зиждет храм». С этой целью создавались Академия наук и Московский университет, эту идею воплотила в себе жизнь Ломоносова. Идею полноты разума, совершенства мира, величия торжествующего имперского проекта выразила литература «классицизма», и в этом именно состоял первоначальный смысл «петербургского текста русской литературы». Во времена Пугачева, Радищева, революции выяснилось, что этот смысл может быть поставлен под сомнение, и сомнение это может распространиться на всю тему судьбы нижнего мира. С сомнением пришло сострадание: многим было жаль и самого имперского проекта, и тех, чья гибель вновь представляла как нечто неотвратимое; пришла меланхолия; «сентиментализм» сузил картину мира до пределов частной жизни и сокрушенной души. Почти одновременно с этим возникла альтернатива — для тех, кто обладал волей, направленной за пределы видимой реальности и способной самостоятельно искать свет. Романтизм был апелляцией к духу, исследованием возможно-

¹ Отчет о состоявшейся на филологическом факультете презентации этой книги см.: URL: <http://www.philol.msu.ru/faculty/press-center/events/weiskopf2012/>.

стей тех, кого иногда называют «пневматиками», в частности, тех из них, кто был готов бросить вызов злему демиургу (романтическое богоборчество). Несколько позже на фоне романтизма формируется русский натурализм, если угодно реализм «натуральной школы». Здесь обратная ситуация: предметом изображения становится не *пневма*, а *сома*, падшая реальность, действительность темного мира, не знающая пробуждения, мир Акакия Акакиевича, «маленьких людей», «бедных людей». «Пневматики», рвущиеся к свету, и «соматики», не поднимающиеся над обыденностью, неспособные хотя бы ощутить необходимость этого света: два полюса, две крайности, которые могут рассматриваться как опыт весьма своеобразного высвобождения тех смыслов, которые ранее, в т.н. «эпоху классицизма» были скрыты под древним противопоставлением «высоких» и «низких» жанров. Оставалась неисследованной средняя сфера, сфера психиков, «жизнь души», ее «диалектика», ее текучесть, подвижность, сложность, переходы и оттенки эмоций и прочее. В некоторых сочинениях душе указывался некий путь наверх, туда, где должен был царить дух («Преступление и наказание»), в некоторых нет, власть падшего мира оказывалась абсолютной («Ионыч»). Так русская литература исчерпала тему нижнего мира. Новая литературная эпоха, русский модернизм, обратился к иному элементу гностической картины, к тому пространству, которое расположено над тленным миром, приговоренным к небытию (*живи еще хоть четверть века, исхода нет*); в этом пространстве царит демиург, которому служат архонты, с этой сферой соприкасается в своем движении падший эон, осмысленный В. Соловьевым, оторвавшийся от плеромы и тяготеющий к этому тленному миру (мотивы встречи, *девы, зари, купины, незнакомки* и все прочие вариации русской «софиологии»).

В данной смысловой перспективе русский романтизм остается одним из самых слабых звеньев: это мало изученная область истории русской литературы, и для того чтобы перечислить исследования, в той или иной мере претендовавшие на создание целостной картины его смысловых возможностей, достаточно краткого примечания.

В книге М.Я. Вайскопфа впервые предпринята попытка реконструкции культурного языка русского романтизма во всем его объеме: здесь поэты первого ряда (Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Вельтман, Тютчев, Шевырев, Баратынский) включены в реальный литературный процесс, который всегда вбирает не только литературные биографии гениев, но и тексты, созданные слабыми подражателями, графоманами, дилетантами, подчас откровенно слабо владеющими

литературной техникой, профессионалами коммерческой литературы, всегда готовыми продать не только рукопись, но и вдохновение, если вообще когда-либо его испытывали. Назовем лишь некоторые забытые имена, о которых напоминает — и, отчасти, воскрешает, возвращая их в активное поле историко-литературного сознания — книга Вайскопфа: В.П. Титов, А.П. Степанов, А.Г. Розен, А.В. Ушаков, А.Я. Кульчицкий, Е.А. Ган, М.Д. Деларю, А.Я. Мейснер, Е.Н. Шахова, А.В. Тимофеев, И.В. Росковшенко, С.И. Стромилов, Н.А. Мельгунов и многие другие.

Но именно на «потоком», «массовом», «серийном» уровне исключительно ярко проявляют себя базовые элементы некоторого общего или, лучше сказать, общезначимого языка: в произведениях высокой литературы этот общий язык обычно оказывается лишь материалом для более или менее непредсказуемой литературной игры, для разного рода формальных экспериментов, для тонкой игры смыслами, одновременно твердо установленными и обнаруживающими свою текучесть, мобильность, пригодность для вовлечения в свое поле не только близких, но и далеких литературных, философских, идеологических, общественно-политических контекстов.

Язык, о котором идет речь, — исключительно сложное явление. Он вобрал в себя не только более или менее специфические символы, метафоры, приемы стиля, устойчивые сюжетные мотивы, жанровые модели, но и идеи, в том числе религиозные. Книга Вайскопфа — о том, как поэтика русского романтизма возникала в пространстве его идеологии: «В своей книге я пытаюсь ответить на простой вопрос: а *о чем*, собственно, писали эти люди? Если угодно, это “история идей”, растворенных в литературе». Эта история или своего рода энциклопедия идей русского романтизма, созданная М.Я. Вайскопфом, вобрала в себя проблематику, связанную с масонской мистикой, с разного рода вариациями на темы гностицизма и гностической традиции (в том числе с тем его вариантом, который Вайскопф называет «радикальным»), с пиетизмом, с Беме, Эккартсгаузенем и с их русскими адептами. В этом именно контексте, все еще недостаточно, почти или совсем неизученном, рассматриваются, в частности, «русская романтическая космогония» и софиология, мотивы гармонии, «небесного “первообраза”», Премудрости, тоски по хаосу, рока и свободы воли, представления русского романтизма о своей «религиозной миссии» в связи с темами Творца и человека, русская романтическая демонология, столь тесно связанная с эротикой.

Основное достоинство книги Вайскопфа заключается, на мой взгляд, в том, что он создал не схему, не очередной набор «дефи-

ний», а открытую динамическую систему описания сложной и внутренне противоречивой литературной реальности, устремленной одновременно к своей собственной глубине и к последним, предельным возможностям ее (само) постижения, и к смежным реальностям религии, философии и идеологии, постоянно уточняющей и размывающей собственные границы. Фактически речь идет о методе, значение которого выходит далеко за рамки изучения романтизма. Этот метод, метод Вайскопфа, сочетающий в себе свободу и открытость с точностью и строгостью формулировок, позволяет выйти на тот уровень понимания предмета, который дает возможность увидеть литературный процесс со стороны сознания, устремленного к последним вопросам бытия, и объяснить, почему русский романтизм остался в русской культуре как необходимое ей напоминание о «щемящей и неизбывной тайне, скрытой в самом мире и в душе человека», и «приучил ее к постоянному ожиданию какого-то близкого и неминуемого чуда, — словом, ко всему тому, что сообщило ей такое неотразимое обаяние».

Д.П. Ивинский

Сведения об авторе: *Ивинский Дмитрий Павлович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: ivinsky2008@mail.ru

Х а н я н К. С. Русская литература и армянская критическая мысль XIX–XX веков: Сборник статей. Ереван: Авторское издание, 2012. 111 с.

Книга содержит в основном первичную информацию. Приводятся высказывания армянских поэтов и прозаиков, критиков и литературоведов о русских писателях, по большей части восторженные и в весьма малой степени аналитичные, сообщаются сведения о переводах. Собранный материал определяет характер статей, включенных в сборник. Но иначе не могло быть. Армянские литераторы прежде всего старались привлечь внимание своих соотечественников к произведениям, созданным на отнюдь не близком языке, представляющим достаточно отличную от армянской культуру. Их усилиями совершалось реальное сближение народов, долгое время относившихся к одному государству — Российской империи и СССР. Теперь в Армении неплохо знакомы не только с русской литературой, в том числе в оригинале¹, но и с литературоведением (в постсоветское время, конечно, хуже, ведь эта страна даже не имеет собственной границы с Россией и фактически находится в блокаде), чего не скажешь о знакомстве россиян с армянской критической мыслью даже в отношении русской литературы. Поэтому нельзя не приветствовать стремление К.С. Ханяна улучшить создавшуюся ситуацию.

Армяне рано познакомились с баснями Крылова. Этот жанр издавна был им близок. «Так, к VII веку на армянский язык были переведены басни Эзопа, Олимпиана, сборник притч “Физиолог”. В устном народном творчестве были широко распространены басни и притчи, пословицы и поговорки. Однако активно жанр басни стал входить в армянскую литературу лишь с XII века» (с. 8). Представитель древнего народа, первым принявшего христианство как

¹ «Основной массив носителей русского языка как родного составляют армяне — это выходцы из России или других регионов бывшего СССР; армяне, получившие в Армении русское образование, а также беженцы: в 1988–1994 гг. в Армению прибыло более 350 тыс. беженцев, в основном из Азербайджана, а также Абхазии, Северного Кавказа, Нагорного Карабаха; для большинства из них родным является русский язык. Однако совершенно очевидно, что интенсивному функционированию русского языка в его основных сферах — СМИ, научная и культурная деятельность — способствуют не только те 13%, которые считают русский родным, но и то большинство (85%), которое владеет русским языком в достаточной мере хотя бы для осуществления пассивной коммуникации» (Зоян С.Т. Русский язык в Армении // Вестник Ереванского государственного лингвистического университета имени В. Брюсова. Вопросы русистологии. 2012. 2 (24). С. 19).

государственную религию в 301 г., обретшего свою национальную письменность в начале V столетия, может сказать о XII в. «лишь». Он продолжает: «Басни Мхитара Гоша (XII в.) и Вардана Айгекци (XIII в.), прозванного академиком Н.Д. Марром² “оракулом Армени” (так в свое время Эзопа называли “оракулом Греции”), явились своеобразным средством для проникновения в армянскую литературу подлинно народного миропонимания и фольклорной художественной формы, способствовали углублению в ней стремления отобразить реальную жизнь, придать литературе более светский характер» (с. 8–9). Однако новый литературный язык — ашхарабар — пришел на смену старому — грабару — только в XIX в. (даже немного позже, чем когда благодаря лучшим писателям сформировался современный русский язык). Правда, и на грабаре печатались переводы басен Крылова в журнале «Базмавел», выходившем в Венеции (1840-е годы).

В Российской империи одним из первых его переводчиков стал Хачатур Абовян. Свои переводы он включил в сборник басен «Игры на досуге», «подготовленный к печати в 1841 году, но изданный лишь в 1864 году. Абовян старался в своих авторских переводах сохранить не только основу сюжета, но также стиль и ритм крыловских басен, правда в пределах возможностей только зарождающегося армянского литературного языка — ашхарабара. В предисловии к сборнику Х. Абовян пишет, что “переводы я так представил, чтобы было по сердцу моему народу”» (с. 9). Позднее Крылова печатали на армянском языке весьма интенсивно. Так, в 1845 г. в Тифлисе вышли переводы А. Тер-Газаряна, в 1849 г. в Москве — «Антология басен Крылова, Дмитриева и Хемницера» (переводчик на грабар А. Геокчян). К русскому баснописцу обращались разные периодические издания. «В 1860-е годы почти каждый номер журнала “Масяц Агавни”, выходивший в Париже, включал в себя басни Крылова в переводах Габриела Айвазяна» (с. 10). Из статей отмечена посвященная 50-летию смерти баснописца статья критика и публициста М. Берберяна «Басни и Иван Андреевич Крылов», где данный жанр характеризуется со времени зарождения.

² Академика Марра звали Николай Яковлевич. К сожалению, эта книга Карена Ханяна подготовлена к печати гораздо хуже, чем предыдущая (*Ханян К.С.* Краткий русско-армянский литературоведческий словарь. 2-е изд., доп. и перераб. Ереван, 2008. Параллельные тексты на двух языках). В ней много опечаток, похожих на фактические ошибки. Иногда осуществляется неправильный обратный перевод: цикл Белинского «Произведения Александра Пушкина» (с. 14) — вместо «Сочинения...», «Люблю я родину» (с. 31) — вместо «Люблю отчизну я!» у Лермонтова; «гоголевская пьеса “Дневники сумасшедшего”» (с. 39) — это на самом деле инсценировка повести «Записки сумасшедшего»; муза Некрасова — не «мести и скорби» (с. 59), а «мести и печали».

Несколько менее универсальна по охвату материала работа К.С. Ханяна «Некоторые аспекты осмысления творчества А.С. Пушкина армянской критикой»³. Пушкина начали переводить тоже еще на грабаре (Мкртич Эмин, 1830-е годы — поэмы «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан»). Во второй половине XIX в. крупнейший поэт-демократ М. Налбандян выделяется и в этом отношении. «Песня Черкеса. Из Пушкина» — «его первое стихотворение на новом армянском языке — ашхарабаре» (с.17). Своего «Поэта» он считал подражанием. «Можно смело отметить, что во второй половине XIX в. не было ни одного армянского поэта, кто не вдохновлялся бы поэзией Пушкина» (там же). Это С. Шахазиз, Г. Агаян, И. Иоаннесян и др. «В канун 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина возрастает интерес к поэту как в русской, так и в армянской публицистике. Появляются многочисленные статьи в армяноязычных журналах и газетах, таких как “Нор дар”, “Мшак”, “Лума”, “Горизонт”, “Тараз”, “Мурч”, “Нор Порц” и др.» (там же). Этот пассаж, конечно, обращен к армянскому читателю, а не к русскому, который не знает, что такое «Нор Порц». Автор особо выделяет историко-литературное исследование педагога Степана Лисициана «Направления русской литературы в XVIII и начале XIX века» («А.С. Пушкин», 1899). Но у него усматривается влияние Писарева, относившего великого поэта только к представителям «чистого искусства». А критик Ованес Гнуни в статье «Что завещал своей нации А.С. Пушкин» (1897), «следуя Писареву, считает поэзию Пушкина ненужной и бесполезной для современного поколения, так как в ней нет ответа на каждодневные и элементарные требования времени» (с. 23).

К.С. Ханян не претендует на универсальность и в статье об осмыслении армянскими писателями творчества Лермонтова. В ее начале содержатся категорические и просто неверные утверждения: «Известно, что 1837 и 1841 годы были трагическими для Пушкина и Лермонтова. Николаевский режим запретил публикацию их произведений. И в эти годы на армянском языке издаются стихи Пушкина и Лермонтова “Ель”, “Пророк”, “Ангел”, “Туча”, “Соловей”, в которых говорится о роли поэта в жизни народа» (с. 26). Не указано на ошибку С. Назарянца в статье «Восточная повесть “Демон”» (1863), где говорится, что «Лермонтов погиб 27 июля 1841 года в поединке на Кавказе, куда был сослан из-за стихотворения, написанного в связи с гибелью Пушкина» (с. 27). За «Смерть поэта» Лермонтов был сослан первый раз (1837), а не второй. Но, конечно, преобладают достоверные сведения. «В последнее тридцатилетие XIX века

³ См. также: *Амирханян М.Д.* А.С. Пушкин и Армения. 2-е изд., доп. Ереван, 2012.

западная и восточноармянская интеллигенция начала большую работу по переводу и пропаганде русской литературы. <...> Все чаще звучит имя Лермонтова, отмечается общественная значимость его лирики, публикуются отклики на постановку на армянской сцене драмы Лермонтова “Маскарад” <...>. Также публикуются переводы из Лермонтова — “Мцыри”, “Демон” и “Герой нашего времени”.

В связи с 50-летием со дня гибели Лермонтова в 1891 г. было опубликовано много статей, в которых, с одной стороны, говорилось о чувстве скорби по поводу его гибели, с другой, отмечалось безграничность его таланта» (с. 29). О. Гнуни откликнулся на 80-летие со дня рождения автора «Демона» (которого, как видно, представителем «чистого искусства», в отличие от Пушкина, не считал). К его творчеству были внимательны «классики армянской литературы. О нем писали и его переводили Александр Цатурян, Иоаннес Иоаннесян, Ованес Туманян, Ваан Терьян, Аветик Исаакян и другие» (с. 33). В руководимом Туманяном литературном кружке «Вернатун» его даже называли Лермонтовым. В советское время Лермонтова переводили и пропагандировали постоянно.

Переводить Гоголя оказалось труднее. Армяне приступили к этому делу сравнительно поздно, в 1880-е годы. Зато в нем участвовали столь крупные фигуры, как «Ованес Назарянц, Александр Ширванзаде, Манук Абемян, Перч Прошян, Акоп Гюрджян, Т. Варданян, З. Григорян, Г. Атанасян, Г. Агаджанян и другие. До 1920 года на армянский язык “Ревизор” был переведен пять раз, “Женитьба” — три раза, “Тарас Бульба” — два. Армянскому читателю были представлены также и бессмертные повести писателя» (с. 39). Его юбилеи (50-летие со дня смерти, 100-летие со дня рождения) также отмечались. И здесь отличился С. Лисициан. В 1909 г. о Гоголе писали И. Иоаннесян, Л. Манвелян, А. Цатурян, А. Исаакян, Д. Демирчян, московский корреспондент Воску-Дзон (Г. Багдасарян) и др. Последний (это любопытно), «сообщая о том скудном наследстве, которое оставил после себя писатель, опровергает ошибочно устоявшееся мнение, что русские писатели всегда живут хорошо, а после смерти оставляют огромное богатство» (с. 41). Вот как была нужна простейшая первичная информация.

О крупнейшем русском прозаике второй половины XIX — начала XX в. К.С. Ханян пишет: «Начиная с 1851 г., после посещения Тифлиса Толстой стал литературным защитником горцев. <...> Общеизвестен факт, что в XIX в. более пятидесяти процентов населения Тифлиса составляли армяне, а главой города часто избирались влиятельные представители армянства <...>. Этим объясняется интерес Толстого к разным слоям жизни армянского народа, его

быту, культуре» (с. 44–45). Объяснение слишком прямолинейное, но, надо полагать, не совсем беспочвенное. И, конечно, автор знает, о чем говорит, когда констатирует: «Поставленные в произведениях Л. Толстого острые социальные, нравственные и философские проблемы волновали широкие слои армянской общественности с начала появления их в печати и на протяжении последующих десятилетий. Об этом свидетельствуют многочисленные критические отклики в армянской периодике, а также специальные статьи и исследования армянских литературоведов» (с. 45). Среди переводчиков толстовских произведений — П. Прошян, Г. Агаян, Нар-Дос, В. Папазян, О. Туманян, А. Цатурян, В. Терьян. Первый перевод («Чем люди живы») осуществил неизвестный переводчик в Москве в 1885 г.

Ваан Терьян заявлял, что «наличие переводов Толстого на какой-либо язык показывает культурный уровень данного народа» (с. 48). Паруйр Севак, тоже поэт, а не прозаик, призывал современников и последующие поколения учиться у Пушкина и Толстого.

«Народная поэзия Некрасова еще при жизни поэта была принята армянской критикой как выражение духовной силы русского народа» (с. 54). Вообще-то Некрасов жаловался на то, что народ его не слышит, и поэзия его в основном типично интеллигентская (тогда это непременно значило и «народолюбивая»)⁴, но интеллигенция действительно считала его народным поэтом в буквальном смысле. «Начиная с 50-х годов XIX века большая часть армянских поэтов проявляют активную заинтересованность к известным деятелям русской литературы. Продолжая традиции Х. Абовяна и следуя Налбандяну, поэт Смбат Шахазиз увлекся поэзией Некрасова и перевел некоторые его стихотворения. <...> Г. Овнан отмечает, что Шахазиз в 1860-е годы в своих произведениях в какой-то степени подражал Некрасову, так как желал стать выразителем его гражданской поэзии в армянской литературе» (с. 54–55). Вопрос о том, было ли в ней революционно-демократическое течение или только соответствующие умонастроения, до сих пор не решен. Однако К.С. Ханян убежден: «В армянской литературе второй половины XIX века не было ни одного представителя демократического направления, который был бы равнодушен к гражданской поэзии Некрасова и не писал под влиянием его поэти-

⁴ «Можно сказать, что у Некрасова был комплекс “социального сострадания”. Именно сострадание (страдание вместе с другими), а не жалость (снисхождение к чужому страданию) одушевляет поэзию Некрасова. При всей политической серьезности и искренности его демократических чувств, с точки зрения психологии “страдания народа” были для него эманацией, символом его собственных страданий — от бедности, от болезни, от уныния, от мучений совести» (С<в>ятополк-> Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Л., 1992. С. 367).

ческого искусства» (с. 56–57). К 25-летию со дня смерти Некрасова заметную статью о нем напечатал критик А. Тер-Погосян.

Кроме классиков автор книги выделил С.Я. Надсона, по мнению которого «и поэзия “чистого искусства”, и поэзия борьбы и гражданских призывов принадлежит к области подлинного искусства, достойного благодарного признания современников» (с. 67). В обеих своих ипостасях он привлекал к себе многих армянских поэтов.

Чехов в книге рассматривается в сопоставлении с американским писателем армянского происхождения Вильямом Сарояном, но в более широком контексте. Так, автор полагает, что «создание нового типа американской новеллы Шервудом Андерсоном вряд ли было бы возможно без чеховского опыта» (с. 75). Пример из собственно армянской литературы: «Широко известна связь между сборником рассказов Чехова “Хмурые люди” (1890) и сборником Степана Зорьяна “Грустные люди” (1918), где последний применяет принципы чеховского искусства» (с. 76–77). А талант В. Сарояна был сродни чеховскому. Он, мастер короткого рассказа, признавал, что учился у русского писателя, но любил и других русских прозаиков.

Две заключительные статьи в книге посвящены переводам стихов В. Терьяна на русский язык и переводам П. Севака из русской поэзии и многих других литератур.

Приходится указывать автору на ошибки, которые нельзя объяснить опечатками. Например, «Медведь» Чехова — не рассказ (с. 76), а комическая пьеса. Про стихотворение В. Терьяна «Хорошо тому» и его перевод, осуществленный Верой Звягинцевой, на с. 89 говорится: «Строки в обоих случаях десятислоговые, избрана в основном ямба-анапестовая система» (что это такое?). А цитата на с. 90 («*В терниях, в крови наш далекий путь, // Ужасов и бед нам не отогнать*» и т. д.) показывает, что строки перевода состоят из двух полустиший, в каждом из которых три стопы хорей (последняя — усеченная).

В целом небольшая книжка К.С. Ханяна, безусловно, представляет интерес для сравнительного литературоведения.

С.И. Кормилов

Сведения об авторе: *Кормилов Сергей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru

Х о р е в В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). М.: Индрик, 2012. 240 с.

В книге известного российского слависта В.А. Хорева на примере польской литературы XIX и XX вв. предпринята попытка показать формирование, развитие и трансформацию устоявшихся представлений поляков о России и русских, трудный процесс вхождения нашей культуры в сознание польских писателей. Во вступительной части исследования («О России и русской литературе в польском сознании») автор указывает, что ключом к пониманию России в польском культурном сознании была русская литература, а ее художественный опыт был востребован и творчески освоен многими польскими художниками слова, ибо оказался созвучен их нравственно-философским и эстетическим исканиям. Рецензируемая книга имеет имагологическое направление, ибо в ней исследуются образы отдельного народа, складывающиеся в представлениях другого этноса, анализируются структура и функции национальных мифов и стереотипов, бытующих в текстах культуры. Освещая взаимоотношения Польши и России, В.А. Хорев призывает помнить о том, что представления о «другом», об образах чужой жизни рождаются и закрепляются в определенных исторических, национальных, политических условиях, приобретают новые символические значения и актуализируются в зависимости от идеологических и политических потребностей другого времени. Сложившийся в польском сознании на протяжении долгого времени образ русской культуры, творческое усвоение и переработка ее ценностей представителями польской культуры во многом определялись особенностями польского национального самосознания, этностереотипами, возникшими в процессе длительного противостояния Польши и России.

Сборник открывает статья «А. Мицкевич и польский канон восприятия России», в которой убедительно показано, как польский романтизм перенял, дополнил существовавший ранее в польской культуре негативный образ России, вошедший в историческую память следующих поколений. Канон отношения к России сложился под влиянием прежде всего творчества А. Мицкевича и других польских романтиков. На основе глубокого анализа произведений автора «Дзядов» В.А. Хорев приходит к выводу, что в польской романтической культуре утвердился стереотип поляка, ведущей чертой которого является неистовый протест личности, жертвенность и неспособность к смирению. Этот стереотип в литературе романтизма складывался в противопоставлении образа поляка образу русского.

В очерке «Сибирь в поэзии Ю. Словацкого и русских поэтов-декабристов» проанализированы русские, в том числе «сибирские», мотивы в творчестве польских и русских романтиков. Сходное и родственное обращение к теме Сибири оправдано тем, что польские поэты в своем творчестве неоднократно обращались к судьбам декабристов, сосланных на каторгу и поселение в Сибирь. Как показывает российский полонист, существовала разница в раскрытии данной темы польскими и русскими поэтами: первых одухотворяло стремление к национальному освобождению страны и размышления о путях его достижения, вторые — боролись с произволом своего правительства. Наиболее известные польские поэты были в эмиграции и могли высказывать свое мнение свободно, литераторы-декабристы долгие годы находились на каторге и в ссылке, многие их произведения были опубликованы только через несколько лет после их создания. Говоря об общности образов и мотивов у Ю. Словацкого и русских поэтов, В.А. Хорев отмечает, что польский романтик поместил свою Сибирь вне реальной географии и даже вне мира живых. Сибирь поэтов-декабристов более конкретна и предметна. Но и у польского, и у русских поэтов география насыщена историей. Польские авторы верно распознали в своих произведениях, в том числе на тему Сибири, главное в имперских стремлениях русского царизма.

Восприятию творчества Н.В. Гоголя и его повести «Тарас Бульба» в Польше посвящена одна из статей сборника. Судьба повести Гоголя в Польше складывалась драматично: долгое время произведение не переводилось на польский язык, поскольку расценивалось в польском обществе как полонофобское, ему сопутствовали отрицательные отклики со стороны польской консервативной критики. В 1920–1930-е годы в независимом польском государстве произведения русского писателя многократно издавались, активно рецензировались, но «Тараса Бульбу» межвоенная польская критика относилась к неудачным работам Гоголя, расценивая повесть как проявление «ненависти к полякам». В послевоенной социалистической Польше «Тарас Бульба» также не издавался по цензурным соображениям — из опасения нанести ущерб польско-советской дружбе, а потому чаще всего замалчивался критиками и литературоведами, писавшими об авторе «Мертвых душ». В современной Польше исследователи стремятся выявить генезис повести Гоголя, показать историю взаимных стереотипов в польском и русском сознании.

О серьезной роли позитивистов 1860–1880-х годах в определении отношения польского общества к России и ее культуре пишет В.А. Хорев в очерке «Варшавские позитивисты о России и русской литературе». Исследователь справедливо замечает, что именно польские позитивисты нарушили блокаду русской темы, своеобразный ее бойкот, который объявили литераторы русской части Польши, поскольку любая критика России пресекалась цензурой, а хвалить

противника, как им представлялось, было не за что. Автор приводит ряд высказываний Б. Пруса, Э. Ожешко, Г. Сенкевича, содержащих много ярких и выразительных фактов, свидетельствующих о том, что эти писатели хорошо ориентировались в русской литературе и были активными ее пропагандистами.

Творчество Ф.М. Достоевского всегда привлекало внимание польских писателей и критиков. Рецепция его художественного наследия в Польше посвящено огромное количество книг, статей, исследований. Поэтому вполне понятен интерес к этой проблеме со стороны автора рецензируемой книги. Основательно освещено присутствие Достоевского в польском литературно-критическом сознании до 1945 г. Поэтому основное внимание исследователя обращено на послевоенную рецепцию творчества русского прозаика, выявляя в ней ряд важных, недостаточно еще разрешенных проблем. В.А. Хорев отмечает, что при анализе воздействия на польскую литературу творчества создателя «Братьев Карамазовых» следует учитывать несколько специфических факторов: знание русского языка многими польскими писателями, их контакты с русской культурой, возможность читать Достоевского в оригинале; количество и качество переводов русского автора на польский язык; знакомство с Достоевским в переводах на иностранные языки. В своем исследовании В.А. Хорев ярко показал, что художественный мир русского писателя нашел живой отклик и содержательное отражение почти у всех польских художников слова XX в. (З. Налковской, В. Броневского, А. Струга, В. Гомбровича, Г. Херлинг-Грудзиньского, Ч. Милоша, Т. Ружевица, Е. Анджеевского и др.).

Ф.М. Достоевский сыграл серьезную роль в интеллектуальном и художественном развитии многих польских писателей. Примером освоения самым ярким представителем польского позитивизма Б. Прусом художественного мира Достоевского может послужить роман «Дети», в котором польский реалист обращается к «проклятым вопросам», поставленным русским прозаиком. Сопоставительному анализу указанного романа с «Бесами» Достоевского посвящена статья «“Дети” Б. Пруса и “Бесы” Ф. Достоевского». По мнению В.А. Хорева, подобно Достоевскому Прус представил в своем произведении художественный образ «духовной смуты, ведущей к потере нравственных ориентиров, к ложным путям борьбы за справедливое общественное устройство». Обоих писателей волновала диалектика противоречия между благородными намерениями, стремлением к личной свободе и низменными средствами осуществления целей.

Весьма значимы наблюдения В.А. Хорева над творчеством известного польского русиста XX в. Вацлава Ледницкого («В. Ледницкий о русской литературе»), о влиянии Октябрьской революции на польскую литературу («Октябрьская революция в России и польская литература в 20-е гг. XX в.»). Что же касается темы «Станислав Игна-

цы Виткевич и русская революция», то она привлекает В.А. Хорев в аспекте выявления родства мира польского художника с русской культурой, с российским историческим опытом. Антимиметические, гротескные произведения Виткевича, по мысли автора статьи, обнажали противоречия и абсурдность многих реальных ситуаций европейской действительности первой трети XX в., выражали катастрофическое ощущение окружающего мира, неприятие его, предчувствие краха, а также высмеивали устоявшиеся стереотипы мышления.

Говоря о рецепции творчества В. Маяковского и С. Есенина польскими поэтами В. Броневским и Б. Ясенским, автор рецензируемого сборника статей отмечает влияние мотивов и образности указанных стихотворцев на художественный облик ряда поэтических творений польских лириков. Новаторские принципы поэзии Броневского и Ясенского поддаются толкованию не только через исследование их диалогических, отрефлектированных ими творческих контактов с русскими современниками. В.А. Хорев избирает метод исследования, который достаточно сложен, поскольку требует скрупулезного внимания к текстам, к технике поэтического творчества, ассоциативного мышления. Новизна поэзии Ясенского и Броневского состоит в том, что они соединили отечественную поэтическую традицию с достижениями русских поэтов. Велика их заслуга как переводчиков русской литературы, о чем мало известно, так оригинальное творчество поэтов заслонило собой труд переводчиков.

К предыдущей статье близко по духу исследование «Константы Ильдефонс Галчиньский и русские поэты». В.А. Хорев усматривает истоки художественной системы Галчиньского в творческом преобразении им идейно-эстетических традиций мировой литературы, воздействия на него со стороны предшественников и современников. Обращение польского поэта к творчеству А. Блока и С. Есенина не только формировало, но и усиливало его личностное начало. В то же время российский полонист отмечает и влияние произведений автора поэмы «Вит Ствош» на проблематику и стиль ряда русских поэтов (Д. Самойлова, Б. Окуджавы, И. Бродского и др.).

Не оставляет без внимания российский ученый и такую проблему, как судьба польских литераторов в предвоенном Львове («Польские писатели в советском Львове»). На материале воспоминаний участников событий осени 1939 — лета 1941 гг. и историко-литературных исследований В.А. Хорев пытается воссоздать общественно-политический и историко-культурный контекст, в котором протекала деятельность польских художников слова, взаимные отношения между представителями разных национальных культур. Он справедливо замечает, что, несмотря на украинизацию и советизацию во Львове польских институтов образования, науки и культуры, массовые репрессии против поляков, вызывавших скрытый протест среди польской творческой интеллигенции, многие польские

литераторы сотрудничали с советской властью во имя сохранения польской культуры.

В книге В.А. Хорева обращает на себя внимание обширная и проблемная статья «Россия и Петербург Ярослава Ивашкевича». Предваряя анализ отношения мэтра польской литературы к России, исследователь представил интересную творческую биографию незаурядного писателя, отобразил личность Ивашкевича, отметил роль, которую он сыграл в культурной жизни Польши. В.А. Хорев наглядно показал, что для формирования художественных и эстетических позиций Ивашкевича большое значение имела история России и ее культура. В зеркале русской литературы польский поэт и прозаик стремился увидеть облик России, постичь феномен ее самобытной истории и культуры, что позволяло ему преодолевать сложившиеся в польском обществе стереотипы и предубеждения. В сознании Ивашкевича Петербург выступал как особый объект художественного постижения. Сквозь призму этого города писатель рассмотрел многие ключевые вопросы русской истории и культуры, их связь с судьбами Польши и поляков. Разные перспективы видения города создают целостный образ Петербурга, который сам становится героем повествования и на который проецируются раздумья и переживания автора «Хвалы и славы».

Непредубежденному осмыслению творческого пути крупного художника в историческом и культурном контексте эпохи помогает внимательное изучение его автопортрета, запечатленного в литературном дневнике. Эту мысль успешно доказал В.А. Хорев в последней статье рецензируемой книги «Ежи Анджеевский о русских писателях в литературном дневнике». Высказывания Анджеевского о русских прозаиках позволяют многое понять в природе его творчества, в формировании его нравственно-философского осмысления жизни, стилистического разнообразия его произведений. В размышлениях польского мастера слова постоянно присутствует мысль о серьезном вкладе русской классической литературы в сокровищницу мировой литературы, о большом нравственном и эстетическом потенциале сочинений русских писателей, актуальном во все времена.

Опубликованная книга В.А. Хорева — факт огромной важности. Она позволяет читателю — не только специалисту-гуманитарию, но и всякому, кто заинтересован вопросами культурологии, истории польской литературы и искусства, польско-русских взаимоотношений — глубоко ознакомиться с достижениями современной полонистики.

С.В. Клементьев

Сведения об авторе: *Клементьев Сергей Васильевич*, канд. филол. наук, доцент кафедры славянской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: s.klementiev@mail.ru

И з о т о в А . И . Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. М.: Дрофа, 2012. 1023 с.;

И з о т о в А . И . Чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2012. 832 с.

Серия двуязычных переводческих словарей пополнилась двумя актуализированными словарями чешского языка. Корпус «Нового чешско-русского словаря» состоит из 55 тыс. словарных статей, которые содержат около 100 тыс. чешских слова и выражений. При составлении словаря использовались материалы Чешского национального корпуса¹. В состав словаря входят предисловие, раздел «Как пользоваться словарем», корпус словаря, а также отдельно представленные разделы: «Словарь географических названий» и «Словарь общеупотребительных сокращений».

Широкоформатный, весомый и зримый том «Нового чешско-русского словаря» авторства известного исследователя чешского языка, доктора филологических наук, профессора А.И. Изотова представляет собой лексикографический труд, совершенно обоснованно получивший определение *новый*. Словарь выполнен на основе современного языкового корпуса и актуальной лексикографической базы. Его современность — в современном лексическом наполнении такой новой лексикой, которая в актуальном употреблении сейчас, в наши дни. Словарь современен благодаря своему переводному характеру, который ярко выражен в разработке словарной статьи, содержащей в своем объеме в большом количестве готовые переводные лексические единицы. Эти переводные единицы в свою очередь выделены и старательно подобраны в языке перевода и являются итогом работы по уточнению межъязыковых соответствий, по их поиску и выявлению в параллельных текстах — в тех случаях, когда в известных словарях данные лексические единицы отсутствуют. Так, представляется целесообразным шагом включение в словарь в качестве отдельных словарных статей наречий, так как они нередко несут в себе новые смыслы по сравнению с прилагательными (например, *págošně s napětím všech sil* и *págošně potřebný*,

¹ *Изотов А.И.* Опыт корпусного анализа функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2007. № 3. С. 47–63.

трудоемкий), непросты в переводе (*splašeně oprometčivo, bezras- судно; spirálovitě stíralňo*) или специфичны по написанию и к тому же являются ложными друзьями переводчика (например, *netakticky neobдуманно* в отличие от *netaktně бестактно*). Оправданным представляется включение в качестве отдельных лексических единиц ряда модальных выражений (например, *dejme tomu предположим*) и (в русско-чешской части учебного словаря) дискурсивной лексики типа *po menšiej mēre, po bōlšiej časti*. При этом в данном словаре обнаруживается отсутствие перекрестных ссылок. Например, если есть статья на слово *слух*, то обязательно должна быть отсылка к статье *потерять*. В этом случае информативность словаря в целом возрастает многократно.

Очевидно, что в современной лексикографии правая часть словаря должна представлять собой не пищу для размышлений для переводчика, не направления, в которых предлагается осуществлять переводческий поиск, но готовые к использованию в переводческой практике лексические единицы. Современность словаря — также в его полноте (разумеется, поелику возможной в бумажном издании определенного объема).

Возвращаясь к словарям-предтечам, подчеркнем их важность для того периода, когда они были созданы и изданы. Так, двухтомный «Чешско-русский словарь» создавался коллективом языковедов Чехословацкой академии наук (I том (580 с.) под редакцией Л.В. Копецкого, Й. Филипца и О. Лешки и II том (862 с.) под редакцией Л.В. Копецкого и Й. Филипца). Это было совместное издание «Советской энциклопедии» в Москве и Государственного педагогического издательства в Праге. Издание солидное, добротное, выполненное высококвалифицированными людьми. В то же время отдавая дань модному в наши дни направлению критики словарей, назовем лишь год его издания — 1973, соответственно его лексическое наполнение относится к еще более раннему периоду. Отсюда понятно, чего в словаре от 1973 г. нет и быть не может — например, современных терминологий информатики и мобильной телефонии, превратившихся уже в бытовую терминологию в связи с частотностью и повседневностью своего применения, экономических терминов, которые у всех на слуху и в обиходе (маркетинг, менеджмент и т. п.), и многого другого — *глобализации, аквапарка, мюслей, боулинга, акупунктуры* и т. д., и т. п.

Таким образом, словник словаря с точки зрения потребностей сегодняшнего дня содержит серьезные лакуны. К тому же указанный двухтомный словарь уже давно стал раритетным и недоступным читателю (в том числе и его второе издание от 1976 г. в Праге).

Нарабатываемая в кругу богемистов (отечественных и чешских) эквивалентика оставалась в их собственном, личном переводческом багаже, не становясь достоянием чешско-русской и русско-чешской лексикографии и не способствуя лексикографическому прогрессу. Если заглянуть в чешский Интернет, язык коммуникации в чатах, становится очевидным, что без словаря современной лексики язык Интернета — это почти абсолютная *terra incognita*. Ведь в связи с ослаблением этических норм в мире в целом и в связи с дальнейшим развитием чешской языковой традиции называть всё своими именами, многие слова поменяли свой статус: из обиходно-разговорной и сниженной лексики они превратились практически в нейтральную лексику. А ведь такая лексика обязательно должна фиксироваться в словаре — обойтись без нее практически невозможно ни в пассивном словаре (иначе текст будет непонятен), ни порой даже в активном словаре. Разговорными и сленговыми выражениями изобилует не только Интернет, но и чешские СМИ, кинофильмы, реклама и — деловое общение.

Можем порадоваться за наших соотечественников, работа которых связана с чешским ареалом, что ЭПОХА БОЛЬШОГО ПЕРЕРЫВА в двуязычной чешско-русской лексикографии наконец-то прервана изданием «Нового чешско-русского словаря» А.И. Изотова. Словарь А.И. Изотова ознаменовал собой прогресс в двуязычной чешско-русской лексикографии. Словарь имеет свой лексикографический почерк, свое неповторимое лицо. Это уже совершенно иной уровень разработки словарных статей.

Мы не будем здесь говорить о важности двуязычной лексикографии — практическая польза от нее очевидна. Несомненна также ее роль в межъязыковой и межкультурной коммуникации. В современном мире усложняющихся категорий духовной и технической сферы, точных и постоянно уточняемых данных, все более углубленных знаний двуязычная лексикография в обязательном порядке должна шагать по пути прогресса. Ее оферта должна соответствовать не только обыденным представлениям, но и в целом современным знаниям о мире (которыми в свою очередь уже успело проникнуться обыденное сознание). Рецензируемые словари А.И. Изотова — это, видимо, первая лексикографическая попытка увязать новые слова и значения с современными тенденциями фиксации в языке нового взгляда на мир — мир глобальный, категориально изменяющийся и лингвонезависимый, что влечет за собой стремительный рост новых слов и изменение восприятия старых.

В рецензируемых словарях А.И. Изотова радуется изобилие лексикографических помет, фиксирующих как языковой регистр, так и

отраслевую принадлежность терминов — слов и словосочетаний. Теперь о терминологической составляющей словарей. Очень важно, что она есть, что в словари включены важные для наших дней и научно-технического прогресса термины информатики и целого ряда других наук. «Чешско-русский словарь» от 1973 г. содержал немалое количество экономических терминов. В новых словарях произошло их приумножение, им были найдены более адекватные эквиваленты, имеется немало терминологических инкрустаций из мира спорта, медицины, информатики, техники, языкознания и других областей современных знаний, расширивших представления о мире современных граждан Чехии и России, обогативших и украсивших языковую картину мира.

Радует наличие в словарях транскрипции иностранных слов, в том числе географических названий, которые могут произноситься самым неожиданным для нас образом. Фиксируются и колебания нормы произношения иностранных слов (*koktail* — *kokteil*). Благодаря внимательному отбору словника в словарь вошла новая действительность с ее реалиями.

Издание словаря — это всегда глубоко патриотическая миссия, в том числе и издание двуязычного словаря — этого окна в мир, инструмента познания иной действительности, научных и других достижений, в данном случае — нашего чешского соседа.

«Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь» предназначен для изучающих чешский язык в нашей стране. Структура словаря здесь несколько иная по сравнению с «Новым чешско-русским словарем»: географические названия помещены в общий словник чешско-русской и русско-чешской частей словаря, аббревиатуры наличествуют только в чешско-русской части. Учебная направленность словаря обеспечивается многочисленными пометами и пояснениями, названия лиц даются с феминативами (*držitel* — *držitelka* *владелец* — *владелица*). Особый упор сделан на межъязыковые омонимы — ложные друзья переводчика. Им отведено в словаре особенно много места, что особенно радует и вселяет надежду, что словарь поможет избежать межъязыковой интерференции и нарушений коммуникации.

Если мы сопоставим словник русско-чешской части «Учебного словаря» с «Русско-чешским словарем» Й. Влчека, содержащим 40 000 слов и выражений (М.: Советская энциклопедия, 1968. 896 с.), то обнаружим исчезновение из него (обоснованно) целого ряда лексем, таких, например, как *арифмометр* (*počítáčka*), *рейсфедер* (*řýsovací pero*), *конокрад* (*zloděj koní*), *конокрадство* (*krádež koní*). Зато словарь обогатился целым рядом исключительно полезных слов

и выражений. Так, чешские эквиваленты получили такие, например, полезные выражения, как *в действительности, в другой раз, в зависимости от чего, в заключение, в известной степени, в известном смысле слова, в конце концов, в меру, в начале, в общей сложности, в общем, в особенности, в отдельности, в последний раз, в равной мере, в соответствии, в следующий раз* и многие другие.

Нельзя не отметить тщательной фиксации в словаре вариантности (*bzučák, bzučítko зуммер*). При заимствованных словах в случае отсутствия их графической адаптации в чешском языке и прочтения не по правилам дается транскрипция: *cash [keš], casting [kasting]*. Современная реалья *компакт-диск* дается в стилистически нейтральном варианте CD с транскрипцией [*céde*], а также в частотном разговорном варианте *cédečko*.

Очевидно, что оба словаря будут переиздаваться, поэтому авторы настоящей рецензии, сами, будучи лексикографами, хотели бы высказать некоторые дискуссионные соображения, которые могли изменить (улучшить) состав словарей.

Существует неудачная, на наш взгляд, традиция куцых вводных статей к словарям. Лингводидактически это неверная традиция. В предисловии к словарю должны не столько перечисляться технические моменты, сколько должна идти речь об особенностях языковых картин мира сопоставляемых языков и путях фиксации этих особенностей в данном словаре. Например, в «Учебном словаре» А.И. Изотова зафиксировано слово *яичко* с переводом *vajíčko*. Лингвоэтническая ценность словаря была бы намного выше, если бы в словаре статья на слово *яйцо* имела два перевода: 1. *vejce* и 2. *vajíčko*. А на слово *яичко* была бы добавлена поговорка *Дорого яичко ко Христову дню*. Все это делается для того, чтобы русский человек задумывался над таким «простым» явлением, когда при желании употребить в чешском языке слово *яйцо*, надо подумать, а не будет ли это деминутив в чешском языке. Кстати, в немецком языке наблюдаем обратный процесс: русское *яичко* соответствует выражению *das kleine Ei*, деминутив отсутствует.

Автор, очевидно, сторонник асимметричного представления в словаре языковых единиц. Это правильно. Интуиция лексикографа и здравый смысл подскажут автору словаря, когда в словарь могут быть включены равнопорядковые единицы, а когда нет. Но при этом должна быть и профессионально лексикографическая последовательность. В рецензируемых словарях в чешско-русской и русско-чешской частях есть, допустим, и *белорус*, и *белоруска*, а в русско-чешской части, например, есть только *пензионер*, а в чешско-русском слова-

ре — и *пенсионер*, и *пенсионерка*. Для современного языка аналогична ситуация со словом *доярка*: в словаре отсутствует слово *дояр*, хотя в переводе все-таки нельзя сказать **доярка Иванов*.

Нехватка отдельных слов может быть компенсирована за счет изъятия из словаря очевидного балласта для учебного словаря, т. е. таких слов, как *устрица*, *заливной лосось*, *курица в сметанном соусе* и под. Единицы типа *крыло светофора*, *крыть крышу* и под. отнесем также к очевидному балласту в учебном словаре.

Слова типа *клубника* подаются в словаре более рационально, с двумя значениями: 1. (растение) и 2. (ягода), а не в неудачной форме, как это получилось в рецензируемом словаре.

А вот слова, называемые лексикографами прозрачными или простыми, типа *мегаполис*, доставляют много хлопот при изучении иностранного языка, поскольку они имеют различную внутреннюю форму: мегаполис = *velkoměsto*. Их количество должно быть увеличено, как, впрочем, должна быть расширена вся русско-чешская часть, хотя бы за счет экземплификаций.

Как видим, рецензируемые словари не только нужны переводчикам и учащимся, но и лингвистам-лексикографам, чтобы не затухал интерес к лексикографической проблематике и заставлял восхищаться снова и снова лексикографическим сизифовым трудом.

Список литературы

Изотов А.И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. М.: Дрофа, 2012.

Изотов А.И. Опыт корпусного анализа функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2007. № 3.

Изотов А.И. Чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2012.

В.Г. Кульпина, В.А. Татаринов

Сведения об авторах: *Кульпина Валентина Григорьевна*, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук. E-mail: vgrkulpina@mail.ru; *Татаринов Виктор Андреевич*, докт. филол. наук, доцент, президент Российского терминологического общества. E-mail: rosstern@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XLIV ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В МГУ

16 января 2013 г. на филологическом факультете МГУ прошли XLIV Виноградовские чтения. Программу чтений составили девять докладов, объединенных темой «Учителя и ученики, соратники и последователи». Центральными в программе стали имена учителя, академика В.В. Виноградова, и его ученика, А.П. Чудакова, которому 2 февраля 2013 г. исполнилось бы 75 лет. На чтениях прозвучали лингвистические, науковедческие, историко-биографические, аналитические доклады, в которых обсуждались научно-идеологические и грамматические взгляды В.В. Виноградова и его старших и младших современников, историко-лингвистический доклад, посвященный славянским первоучителям, текстологический доклад и лингвистический доклад о грамматических свойствах имен реляционной семантики, к которым относятся существительные, вошедшие в название темы чтений. В чтениях приняли участие специалисты по современному языку и истории языка, литературоведы и историки науки из вузов и академических институтов Москвы и Петербурга.

По поручению декана филологического факультета М.Л. Ремнёвой чтения открыла докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка *М.Ю. Сидорова*, которая, приветствуя участников и слушателей, обратилась к книге В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» и отметила непреходящее значение трудов академика Виноградова для лингвистов всех поколений.

Первым в научной программе чтений был доклад докт. филол. наук, проф. *П.А. Леканта* «Синтаксис в виноградовской академической грамматике глазами преданного ученика». П.А. Лекант поделился своими воспоминаниями о виноградовских лекциях, которые он посещал, будучи аспирантом, и признал, что, хотя и не является прямым учеником академика Виноградова, на всем протяжении своей жизни в науке следует виноградовским традициям. Обратившись к основной теме, докладчик проанализировал структуру и основные идеи синтаксического тома грамматики 1952–1960 гг. Работа над томом была начата в 1946 г. очень небольшим кругом авторов, который затем существенно расширился. Этим отчасти объясняется определенная непоследовательность точек зрения, представленных в разных разделах грамматики, а также такая своеобразная черта издания, как критическая позиция редактора (В.В. Виноградова) по отношению к содержанию второго тома (позиция, выраженная во введении). П.А. Лекант, остановившись на классических синтаксических объектах и идеях, назвал понятие предикативности, введенное В.В. Виноградовым, «спасением от морфологизма

в синтаксисе». П.А. Лекант отметил, что виноградская академическая грамматика отстоит от предшествующей грамматики И.И. Давыдова на сто лет; таким серьезным историческим сроком и обусловлено то, что она стала «замечательным явлением в области описания грамматики русского языка»: значительное рождается редко.

В докладе докт. филол. наук *В.Б. Крысько* «У истоков славянской литературы: канон первоучителю Кириллу», посвященном памяти русского ученого А.Д. Воронова — автора книги «Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия» (1877), были подведены итоги работы по реконструкции оригинального греческого текста и славянского перевода канона Кириллу Философу. В реконструированном оригинале установлено наличие акростиha, означающего ‘славу Кириллу Василий Философу пою’. Канон является произведением греческого автора, по-видимому, проживавшего в Риме, — неизвестного по другим источникам Василия, а его создание датируется первыми годами после беатизации Кирилла Философа. Докладчик показал, что перевод канона на старославянский язык кажется естественным отнести ко времени процветания кирилло-мефодиевского дела в Великой Моравии и Паннонии, а авторство перевода представляется возможным приписать старшему из первоучителей, ни словом не упомянутому в каноне, — архиепископу Мефодию.

Доктор филологических наук, проф. *В.Б. Катаев* в докладе «А.П. Чудаков — ученый и человек», назвав учителями Александра Павловича многих великих филологов — от Потебни до Виноградова, отметил, что в личности А.П. Чудакова соединились ученый и писатель. Своим литературным трудом А.П. Чудаков, вслед за Тыняновым и Шкловским, опроверг то расхожее мнение, что удел филолога — это стихи в стенгазету и рассуждения по поводу чужих стихов. Докладчик говорил о том, как свою теорию художественного творчества, разработанную при исследовании Чехова, А.П. Чудаков-литератор воплотил в своем романе-идиллии «Ложится мгла на старые ступени». Чудаков-писатель, как и А.П. Чехов, отвергает литературную условность старой литературы, состоящую в том, что герой на время вынимается из вещного мира; в романе А.П. Чудакова нашли отражение детские впечатления, воспоминания о семье, разнообразные опыты физического труда, легшие в основу подробнейшего изображения вещного, предметного мира. Другой стороной романа стала центральная роль слова, лексическое богатство: автор «уловил и собрал летучий словесный материал»; в романе А.П. Чудаков высказывается прямо: «Мир не имел невербального существования».

В докладе докт. филол. наук *В.Н. Базылева* «Комментарий А.П. Чудакова к «Избранным трудам» В.В. Виноградова» речь шла о двух разных принципах научного комментирования, осуществленных А.П. Чудаковым в двух разных томах, выход которых разделяет более чем десятилетие, — это «Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя», 1990 г. и «Язык и стиль

русских писателей. От Гоголя до Ахматовой», 2003 г. Докладчик проследил, как А.П. Чудаков переходит от комментирования в 1990 г. стиля и «темных, невразумительных мест» в текстах В.В. Виноградова к комментированию в 2003 г. исторической обстановки, подробностей биографии. Докладчик объяснил смену принципа комментирования «современным историизирующим сознанием начала XXI в.». Интерес к стилю в книге 1990 г. можно объяснить и рубежной культурологической ситуацией в стране, и тем, что комментатор находился «в тени» другого редактора тома, академика Д.С. Лихачева, и тем, что самим А.П. Чудаковым научный стиль Виноградова был назван эзотерическим стилем лингвистико-философских медитаций, а следовательно, нуждался в пояснениях. В книге 2003 г. для комментатора на первый план выходит исторический факт, осознание напряжения между исследуемой эпохой и современностью. При комментировании работ В.В. Виноградова, посвященных литературе XX в., Чудаков движется от футуристов к формалистам и далее к обсуждению позиции В.В. Виноградова. Комментатор обобщает: мысль В.В. Виноградова, сделав круг, вернулась к тому, с чего он начинал, — к общим проблемам поэтики, поздние работы — это маленькие статьи о литературных персонах и большие теоретические книги.

Доклад канд. филол. наук *А.Н. Дмитриева* «В.В. Виноградов и ленинградские “младоформалисты”» был посвящен вопросам истории гуманитарной науки. Докладчик поставил своей целью показать, как младшее поколение формалистов, ученики Тынянова и Эйхенбаума, Л.Я. Гинзбург, Б.Я. Бухштаб, В. Гофман и др., в конце 1920-х — начале 1930-х годов, в условиях кризиса формальной школы в литературоведении, обратились к идеям В.В. Виноградова.

В докладе проф. А.А. Смирнова «В.В. Виноградов и К. Фосслер: проблема эстетической функции поэтической речи» рассмотрены основные научные позиции в отношении поэтической стилистики, объединяющие двух ученых, еще при жизни получивших мировое признание. Оба возводят литературу в ранг искусства и стремятся к органическому объединению лингвистической и литературоведческой поэтики. «Наша отечественная концепция поэтики, — подчеркивал акад. В.В. Виноградов, — развивалась параллельно с концепциями западноевропейского типа, школ Фосслера, Шпитцера, Вальцеля». Особенно привлекала русского ученого острота постановки Фосслером вопроса о связи истории языка с историей литературы и искусства. Это обстоятельство настолько импонировало взглядам Виноградова, что он ставил имя Потебни рядом с именем Фосслера. Виноградов в целом дает положительную оценку тому, что предлагает Фосслер. «Хорошо, когда литературовед и лингвист помогают друг другу, углубляя понимание художественного произведения», «Дух, ставший художественным образом, — есть речь», — утверждает Фосслер всем содержанием книги «Дух и культура в языке» (1925). Под воздействием идей Виноградова и Фосслера исследователи стали по-новому трактовать проблему ценности в литературе и ее оценки при помощи стилистических методов.

В современной филологии усилия лингвистической поэтики достичь плодотворной интеграции литературоведов и лингвистов выступают в сильной и слабой версиях. «Сильный» вариант нацелен на развитие дескриптивной и интерпретационной теории литературы на базе языковедческих методов. «Слабый» вариант нацеливает лингвистическую поэтику только на область работы литературоведа.

В докладе «Текстология одного стихотворения («Воспоминание» А.С. Пушкина)» докт. филол. наук *Н.В. Перцов* обратился к пушкинскому стихотворению, которое в свое время анализировал учитель В.В. Виноградова Л.В. Щерба. Споря с текстологическими и орфографическими принципами академического издания Пушкина 1937 г., докладчик познакомил слушателей с вариантами чтения знаменитого стихотворения Пушкина. Среди них не всегда возможно установить временную последовательность, в которой один вариант сменялся другим. Докладчик предложил новые принципы публикации пушкинских стихов, где перед читателем предстают сразу все варианты и редакции в одном тексте. Докладчик отстаивал право значительных в содержательном и эстетическом отношении пушкинских фрагментов занимать место среди основного поэтического корпуса даже в случае, если они не входят в окончательную редакцию произведения.

Тему учителей и учеников продолжил докт. филол. наук *М.Я. Дымарский* в докладе «Присоединение как особый тип синтаксической связи: от Л.В. Щербы — к В.В. Виноградову... дальше?», показав, как развивались и менялись взгляды лингвистов на присоединение после Л.В. Щербы и В.В. Виноградова. Само понятие присоединения появилось при интерпретации художественных текстов. Л.В. Щербы, анализируя поэтические тексты, отметил особую интонацию, которая свидетельствует о наличии двух ментальных актов. По Щербе, присоединение — это включение добавочной информации, «договаривание». В.В. Виноградов в прозаическом тексте (в «Пиковой даме») выявил еще один существенный план присоединения — принадлежность высказываний в рамках одного предложения разным социальным голосам (разным субъектам сознания), показал внутреннюю диалогичность, что не позволяет высказываниям соединиться в одной смысловой (логической) плоскости. Виноградовское понимание присоединения было принято и авторами Словаря языка Пушкина (в словарной статье «союз И»). В Академической грамматике 1952–1960 гг. шла речь о присоединительных (вторичных) употреблении союзов и присоединительных союзах (с первичной присоединительной функцией). В синтаксических трудах конца XX в. присоединение стало интерпретироваться как явление периферийное, относящееся к сфере экспрессивного синтаксиса, синтаксиса речи (Ю.В. Ванников, А.П. Сквородников, Н.П. Киселева), как явление, близкое парцелляции, тем самым понятие присоединения было соотнесено с «актуальным членением предложения». Такой подход привел к необходимости пересмотра самого системного статуса присоединительных отношений: В.З. Санников предложил вывести присоединение за пределы системы

сочинительных конструкций. В пособиях по пунктуации (например, в работах Н.С. Валгиной) понимание «смысловой плоскости» формализуется, в результате присоединение сближается с уточнением.

Доктор филологических наук, проф. *А.Д. Шмелев* прочитал доклад «Учителя, ученики и другие имена реляционной семантики». К именам реляционной семантики докладчик отнес те существительные, которые называют лица, передающие некоторое отношение к другим лицам и имеющие субъектную валентность, которая может заполняться притяжательным местоимением или Род. п. К таким именам, в частности, относятся некоторые названия социальных функций — *ученик, соратник, единомышленник, противник* и т. п., а также термины родства. Докладчик обсуждал условия абсолютного употребления реляционных имен, особенности их соединения с кванторным местоимением *один*, а также познакомил слушателей с историческими изменениями в лексическом значении некоторых имен данной структурно-семантической группы.

На Виноградовских чтениях 2013 г. объединились усилия современных лингвистов и литературоведов, состоялся их содержательный диалог. Чтения показали, чтобы быть убедительными, лингвистам следует искать опору в тексте — из него вырастают, им поверяются либо к нему применяются лингвистические идеи; литературоведы, чтобы быть доказательными, должны соизмерять свои построения с языковой стороной художественного текста. В соединении текста и грамматики состоит реализм филолога, продолжение и развитие виноградовской методологии на современном этапе, которая позволяет исследователю возвыситься до осознания эстетической функции словесного произведения.

Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина

Сведения об авторах: *Золотова Галина Александровна*, докт. филол. наук, главный научный сотрудник ИРЯ РАН. E-mail: zolotova.24@mail.ru; *Онипенко Надежда Константиновна*, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: onipenko_n@mail.ru; *Никитина Елена Николаевна*, канд. филол. наук, докторант Института русского языка РАН. E-mail: yelenon@mail.ru

ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 95-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.А. БЕЛОШАПКОВОЙ

В 2012 г. исполнилось 95 лет со дня рождения профессора кафедры русского языка филологического факультета МГУ Веры Арсеньевны Белошапковой. Этому событию были посвящены Чтения, состоявшиеся на филологическом факультете МГУ 3 октября 2012 г.

На Чтения были приглашены ученые, которые знали Веру Арсеньевну, работали рядом с ней, являются ее учениками. Программа включала восемь докладов.

Чтения открыла профессор МГПУ *Т.В. Белошапкова*. В докладе «Курс синтаксиса В.А. Белошапковой в зеркале традиционной синтаксической науки» она остановилась на проблемах научного наследия этого ученого. В центре ее внимания была малоизвестная статья В.А. Белошапковой «К вопросу о членах предложения» (опубликованная в сборнике «Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. Ч. 1», Пермь, 1975), интересная тем, что в ней представлен путь трансформации идей традиционного синтаксиса в идеи современного, структурного синтаксиса, которые позднее нашли отражение в учебнике по синтаксису. Изучая научное наследие В. А. Белошапковой, можно проследить ход мысли, приведший к созданию этого известного многим поколениям студентов текста, и таким необычным и интересным путем более глубоко проникнуть в суть синтаксической науки.

Профессор *А.Н. Баранов* (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) в докладе «Асимметрия частиц *ДА* и *НЕТ* в ответных репликах согласия-несогласия» обратил внимание слушателей на то, что в ответах на определенные типы общих вопросов неуместно «одиночное» *ДА*, хотя вполне возможно «одиночное» *НЕТ* (например, на вопрос *Ты идешь или не идешь?* нельзя ответить *ДА*, но можно ответить *НЕТ*). По мнению докладчика, такая асимметрия *ДА* и *НЕТ* объясняется более широкой сферой действия частицы *ДА*: выбирая положительную альтернативу пропозиционального компонента вопроса, эта частица подтверждает установку говорящего на предполагаемый ответ. Поэтому «одиночное» *ДА* не может использоваться в ответах на вопросы, в которых установка говорящего на положительный ответ отсутствует. *НЕТ*, в отличие от *ДА*, обладает более узкой сферой действия, выбирая негативную альтернативу пропозиционального компонента вопроса и не затрагивая его установку.

Основной тезис доклада профессора МГУ *И.М. Кобозевой* «Союз *И* как маркер риторических отношений в дискурсе» — необходимость выхода за рамки сложного предложения при интерпретации семантики союзов в тексте, так как в общем случае только с учетом дискурсивного контекста

может быть установлено то смысловое (риторическое) отношение, которое связывает вводимую союзом дискурсивную единицу с остальными. Данный тезис аргументировался с позиций Теории риторической структуры на материале употреблений союза *И*, которые в академической «Русской грамматике» (1980) охарактеризованы как «собственно соединительные». Было продемонстрировано, что на уровне дискурса эти употребления не всегда соответствуют отношению Конъюнкции, но могут присоединять и пропозиции, связанные с предтекстом отношениями Детализации или Обстоятельства. В заключении доклада был представлен инвентарь риторических отношений, с которыми совместим данный союз во всех тех частных значениях и употреблениях, которые традиционно выделяются у него в составе сложного предложения.

В докладе профессора МПГУ *Г.И. Кустовой* «Предложения со значением модального соответствия» были проанализированы сложные предложения со словами *достаточно*, *недостаточно* и *мало* и союзом *чтобы*, выражающие особое модальное значение, например: *Достаточно (недостаточно, мало) прочитать учебник, чтобы сдать зачет*. Сравнение положительных (со словом *достаточно*) и отрицательных (со словами *недостаточно* и *мало*) вариантов данных предложений свидетельствует о том, что у *недостаточно* и *мало* появляется новая валентность — «нужно [еще] Q»: *Чтобы сдать зачет, недостаточно (мало) прочитать учебник, нужно еще законспектировать статью*. Докладчик показал, что появление данной валентности — результат воздействия отрицания на семантику слова *достаточно*.

Профессор *Е.В. Падучева* (ВИНИТИ РАН) в докладе «Новые эффекты снятой утвердительности» говорила об особенностях поведения языковых единиц в контекстах снятой утвердительности, т. е. в контекстах, в которых специальными средствами снимается утвердительная модальность какой-либо пропозиции (например, выделенной пропозиции в предложении *Я не думаю, что Иван вернулся в Москву*). Основное внимание было уделено подавлению презумпции в подобных контекстах. Так, из предложения со снятой утвердительностью *Отказ от игры уронил бы / не уронил бы его в глазах шахматистов*, в отличие от предложения *Отказ от игры уронил / не уронил его в глазах шахматистов*, не следует, что отказ имел место. Были рассмотрены также глагольно-адвербиальные сочетания типа *резко затормозить* с безударным наречием, которые, не имея хорошего отрицания в утвердительных контекстах, получают возможность его иметь в контекстах снятой утвердительности. Докладчик предложил объяснение особенностям поведения языковых единиц в рассматриваемом типе контекстов.

В докладе профессора Кубанского госуниверситета *А.Л. Факторовича* «Семантика невербализованного субъекта: уровни предложения и дискурса» намечена дискурсивная специфика имплицитных значений и неоднозначность экспликации имплицитной семантики в дискурсе. Докладчик обратил внимание на контексты, в которых субъект нескольких пропозиций верба-

лизуется только один раз, и рассмотрел семантические эффекты подобного способа передачи информации. На материале языка массовой коммуникации была подтверждена объяснительная сила понятия «неповторение», предложенного для подобных явлений В.А. Белошапковой в академической «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970).

Профессор Новгородского университета им. Ярослава Мудрого *Т.В. Шмелёва* обратилась к идее трехаспектности высказывания, сформулированной Фр. Данешем. В.А. Белошапкова высоко ценила эту идею, положив ее в основу композиции раздела «Синтаксис» в университетском учебнике. Однако различение конструктивного, смыслового и актуального аспектов Вера Арсеньевна провела только для простого предложения. Сегодня представляется верным, что сложное предложение также может быть осмыслено в свете этой идеи. В докладе было предложено понятие «коммуникативный вес пропозиции», которое наряду с традиционными уже понятиями актуального членения помогает объяснить актуальную организацию сложного предложения, что можно сделать, выйдя в пространство текста и рассматривая простое и сложное предложения как две возможности «упаковки» пропозитивного содержания. Было подчеркнуто, что взгляд на соотношение простого и сложного предложения меняется, если от анализа готовых предложений перейти к синтезу — к деятельности того, кому предстоит написать или отредактировать написанное.

Чтения завершил доклад профессора МГУ *М.Ю. Федосюка* «Какому синтаксису нам нужно учить студентов-филологов», в котором была изложена концепция вузовского курса «Синтаксис современного русского языка», обновленного с учетом достижений современной лингвистики. По мнению автора, в наши дни этот курс должен базироваться: (1) на последовательном описании семантики любых синтаксических единиц; (2) на четком разграничении семасиологического и ономасиологического аспектов описания языка и (3) на объяснении причин существования каждого из описываемых явлений. В докладе было продемонстрировано содержание семасиологического и ономасиологического аспектов описания материала в курсе синтаксиса. Свой подход докладчик воплотил в написанном им в соответствии с перечисленными принципами вузовском учебном пособии «Синтаксис современного русского языка» (М., 2012).

После окончания Чтений их участники перешли на кафедру русского языка, где в неформальной обстановке обменялись воспоминаниями о выдающемся ученом и замечательном человеке профессоре Вере Арсеньевне Белошапковой.

И.В. Галактионова

Сведения об авторе: *Галактионова Ирина Владимировна*, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ig@philol.msu.ru

Х ВАСИЛЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ЯРОСЛАВЛЕ

18–19 августа 2012 г. проходили юбилейные Васильевские чтения с секцией «Голоса русской провинции», которые показали, что начатые за десять лет до этого в поселке Борисоглебский инициативной группой мемориальные чтения со временем превратились в научную конференцию с серьезной научной и литературно-художественной программами, с постоянным кругом участников, с уже сложившимися традициями. Юбилей — это всегда повод не только для поздравлений, но и для подведения итогов.

С этого начал свое вступительное слово на конференции в Ярославском государственном педагогическом университете профессор МГУ *С.И. Кормилов*, который кратко охарактеризовал специфику Васильевских чтений 2012 г. *И.Г. Васильев*, бессменный координатор чтений, напомнил собравшимся «историю» казавшегося когда-то почти нереализуемым проекта — ежегодно в конце августа собирать филологов, увлеченных творчеством провинциального поэта Константина Васильева, близких ему людей и литературную общественность области для того, чтобы еще раз вместе вспомнить о человеке и тонком лирике, литературном критике и переводчике, который по праву считается одним из лучших ярославских поэтов конца XX в. Он напомнил собравшимся о том огромном вкладе, который внес в развитие этих периодических конференций покойный Николай Николаевич Пайков.

Продолжением его рассуждений стал первый пленарный доклад канд. филол. наук, старшего преподавателя МГУ *М.С. Руденко*, построенный на анализе как уже опубликованных, так и неопубликованных воспоминаний коллег, друзей и учеников Николая Николаевича. В центре ее внимания находился недавно изданный сборник «Память сердца». Она отметила удивительную сейчас «рыцарскую» способность помогать людям, окружавшим его, как самую яркую черту личности Николая Николаевича. Отстраненность от злобы дня помогла ему, по словам докладчика, понять неоднозначный характер личности и лирики Н.А. Некрасова, поэта, который стал «сердцевиной его духовно-творческой судьбы» (по словам Ю.М. Прозорова).

Впервые на Васильевских чтениях выступал профессор РУДН (Москва) *С.М. Пинаев* с докладом «Провинция — планета — космос (Киммерия Максимилиана Волошина)», в котором он показал, что введение образов Коктебеля оборачивается для поэта включением в иное (мифологическое) измерение жизни. Легендарная Киммерия становится «личным космосом» поэта. По мнению докладчика, киммерийская живопись и поэзия Волошина неразрывно связаны. При этом лирика становится откровением, «слепком вечности» и внутренней жизни духа.

Профессор (МГУ) *С.И. Кормилов* в своем докладе продолжил тему малой родины, начатую на прошлой конференции выступлением профессора *О.И. Федотова*. Он предложил систематизацию образов, связанных с домом, в лирике Константина Васильева. Как отметил *С.И. Кормилов*, образ дома, один из самых частотных в его поэзии, далеко не всегда является идиллическим и дает представление об аскетической жизни поэта. Наиболее значимыми в создании образа дома становятся мотивы зеркала и окна.

Пленарное заседание продолжил доклад старейшего профессора ЯГПУ *В.И. Жельвиса*, который показал, что с помощью «народного» слова (в частности, пословиц) легче вербализовать тайные мысли оппонента. Эта дистанцированность от прямого возражения имеет древнее происхождение, о чем свидетельствует и использование в речи мата. Развивая мысли исследователя в коротком замечании, *С.И. Кормилов* указал, что афористическое высказывание постепенно уходит из литературы, так как это «однозначная» мудрость, а она нехарактерна для нашего времени, что подтверждают и наблюдения докладчика.

Профессор *Е.А. Ермолин* (Ярославль — Москва) в емком и содержательном докладе высказал соображения относительно коммуникации современного поэта с его аудиторией. Возможно, предположил он, в современном мире поэт вообще не может рассчитывать на глобальное признание. А может быть, проблема заключена в самой творческой личности, которая не устремлена к цельности, единству. Сумеречная незавершенность творческого «я» — вот свойство современных поэтов. В молодой ярославской поэзии, по его словам, нет мощного единого потока и даже привилегированных направлений движения. Лучшее, что есть в ней, — это любовная лирика. Проблема измельченности, самодовольной самодостаточности проявляется и в отсутствии потребности у молодых поэтов в восстановлении диалогической связи с социально определенной аудиторией.

Открывая секционные заседания, *Г.А. Аманова* (Ташкент), докторант Института востоковедения РАН, отметила трудности перевода лирики Васильева на восточные языки. В отдельных случаях трактовки образов-символов в русской и восточной поэзии близки друг другу (образы иволги и соловья). Но в то же время сорока, например, в русской поэзии ассоциируется с пустой болтовней, а в китайской культуре это птица радостных предзнаменований.

Директор музея-квартиры Константина Васильева в поселке Борисоглебском *Л.В. Зверева* обозначила основные вехи истории музея, который в 2012 г., как и Васильевские чтения, отметил свое десятилетие. Она подчеркнула уникальность для России создания именно музея-квартиры поэта, официально являющегося филиалом центральной районной библиотеки.

С.Н. Левагина, ведущий методист Областной юношеской библиотеки им. А.А. Суркова, раскрыла психологическую точность и удивительную

градуированность понятия «радость» в поэзии К. Васильева. Привлекая к анализу в том числе и материал неопубликованных произведений, она отметила сакральность образа радости как прорыва в неведомый мир. В лирике поэта радости, по замечанию докладчика, противопоставляется не печаль, а уныние.

Поэтесса *Надежда Папоркова* говорила, что все творчество Васильева проникнуто темами романтической любви и одиночества, существующими в неразрывном единстве в художественном мире его лирики. Она показала своеобразие восприятия им любви как религиозного переживания, привлекая материал книги С.Л. Франка «С нами Бог» (глава «Религия любви»).

Кандидат филологических наук *А.А. Александрова* (Москва), открывая своим докладом работу секции «Голоса русской провинции», показала, что в поэзии И. Бродского обращение к изображению провинциальной жизни мотивировано не биографически, а исконно русским противопоставлением центра и периферии. Развивая традицию романтиков, Васильев и Бродский создают образы поэтов-изгнанников и странников, которые не могут найти свое место в мире, а также романтические образы реки, моря и звезды. Однако если Васильев продолжает эту традицию, то Бродский полемизирует с ней. Бегство в провинцию становится актуальной жизненной стратегией для последнего.

Профессор кафедры истории, журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (Москва) *Л.Г. Кихней* показала биографические истоки и динамику формирования «тверского текста» в лирике Анны Ахматовой, который возникает как оппозиция петербургскому. Воспринимая первоначально имение Слепнёво как чужой топос, она с 1914 г. начинает говорить о «тверской скудной земле» как о «прекрасном далеком», о том месте, которое сделало ее поэтом. Центральной в позднем «тверском тексте» становится мысль о сохранении русской земли.

Большой интерес у слушателей вызвал доклад кандидата искусствоведения *Л.А. Даниловой* (Москва), которая, обозначив основные вехи жизненного и творческого пути художника Н.Н. Вышеславцева, подробно охарактеризовала особенности его живописной техники. Она отметила, что символический характер его портретов становится формой ухода от трагических событий современности и сохранения своего «я».

Доктор филологических наук *В.А. Гавриков* (Брянск), отметив, что гитара позднего Башлачёва уже не инструмент, а дополнительный голос, позволяющий ему актуализировать невыраженные и невыражаемые в голосе смыслы, сосредоточился на анализе произносительных особенностей поэтики Башлачева, которые позволяют ему маркировать «провинциальными метами» порой стилистически нейтральные фрагменты текста.

Ярославский поэт и тележурналист *В.В. Поваров* в небольшом сообщении теоретического характера показал соотношение объективного,

субъективного и суггестивного начал в поэтическом тексте. Существующие между словами грамматические и ассоциативные соответствия позволяют ощутить глубину его семантического пространства.

Доцент ЯГПУ *Н.В. Лукьянчикова* поделилась со слушателями наблюдениями над характером «пушкинского» (онегинского) присутствия в произведениях ярославских писателей XIX в. Охарактеризовав две модели (трагическую и пародийно-сатирическую) женского образа в полемических романах XIX в., она на материале повести М.П. Чехова «Синий чулок» и поэмы «Посещение» Ю.В. Жадовской обосновала появление еще одной модели — женщины-нигилистки. Отрицая традиционные ценности, она продолжает внутренне к ним стремиться, как героиня романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». «Татьянин сюжет» в этих произведениях может включать элементы как баллады, так и полемики романа.

Г.В. Мурзо, доцент кафедры русского языка ЯГПУ, охарактеризовала на примере В.Я. Брюсова издательскую политику К.Ф. Некрасова в начале XX в. Уверенность в том, что Первая мировая война сможет смыть всю грязь русской жизни, в этот период объединяла различных по общественной позиции деятелей. В.Я. Брюсов, став военным корреспондентом «Русских ведомостей» и некрасовского «Голоса» (найдено 14 публикаций), регулярно писал объемные статьи о состоянии солдат русской армии, беженцев и жителей освобожденных районов, но так и не смог побывать на передовой.

Продолжая ход размышлений В.В. Поварова о субъективном и объективном восприятии литературы, доцент кафедры русского языка ЯГПУ *Л.А. Гусева* проанализировала наименования женщины в прозе ярославской писательницы Елены Обуховой. Имя в ее произведениях связывает героиню и автора, что подчеркивает лирический характер повествования в целом.

Доцент *М. Г. Пономарева* (Ярославль) обратила внимание слушателей на необычный интерес современных писателей к последнему этапу жизни К.Н. Батюшкова (пребыванию его в Прилуках Вологодской области). Наряду с привычными деталями портрета поэта XIX в. в стихотворных произведениях современных авторов возникают новые, не совпадающие с традиционным образом элегического поэта и вводящие элементы провинциального кода.

Роману «Потомок седьмой тысячи» известного ярославского писателя Виктора Московкина был посвящен доклад соискателя кафедры русской литературы ЯГПУ *С.С. Лобинской*. Острота интриги, сюжетные лакуны, непроясненность названия — черты, с точки зрения исследователя, отличающие данный исторический роман, посвященный бунту рабочих Большой ярославской мануфактуры.

Ассистент кафедры книжного дела ЯГПУ *Е.В. Никкарева* предприняла попытку на материале творчества малоизвестного поэта Д.Е. Кашкина выявить основные тенденции бытования в русской культуре начала XIX в. жанра романса. Лирику поэта второго (даже третьего) ряда благодаря под-

ражательному характеру его творчества, по мнению исследовательницы, можно назвать «лакмусовой бумагой» для всего литературного процесса этой эпохи.

Завершая научную часть конференции, профессор *Ю.Б. Орлицкий* (Москва, РГГУ) рассказал собравшимся о судьбе пяти псковских поэтов 1970–1980-х годов и выпускавшегося ими альманаха «Майя». Близость Петербурга и тесная связь с различными культурными традициями предопределили широту спектра используемых ими форм строфической организации текста.

На следующий день, 19 августа, в культурном центре «Содружество» состоялась литературно-художественная часть Васильевских чтений. По сложившейся традиции она началась с мемориальной части, которую открыл чтением стихотворений Константина Васильева народный артист России *Виталий Стужев*. Затем собравшимся был показан документальный фильм Владимира Поварова «Парад планет — парад невест» о жизни и творчестве поэта. Завершил мемориальную часть своим выступлением известный ярославский поэт *Евгений Гусев*.

Далее в основной части программы любители поэзии могли послушать выступления поэтов, финалистов III ежегодного поэтического конкурса памяти Константина Васильева «Чем жива душа...», звучали песни на стихи современных поэтов в исполнении *Ольги Запольских* и *Алины Прокофьевой*. Прямо на месте было сформировано звездное жюри, в состав которого вошли профессор С.И. Кормилов, Ю.Б. Орлицкий и Е.А. Ермолин, директор Централизованной библиотечной системы Ярославля С.Ю. Ахметдинова и родной дядя поэта Г.И. Васильев. Оно присудило три специальных диплома выступавшим. Лауреатами поэтического конкурса стали *Кристина Эбауэр* (Гран-При) и *Тимур Бикбулатов* из Ярославля (диплом I степени), *Дмитрий Масленников* из Уфы (диплом II степени), *Наталья Козволина* из Вятки (диплом II степени), *Роман Рубанов* из Курской области (диплом III степени), *Любовь Страхова* из Ярославля (диплом III степени). По итогам конкурса будет издан поэтический сборник с одноименным названием, а стихи финалистов будут размещены на сайте конкурса.

Подводя итоги, можно отметить, что состав участников X Васильевских чтений существенно расширился. Литература русской провинции и творчество К. Васильева привлекают все новых и новых исследователей, что свидетельствует о богатстве пока еще остающегося недостаточно исследованным материала.

М.Г. Пономарева

Сведения об авторе: *Пономарева Маргарита Гелиевна*, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой книжного дела ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. E-mail: mgstepanova@mail.ru

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В диссертационных советах филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова на первое полугодие 2012 г. были защищены диссертации на соискание степени доктора филологических наук и на соискание степени кандидата филологических наук.

Диссертации на соискание степени доктора филологических наук
Красильникова Лидия Васильевна «Формирование словообразовательной компетенции филолога-русиста (русский язык как иностранный)»

Специальность 13.00.02 — теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный и иностранные языки в общеобразовательной и высшей школе).

Диссертация посвящена исследованию лингводидактической специфики словообразовательного компонента коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов. На материале суффиксальных существительных в ней представлена модель комплексного системного описания русского словообразования в функциональном когнитивно-коммуникативном аспекте, а также предложена эффективная методика формирования словообразовательной компетенции иностранных учащихся филологического профиля обучения.

Актуальность темы диссертации определяется потребностью теории и методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в комплексном и системном описании русского словообразования, восполняющем лакуны в сложившейся на сегодняшний день лингводидактической модели языка, в научно обоснованной концепции обучения иностранных учащихся-филологов производной лексики, в адекватном отражении словообразовательного компонента в лингводидактических материалах системы сертификационного тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку.

Научная новизна диссертационной работы заключается в уточнении структуры коммуникативной компетенции иностранных учащихся филологического профиля, в многоаспектном рассмотрении словообразовательного компонента как необходимой составляющей коммуникативной и профессиональной компетенций учащихся-филологов, в разработке на междисциплинарной основе с позиций ономаσιологического подхода оригинальной целостной концепции описания производной лексики в аспекте преподавания РКИ.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем дано комплексное описание словообразовательного фрагмента функциональной когнитивно-коммуникативной лингводидактической модели русского языка на материале суффиксальных имен существительных, разработана оригинальная концепция лингвометодической модели обучения русскому

словообразованию иностранных учащихся-филологов, определена совокупность критериев отбора словообразовательных моделей, актуальных для практики преподавания РКИ, научно обоснована лингводидактическая эффективность раздельного рассмотрения производных лексем по основным областям словообразования (транспозиционной, модификационной, мутационной), эффективно применен метод интегрального описания языковых единиц разных уровней, обоснована целесообразность последовательного разграничения двух направлений в описании русского словообразования в аспекте преподавания РКИ: рассмотрение особенностей функционирования деривационного форманта как части словообразовательной и семантической структуры производного слова; 2) изучение своеобразия функционирования производного слова в характерных для него семантико-синтаксических контекстах, моделях предложений/высказываний, в тексте/дискурсе.

Практическая ценность заключается в следующем: результаты исследования легли в основу подачи словообразовательного материала при написании учебников, учебных пособий и программ по РКИ, используются в лекционных курсах по функциональному словообразованию для российских и иностранных учащихся, а также слушателей ФПК филологического факультета и Учебного центра русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова; учтены при разработке нормативных документов российской системы тестирования (ТРКИ): Стандартов (Требований), Типовых тестов, Лексических минимумов.

Важнейшие результаты исследования:

1) уточнен состав коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов;

2) определена роль словообразовательного компонента в формировании коммуникативной компетенции в целом, в развитии всех видов речевой деятельности;

3) выявлено своеобразие словообразовательного фрагмента функциональной когнитивно-коммуникативной лингводидактической модели языка; дана характеристика русского словообразования в аспекте преподавания РКИ; уточнен лингвометодический потенциал деривационных единиц и выделены базовые учебные словообразовательные единицы; определены критерии отбора словообразовательных моделей в целях преподавания иностранным учащимся-филологам;

4) разграничены понятия рецептивного и репродуктивно-продуктивного словообразования; уточнено понятие потенциального словаря иностранных учащихся;

5) разработана, научно обоснована и описана модель обучения иностранных учащихся-филологов производной лексике на материале суффиксальных существительных (общее владение, язык специальности); произведена ее экспликация на систему сертификационного тестирования по русскому языку как иностранному;

6) выявлен культурно-концептуальный потенциал суффиксальных субстантивов;

7) обоснована особая роль комплексных деривационных единиц в освоении иностранными учащимися-филологами русской языковой картины мира;

8) решена задача представления русского словообразования в аудитории иностранных учащихся в аспекте речевого этикета, а также в русле межкультурной коммуникации.

Объективность и достоверность полученных результатов и сделанных выводов обеспечиваются, во-первых, исходными методологическими положениями, опорой на достижения современной лингвистики, теории и методики преподавания русского языка как иностранного; во-вторых, использованием комплекса теоретических и эмпирических методов научно-педагогического исследования, репрезентативным количеством участников опытного обучения; в-третьих, успешным внедрением созданной лингво-методической модели обучения коммуникации в практику преподавания РКИ.

Основные результаты исследования отражены в автореферате и в 65 печатных работах, включая монографию, учебники, программы, стандарты, требования и типовые тесты по русскому языку как иностранному. Главные положения диссертации неоднократно излагались и обсуждались на конгрессах МАПРЯЛ, международных научных и научно-практических конференциях и методических семинарах.

Внедрение результатов осуществлялось в МГУ имени М.В. Ломоносова и позволило повысить эффективность обучения русскому языку иностранных учащихся-филологов и научно-методический уровень курсов лекций по «Функциональному словообразованию» для студентов, магистрантов и аспирантов филологического факультета, а также для слушателей ФПК.

Кузьмина Елена Александровна «Граматики церковнославянского языка в культурно-языковом пространстве России XVI–XVIII вв.»

Специальность 10.02.01 — русский язык.

В диссертации, представляющей собой систематизированное интертекстуальное исследование эволюции грамматической мысли России, обобщаются результаты и подводятся итоги филологических изысканий памятников славянской грамматической мысли конца XVI — первой трети XVIII в.

Актуальность темы определяется статусом избранного объекта исследования. Одновременная фиксация в грамматическом описании языка и мысли о языке, составляющая специфику жанра, делает грамматику максимально «сильным» и потенциально неисчерпаемым источником для истории литературного языка, позволяющим одновременно исследовать и литературный язык эпохи, и ее языковые представления.

Научная новизна работы состоит в том, что наряду с механизмом порождения грамматического описания в ней впервые осуществляется исследование механизма его восприятия. Такой интегративный подход позволил предложить путь решения проблемы бытования грамматики в определенном культурно-историческом пространстве, проследить диалог различных лингвистических идеологий, увидеть смену культурно-языковых ориентаций великорусских книжников. Диссертация вводит в научный оборот рукописные грамматические сочинения, которые ранее не были предметом лингвистического и текстологического анализа.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что в нем была разработана научная концепция развития грамматической мысли России конца XVI — первой половины XVIII в.; реконструированы рабочие принципы и лингвистические установки создателей грамматических сочинений; определена степень императивности «грамматической премудрости» для великорусских книжников. Представленный в работе комплексный анализ грамматических сочинений пополняет существующие в науке представления об истории нормы и нормирования литературного языка конца XVI — первой половины XVIII в.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы и результаты исследования могут быть использованы в учебных пособиях, общих и специальных курсах по истории русского литературного языка, лингвистического источниковедения, текстологии и истории языкознания в высшей школе; в исторической лексикографии при составлении словарных статей, посвященных лингвистическим терминам; в энциклопедической практике, при подготовке научных изданий памятников славянской грамматической мысли.

*Диссертации на соискание степени
кандидата филологических наук*

Волкова Светлана Борисовна «Формирование концепта военной службы и особенности его репрезентации в англоязычном историческом художественном дискурсе»

Специальность 10.02.04 — германские языки.

Томашевская Ирина Валерьевна «Когнитивные аспекты формирования гендерно-маркированных оценочных существительных в современном английском языке»

Специальность 10.02.04 — германские языки.

Мельникова Светлана Андреевна «Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля “Сила, здоровье/слабость, болезнь” в русском языке»

Специальность 10.02.01 — русский язык.

Терентьева Елизавета Юрьевна «Народные названия церковных праздников в русской и болгарской православной традиции»

Специальность 10.02.01 — русский язык.

Овчинникова Алла Владиславовна «Социолингвистические аспекты изучения речи испанской молодежи»

Специальность 10.02.05 — романские языки.

Строгонова Ольга Леонидовна «Особенности репрезентации языковой личности подростка: лингво-прагматический аспект (на материале современных англоязычных учебно-методических комплексов и художественной литературы о подростках)»

Специальность 10.02.04 — германские языки.

Пенькова Яна Андреевна «Финитные образования от основы БУД- в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис)»

Специальность 10.02.01 — русский язык.

Дэн Цзе «Позиционные закономерности русской фонетической системы “в зеркале” китайского языка»

Специальность 10.02.01 — русский язык.

Амочкина Елена Андреевна «Прагмафоностилистика ритмических последовательностей в английской художественной прозе»

Специальность 10.02.04 — германские языки.

Невокшанова Анастасия Андреевна «Особенности современной языковой ситуации в Аргентине и их отражение в законодательных и дидактических текстах»

Специальность 10.02.05 — романские языки.

Титаренко Дарья Александровна «Инверсия тематического компонента простых повествовательных предложений в современном шведском языке»

Специальность 10.02.04 — германские языки.

Чеботарева Ольга Игоревна «Методика адаптации учебных материалов для очно-дистанционного обучения английскому языку»

Специальность 13.00.02 — теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный и иностранные языки в общеобразовательной и высшей школе).

Стойнова Наталья Марковна «Типология глагольных показателей рефактива: модели полисемии и структура семантической зоны»

Специальность 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Усачева Мария Николаевна «Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках»

Специальность 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Семенова Ирина Борисовна «Сопоставительный анализ переводческих эквивалентов англоязычных терминов экономики в языке и речи»

Специальность 10.02.04 — германские языки;

Специальность 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Волконская Мария Андреевна «Язык среднеанглийской поэмы “Сэр Гавейн и зеленый рыцарь”: традиционные поэтизмы и заимствования в их функциональном взаимодействии»

Специальность 10.02.04 — германские языки.

Беляев Денис Викторович «Функции и языковые особенности немецкого речевого жанра BUTTENREDE»

Специальность 10.02.04 — германские языки.

Шиханцов Алексей Святославович «Особенности словесного ударения в английской публичной речи»

Специальность 10.02.04 — германские языки.

Орлова Светлана Викторовна «Сопоставительный анализ семантики немецких частиц *DENN*, *DOCH* и *JA* и их русских переводных эквивалентов»

Специальность 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Филиппов Василий Олегович «Языковая концептуализация сред»

Специальность 10.02.19 — теория языка.

Алияришорехдели Махбубех «Пассивные возвратные конструкции в русском языке: взаимодействие грамматических и семантических категорий (в зеркале персидского языка)»

Специальность 10.02.01 — русский язык.

Бахарлу Хади «Анализ русской аэрокосмической терминологии и проблемы составления переводного учебного словаря аэрокосмических терминов»

Специальность 10.02.01 — русский язык.

Марушкина Анастасия Сергеевна «Семантика лексики, обозначающей физические взаимодействия, в онтологическом аспекте»

Специальность 10.02. 21 — прикладная и математическая лингвистика.

Пшехотская Екатерина Александровна «Косвенное дополнение как субкатегоризованный и несубкатегоризованный актант (на материале русского языка)»

Специальность 10.02.19 — теория языка.

Сироткина Евгения Сергеевна «Русскоязычная смс-коммуникация как объект лингвистического анализа»

Специальность 10.02.01 — русский язык.

Соловьева Яна Юрьевна «Народная проза о детях, отданных нечистой силе (сюжетный состав и жанровые реализации)»

Специальность 10.01.09 — фольклористика.

Попов Владимир Николаевич «Н.Е. Струйский и проблема литературной репутации»

Специальность 10.01.01 — русская литература.

**Шумилин Михаил Владимирович «Тема времени в “Фарселии”»
Лукина: историко-культурный контекст и литературная интерпретация»**

Специальность 10.02.14 — классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Елагина Ольга Евгеньевна «Проза Георгия Иванова: особенности поэтики»

Специальность 10.01.01 — русская литература.

Шмидт Мария Михайловна «Проза Д. Хармса в контексте литературы абсурдизма»

Специальность 10.01.01 — русская литература.

Кацюба Галина Александровна «Антропософский дискурс в прозе А. Белого и В. Хлебникова»

Специальность 10.01.01 — русская литература.

Ян Чжэн «“Последний поклон” В.П. Астафьева (История создания. Жанр. Система персонажей)»

Специальность 10.01.01 — русская литература.

Крысанова Маргарита Валерьевна «Цикл “Серрапионовы братья” — новый этап в творчестве Э.Т.А. Гофмана»

Специальность 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Ломакин Станислав Владимирович «Уильям Теккерей и русская литература 40–60-х гг. XIX века: оценка в критике и типологические связи»

Специальность 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература);

Специальность 10.01.01 — русская литература.

Семенова Юлия Александровна «Произведения Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова для детей в контексте педагогических полемики 1860–1870-х гг.»

Специальность 10.01.01 — русская литература.

Ди Сяоя «Неклассический» психологизм, его истоки и его “присутствие” в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”»

Специальность 10.01.01 — русская литература.

ЮБИЛЕИ

ОЛЬГА ФЕДОРОВНА КРИВНОВА

В январе 2013 г. исполнилось 70 лет доктору филологических наук, ведущему научному сотруднику кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заслуженному научному сотруднику Московского университета Ольге Федоровне Кривновой.

Ольга Федоровна с отличием окончила Отделение структурной и прикладной лингвистики МГУ в 1965 г., защитив диплом по теме «К вопросу об информативности интервала ООТ в пределах слова» под научным руководством доцента Юрия Михайловича Отряшенкова.

Она была рекомендована в аспирантуру кафедры и в 1969 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые особенности интонационной системы русского языка (на основе экспериментального исследования)» под руководством виднейшего фонолога, одного из основоположников Московской фонологической школы, — профессора Петра Саввича Кузнецова. Так она стала первым кандидатом наук среди выпускников ОСиПЛ.

Результатом последующих исследований О.Ф. Кривновой в области супrasegmentных явлений стала защита докторской диссертации по теме «Ритмизация и интонационное членение текста “в процессе речи-мысли” (опыт теоретико-экспериментального исследования)» в 2007 г.

Научные интересы О.Ф. Кривновой лежат в области общей и экспериментальной фонетики, производства, восприятия и акустики речи. Специальная сфера научных интересов — просодическая организация звучащей речи, компьютерная фонетика, автоматический синтез, распознавание речи и интонационное членение текста.

В последние годы Ольга Федоровна работает над созданием и экспериментальной проверкой динамической модели ритмо-интонационного членения связного текста (на материале русского языка). По этой тематике О.Ф. Кривнова получила в последние годы два международных гранта. По результатам данной работы подготовлен ряд публикаций.

Второе направление научной работы О.Ф. Кривновой связано с прикладными речевыми технологиями. С 1996 г. она руководит научно-исследовательской речевой группой при кафедре теоретической и прикладной лингвистики. Задача группы — разработка проблем компьютерной фонетики, связанных с такими востребованными аспектами прикладной фонетики, как автоматический синтез и распознавание речи. Результаты разработок группы отражены в большой серии статей, опубликованных ее сотрудниками, а также докладах, прочитанных на многих научных конференциях, в том числе международных.

Под руководством Ольги Федоровны Кривновой и Нины Владимировны Зиновьевой создана действующая система автоматического синтеза русской

речи по произвольному тексту. В основе системы лежит динамическая модель фонетической системы русского языка.

В качестве видного специалиста по речевым технологиям Ольга Федоровна участвовала в качестве консультанта в разработке системы автоматического распознавания английского языка и создании акустической базы данных для американского варианта английского языка. Принимала участие в подготовке патента на эту систему.

Речевой группой кафедры под руководством О.Ф. Кривновой ведется также работа по созданию акустического и лингвистического обеспечения для систем автоматического распознавания русской слитной речи.

О.Ф. Кривнова является активным участником разработки и создания речевых корпусов «Интонация русского диалога» и «Интонация русских повествовательных текстов». Эта работа ведется силами «Речевой группы» кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ с привлечением студентов и аспирантов Ольги Федоровны.

Однако достижения Ольги Федоровны не исчерпываются успехами ее научной деятельности. Очень важным направлением ее работы является педагогическая деятельность. Она была еще аспиранткой, когда ей было доверено чтение курса «Математические методы в лингвистике». О.Ф. Кривнова много лет читала на Отделении теоретической и прикладной лингвистики обязательный курс по общей фонетике (1 курс) и по сей день читает курс по автоматической обработке звучащей речи для третьекурсников. Первый из этих двух курсов в 1993–94 гг. читался также для студентов лингвистического факультета РГГУ. Кроме обязательных курсов, Ольга Федоровна читала спецкурсы «Современная американская фонология» (в соавторстве с С.В. Кодзасовым) и «Лингвистическое обеспечение автоматического синтеза речи».

На базе чтения этих курсов опубликован целый ряд учебных и методических пособий, в том числе, фундаментальный учебник «Общая фонетика» (в соавторстве с С.В. Кодзасовым) — одно из наиболее подробных и востребованных современных учебных пособий по этой тематике.

В качестве специалиста по проблемам акустики речи и компьютерной лингвистики О.Ф. Кривнова является членом нескольких обществ, в том числе, международных. Среди них — фонетическая комиссия при ОЛЯ РАН, секция «Акустика речи» Российского акустического общества. Она член редколлегии периодического издания «Проблемы фонетики» и журнала «Речевые технологии». Кроме того, Ольга Федоровна является постоянным участником международного семинара «Диалог» по компьютерной лингвистике и ее приложениям.

Актуальная сфера научных интересов О.Ф. Кривновой связана с созданием и экспериментальной проверкой динамической модели интонационного членения и ритмизации в связанном тексте, а также с разработкой лингвистического обеспечения речевых технологий на базе русского языка, включая акустико-фонетические и аннотированные фонетические базы данных.

В последние годы Ольга Федоровна участвовала в ряде индивидуальных и коллективных проектов, которые поддерживались грантами или

осуществлялись на основе договоров о совместном сотрудничестве. Среди них — индивидуальные проекты “Rhythmization and Intonational Phrasing in the Process of Text Generation”, «Ритмизация и интонационное фразирование текста в процессе “речи-мысли”», лингвистическое обеспечение для автоматического программного синтеза русской речи, автоматическая система распознавания английского языка, автоматическое распознавание русской слитной речи на ограниченном словаре и др.

Ольга Федоровна Кривнова имеет более 130 публикаций в престижных научных журналах и сборниках, что свидетельствует об уровне и востребованности результатов ее научной деятельности.

Что касается педагогической деятельности О.Ф. Кривновой, отметим, что на протяжении многих лет она фактически открывала перед студентами-первокурсниками мир науки о Языке, так как именно с курса общей фонетики на Отделении теоретической и прикладной лингвистики начинается цикл специальных лингвистических дисциплин. Особенность курса общей фонетики Ольги Федоровны — обилие демонстративного материала, схем и диаграмм, четкое структурирование учебного материала, множество практических заданий. Те же качества характеризуют и прочие курсы Ольги Федоровны, в первую очередь курс по автоматической обработке звучащей речи. Под руководством Ольги Федоровны студенты работали с компьютерными программами по автоматической обработке звучащей речи задолго до того, как компьютер стал непременным атрибутом любого письменного стола.

Ольга Федоровна — уважаемый и любимый преподаватель. Студенты охотно пишут под ее научным руководством курсовые работы и дипломы, аспиранты и соискатели регулярно выбирают ее в качестве научного руководителя. Во многом это объясняется той готовностью и самоотдачей, с которыми она работает с молодыми учеными. По собственному признанию Ольги Федоровны, она готова помочь любому начинающему лингвисту, если только тот искренно желает заниматься научной деятельностью.

Стиль ее индивидуальной работы со студентами и аспирантами абсолютно демократичен: Ольга Федоровна всегда стремится лишь подтолкнуть начинающих ученых к поиску собственных оригинальных решений, не навязывая готовых схем. При этом Ольга Федоровна, будучи весьма требовательна к собственной научной деятельности, предъявляет высокие требования и к работе молодых лингвистов, что сочетается с крайне доброжелательной манерой общения и готовностью принять точку зрения оппонента. Ольга Федоровна в каждом своем подопечном, будь то вчерашний школьник или аспирант, видит ученого и выстраивает свой научный диалог с ним в соответствии с этим видением.

Не только в работе со студентами и аспирантами, но и в общении с коллегами проявляются замечательные личностные качества Ольги Федоровны: открытость, искренность, доброжелательность, оптимизм.

Мы от всей души поздравляем Ольгу Федоровну с юбилеем и желаем дальнейших успехов как в научной, так и педагогической деятельности.

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

ПАМЯТИ...

НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА ОКТЯБРЬСКАЯ

24 января 2013 г. ушла из жизни заведующая иностранным отделом филологического факультета МГУ Надежда Дмитриевна Октябрьская, редкостно достойный и отзывчивый человек, обладавший лучшими качествами, которых обычно не подозревают в том, кто десятки лет занимает «чиновничью» должность.

Надежда Дмитриевна родилась в Москве 12 августа 1938 г. В 1955 г. поступила на филологический факультет Московского университета. С ним и связала себя навсегда.

Она обладала даром понимать другого, вникать в его проблемы и бескорыстно помогать ему. В период «оттепели» она не могла не быть активной общественницей. И в 1958 г. по комсомольской путевке поехала на целину в Казахстан. Работала поваром в студенческом отряде и бригаде механизаторов, копнителем (сбрасывала вилами с комбайна солому, от которой отчищалось зерно), много перепробовала и других дел. В последние недели на целине была помощником комбайнера. Ее наградили грамотами Булаевского района Целиноградской области (теперь Целиноград — это столица Республики Казахстан Астана) и ЦК комсомола Казахстана.

В 1960–1961 гг. Н. Октябрьская была секретарем комсомольского бюро факультета, вела разнообразную и достаточно неформальную работу. С помощью студентов-филологов увековечили память героев битвы за Москву 1941 г. На Новодевичьем кладбище появились памятники над захоронениями праха генералов И.В. Панфилова и Л.М. Доватора, летчика-истребителя В.В. Талалихина. На фабриках и заводах студенты и аспиранты читали лекции по русской и зарубежной литературе, вели занятия по русскому и иностранным языкам, агитировали слушателей и членов кружков поступать на филологический факультет МГУ, проводили занятия с детьми в детских домах. Филологический факультет получил переходящее Красное знамя комитета комсомола университета. Достижению этих успехов он во многом обязан молодой Надежде Дмитриевне.

Преподавательские навыки ейгодились и в дальнейшем. В 1979–1981 гг. она преподавала русский язык и методику русского языка как иностранного за границей, в Алжирском национальном университете. Ее ученики потом приезжали в Москву, поступали в аспирантуру, стажировались, читали доклады на научных конференциях. Подлинным призванием Надежды Дмитриевны оказалась организация учебного процесса иностранных учащихся в МГУ. Она стояла у истоков создания на факультете иностранного отдела и руководила им больше полувека.

Ее имя оказалось вписанным в историю филологического факультета, который готовил в эти годы специалистов по русскому языку и литературе для 47 стран мира.

Наделенная от природы неиссякаемой энергией и жизнелюбием, Надежда Дмитриевна со всей присущей ей ответственностью служила идее объединения, сплочения стран и людей. У нее был дар собирания «человеков». При этом она отличалась удивительной преданностью всему, что касалось факультета. «Факультетский человек» — это ее суть. Окончив университет в 1961 г., она всегда потом трепетно относилась к своим однокурсникам, интересовалась их жизнью, успехами, семейными новостями.

А во вверенном ей отделе никогда не было текучести кадров. Если люди приходили работать в иностранный отдел, то оставались там навсегда. И это при том, что в отделе в течение многих лет не было полного штатного расписания, сотрудники числились на низкооплачиваемых лаборантских ставках, а работали на износ.

В характере Надежды Дмитриевны как-то уживались уважение, сочувствие, внимание к каждому человеку с бескомпромиссностью, строгостью и требовательностью, но в иностранный отдел «факультетские» всегда входили, как в родной дом. И сколько бы ни было в кабинете № 975 людей — иностранных учащихся или преподавателей, — все проблемы всегда разрешались, даже в обеденный перерыв, когда тебе обязательно подадут и чашечку чая.

За отличные успехи в работе Надежда Дмитриевна Октябрьская была награждена Почетным знаком Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Почетной грамотой Минвуза РФ, медалью «В память 850-летия Москвы», получала благодарности ректората МГУ и руководства филологического факультета.

Н.Д. Октябрьская — заслуженный работник Московского университета, ветеран труда. Последнее время она трудилась с прежней отдачей, преодолевая такую болезнь, при которой другие работать перестают.

С уходом Н.Д. Октябрьской ушла и часть жизни нашего факультета. Но яркий самобытный образ ее, незаурядного человека своего времени, остался в памяти, в сердцах людей. 28 января, несмотря на мороз и преклонный возраст многих, Надежду Дмитриевну провожали в последний путь до самого кладбища многие коллеги-филологи, иностранные учащиеся, пришедшие на похороны по потребности души, по зову сердца, чтобы проститься с нею.

О кончине Надежды Дмитриевны скорбим не только мы. Из многих уголков мира поступили соболезнования иностранных выпускников филологического факультета разных лет, которые помнят заботу, тепло и помощь Надежды Дмитриевны.

Самое трудное в жизни — не сделать административную или научную карьеру, а войти в сознание всех знакомых как безукоризненно хороший человек. Таких искренне теплых слов, которые были сказаны во время прощания с Надеждой Дмитриевной, не скажут о большинстве внешне гораздо более успешных людей.

*Е.А. Брызгунова, А.П. Герасименко, В.К. Евсеева,
С. И. Кормилов, Е.С. Ярамышева*